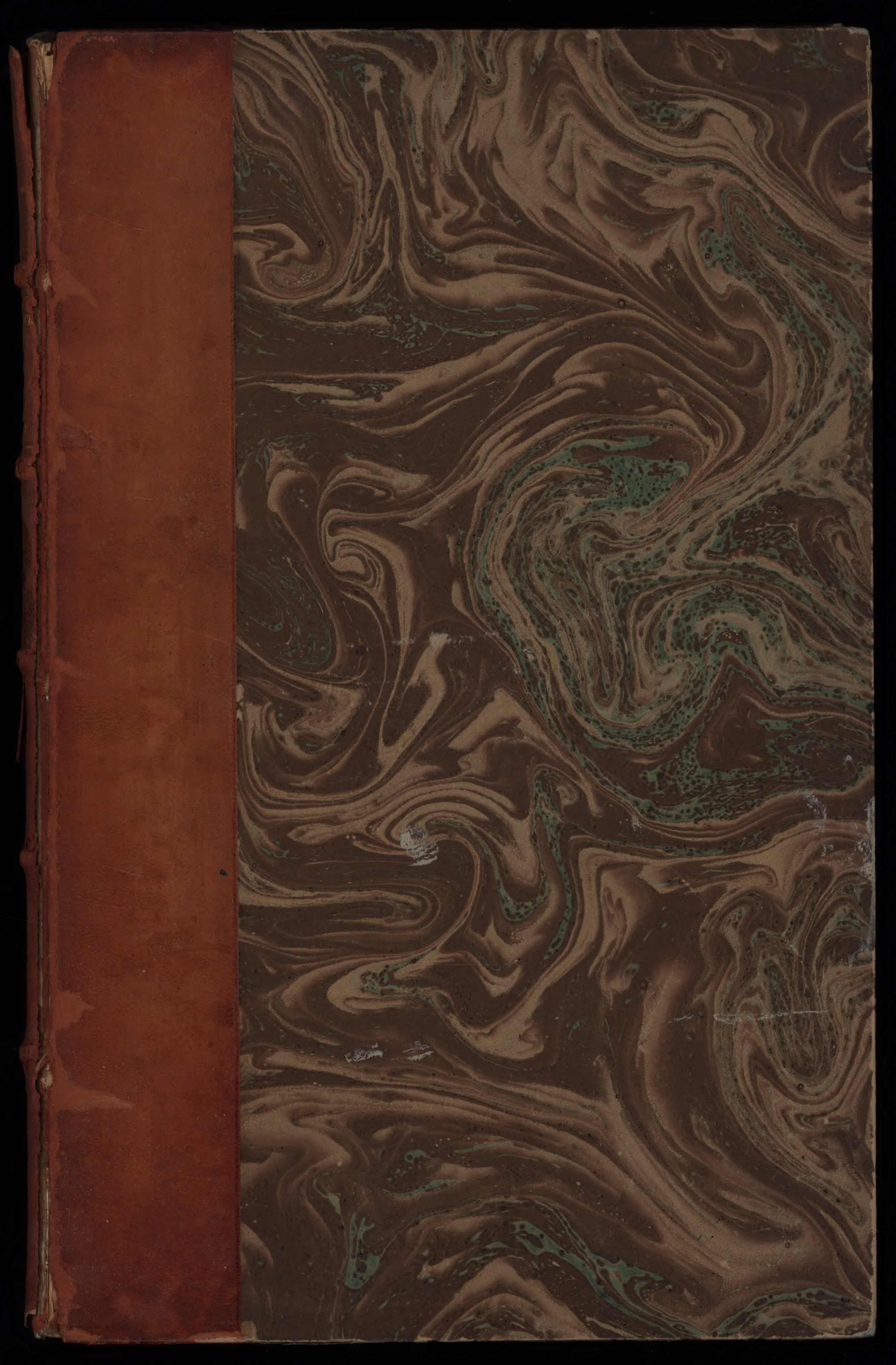

12

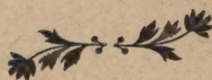
ИСТОРІЯ РУССКАГО ИСКУССТВА.

Д. Айналовъ.

Исторія Древне-Русскаго Искусства.

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Историко-Филологическомъ факультетѣ Петроградскаго Универститета.

Выпускъ I. Кіевъ.

ПЕТРОГРАДЪ
Типо-Литографія И. Юделевича, Владимірскій пр., 13.
1915.

Проф. Д.В. АЙНАЛОВЪ.

ИСТОРІЯ
ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА.

Типо-литографія И. Юделевича. Владимірскій, 13.

Куплен весною [illegible] в Киеве за [illegible]
[illegible] 19.1.21 у Айналова [illegible]

Проф. Д.В. АЙНАЛОВЪ.

ИСТОРІЯ
ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА.

Типо-литографія И. Юделевича. Владимірскій, 13.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мм. Гг.

Я предпринялъ чтеніе настоящаго курса по той причинѣ, что убѣжденъ въ важности научнаго знакомства съ древне-русскимъ искусствомъ не только для студента - филолога, но и для всякаго образованнаго русскаго человѣка. Исторія говоритъ намъ о дѣяніяхъ, но часто за ея повѣствованіемъ скрыты отъ нашего взора культура и бытъ страны. И вотъ въ то время, когда греческая и римская исторія преподаются параллельно съ греческимъ и римскимъ искусствомъ и древностями, преподаваніе русскаго искусства и древностей опущено нашей университетской программой, не считается обязательнымъ знаніемъ для филолога съ университетскимъ образованіемъ, а въ русскомъ древнемъ искусствѣ онъ не находитъ для себя важнаго дополнительнаго знанія, способнаго пролить яркій свѣтъ на исторію и бытъ древней Руси. Причины этому обстоятельству сами по себѣ понятны. Недостаточность штудіи въ области древне-русскаго искусства, неразработанность многихъ отдѣловъ нашихъ отечественныхъ древностей и искусства - вотъ главныя причины тому, что древне-русское искусство не читается съ каѳедры. Кромѣ этой главной причины есть и другая, имѣющая

основу въ первой. Незнаніе своего древняго искусства повело уже издавна къ ложному представленію о немъ; въ древне-русскомъ искусствѣ видѣли, да и теперь еще многіе видятъ лишь одно варварство, мало поучительное для русскаго человѣка, въ особенности если поставить его наряду съ искусствомъ античной Греціи или съ искусствомъ эпохи Возрожденія.

Еще въ 1866 году знаменитый Буслаевъ опровергалъ ложныя представленія о древне-русскомъ искусствѣ, какъ западныхъ, такъ и отечественныхъ ученыхъ, почерпавшихъ свои свѣдѣнія изъ отзывовъ иностранцевъ о національномъ русскомъ искусствѣ. Такъ напримѣръ, въ общераспространенномъ трудѣ Карла Шназе "исторія образовательныхъ искусствъ", сдѣлавшемся классическимъ въ извѣстное время во всей Европѣ, равно какъ и у насъ въ Россіи, и переведенномъ на русскій языкъ, отзывъ о русскомъ искусствѣ стремится вызвать прямое враждебное недовѣріе и боязнь къ Россіи. Здѣсь мы видимъ и первобытную дикость нравовъ и неспособность къ воспріятію христіанскихъ понятій, и необозримыя степи и болота и трескучій морозъ и полярныя ночи безъ разсвѣта и титаническую борьбу съ суровой природой и съ дикими звѣрями, однимъ словомъ все звѣрское, дикое и безотрадное, сгруппированное вмѣстѣ, чтобы дать слѣдующую характеристику нравовъ "отсюда смѣсь какъ бы противорѣчивыхъ качествъ: наклонность къ покойному досугу и къ возбудительнымъ чув-

ственнымъ удовольствіямъ, способность къ механической работѣ при недостаткѣ собственныхъ идей и возвышенныхъ порывовъ, почти сентиментальная мягкость чувствъ при грубой безчувственности, колебаніе между благодушіемъ и суровостью, между раболѣпіемъ и патріархальнымъ чувствомъ равенства". Монголы дали окончательную отдѣлку этому племени, которое отличается свойствами номадовъ. "Номады", говоритъ авторъ, "не сооружали храмовъ, довольствуясь своими палатками, но они принесли въ Россію плоды азіатской культуры изъ Китая, Индіи, Персіи. Такимъ образомъ при варварскомъ дворѣ монгольскихъ хановъ,должна была образоваться пестрая смѣсь разныхъ формъ, въ которой господствовалъ духъ востока и особенно сѣверной Азіи, съ ея пестрою, затѣйливою и пышною роскошью. Не могло безъ того быть, чтобы русскіе князья и вельможи, вынужденные тогда по цѣлымъ годамъ находится при дворѣ хановъ, не позаимствовались такимъ вкусомъ и чтобы не распространили его въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ монгольскій вкусъ съ примѣсью китайскаго, индійскаго былъ водворенъ въ Россію и характеръ русскаго стиля готовъ. Русскіе города кажутся Шнаазе безобразною смѣсью куполовъ и башенъ и русская архитектура хуже магометанской. Архитектурныя зданія отличаются свою пышностью, пестротою, произволомъ и вліяніемъ чуждыхъ формъ и воззрѣній; цер-

ковные образа ужасаютъ своею мрачностью, они боязливо придерживаются первобытнаго преданія, въ силу деспотизма князей, которые приказали писать иконы такъ, какъ писалъ ихъ монахъ XIУ вѣка Андрей Рублевъ. Въ русскомъ искусствѣ не нашло себѣ соотвѣтствующей формы глубокое настроеніе духа, проникающее всю жизнь и запечатлѣнное чувствомъ Божества. Божество является русскому въ чувственныхъ, ужасающихъ формахъ. Въ Новгородѣ на одномъ изображеніи читалось: "смотри какъ ужасенъ Господь твой" этимъ вполнѣ выражается чувство этого народа. Его благоговѣніе основывается на страхѣ; ужасающее въ его глазахъ подобаетъ Божеству и замѣняетъ красоту. Затѣмъ онъ проводитъ параллель между русскими и армянами и отдавая предпочтеніе послѣднимъ, распространяется о рабствѣ и свободѣ, прилагая эти идеи къ русскому религіозному искусству, которое оказывается рабскимъ и высказывая мысль, что только свобода, способствуетъ развитію искусствъ.

Этотъ отзывъ и характеристика не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, но нельзя не отмѣтить, что въ немъ у К. Шнаазе вмѣсто древнѣйшаго періода Руси является варварство и дикость, вмѣсто эпохи роста XIУ-XУI стол. - татарщина и китайщина, а вмѣсто культурныхъ заимствованій - рабство.

Другой, не менѣе авторитетный ученый Куглеръ, также переведенный на русскій языкъ, полагаетъ, что

русскіе поклоняются не Божеству, а иконамъ, и потому одѣваютъ ихъ въ дорогія ризы, что иконописцы соблюдаютъ въ своихъ иконахъ однажды навсегда установленные типы, причемъ русское искусство примыкаетъ у него не къ византійскому, а къ магометанскому и индійскому, какъ и сами русскіе примыкаютъ также къ магометанамъ по своей культурѣ, и Василій Блаженный слѣдуетъ за турецкими и персидскими мечетями.

Третій - Эрнстъ Ферстеръ. Этотъ ученый полагаетъ, что "русскій стиль представляетъ отклоненіе отъ византійскаго, или вѣрнѣе искаженіе его. Въ этомъ стилѣ наблюдается скопленіе неправильныхъ формъ, нагроможденныхъ одна на другую и произволъ въ сочетаніи частей соединяется съ безобразнымъ родомъ куполовъ, въ видѣ луковицъ помѣщенныхъ на церквахъ и башняхъ".

Приводя подобные взгляды основанные на невѣжествѣ западныхъ историковъ искусства Буслаевъ замѣчаетъ: "Я вовсе не имѣлъ безполезнаго намѣренія доказывать общеизвѣстную истину, что иностранцы мало насъ знаютъ, но полагалъ, что принять къ соображенію эти мнѣнія будетъ не безполезно для того, чтобы по достоинству оцѣнить ихъ отголоски въ нашемъ отечествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить ихъ кому слѣдуетъ, по принадлежности". /Сборн. Древн. Русск. Иск. 1868 г. стр. 89/.

Съ тѣхъ поръ многое возвращено обратно, много установлено незыблемыхъ основъ для сужденія о рус-

скомъ древнемъ искусствѣ.

Въ 1878 г. вышла извѣстная книга Віоле-ле Дюка о русскомъ искусствѣ. Это былъ знатокъ архитектуры, стилей, обладавшій прекрасно развитымъ вкусомъ и особенно занимавшійся орнаментомъ. Въ его книгѣ, однако, повторяется все, что раньше мы слышали объ Индіи, монголахъ и т.п. Разница лишь та, что Віоле-ле-Дюкъ, живя въ Россіи, близко ознакомившись съ русскимъ стариннымъ стилемъ иконописи, архитектуры, орнаментики, былъ пораженъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и красотой формъ, роскошью, единствомъ мысли и гармоніей тоновъ русскаго орнамента и потому думалъ, что сможетъ уже написать исторію русскаго искусства. Мы увидимъ далѣе, какія требованія должно предъявлять къ тому, кто захотѣлъ бы написать исторію хотя бы одного древнѣйшаго періода русскаго искусства, но по отношенію къ Віоле-ле-Дюку эти требованія предъявилъ уже Буслаевъ. Шагъ за шагомъ разбираетъ онъ не только воззрѣнія Віоле-ле-Дюка на исторію русскаго искусства, но и на связи его съ иноземными искусствами и въ концѣ концовъ устанавливаетъ пути движеній художественныхъ стилей изъ Болгаріи и Византіи, откуда шла и наша образованность и письменность. Результатъ критическаго разбора Буслаевымъ книги Віоле-ле-Дюка ложится въ основу исторіи русскаго искусства, созидаемой на научныхъ основаніяхъ. Въ исторіи русскаго древняго

искусства теперь нельзя сдѣлать ни шагу, не принимая въ расчетъ византійскаго и средневѣковаго европейскаго искусства. Буслаевъ пришелъ къ этому послѣ основательнаго изученія западнаго искусства X, XI, XII вѣковъ, народившагося подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ византійскаго, послѣ самаго кропотливаго и тщательнаго сопоставленія и сравненія формъ, т.е. на основаніи сравнительно исторического метода, а не только одной эстетической оцѣнки, какъ у Віоле-ле-Дюка. Этотъ историко-сравнительный методъ, примѣненный къ изслѣдованію русскихъ древностей и искусства есть важное пріобрѣтеніе нашей науки. Въ самомъ дѣлѣ изящно образованный вкусъ можетъ и даже долженъ избирать одно и отбрасывать другое. То, что не удовлетворяетъ этого вкуса, будетъ грубо, не эстетично, дико, - наоборотъ то, что подходитъ подъ условія этого образованнаго вкуса то прекрасно. Иначе поступаетъ объективная наука. Она сравниваетъ, устанавливаетъ и доказываетъ преемство и родство формъ, объясняетъ исторію формъ того искусства, которымъ занимается. Теперь, уже только по прошествіи какихъ-нибудь 30, 35 лѣтъ невозможны такіе отзывы о древне-русскомъ искусствѣ, какіе высказывались ранѣе, наоборотъ, теперь въ той же самой западной наукѣ господствуетъ иная оцѣнка и памятники древне-русскаго искус-

ства связываются съ исторіей обще-европейскаго искусства. Русское искусство для Буслаева не было той сферой, гдѣ пресыщенный вкусъ ищетъ непремѣнно изящныхъ и удовлетворяющихъ его формъ; это была область рисовавшая бытъ, жизнь, стремленія, всѣ самыя завѣтныя думы и чувства древняго русскаго человѣка. Онъ слѣдилъ по мѣрѣ силъ своихъ за исторіей русскаго искусства отъ самыхъ первыхъ шаговъ, начиная съ X, XI вѣковъ, когда Русь жила подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи, вплоть до сооруженія памятника тысячелѣтія и картинъ Рѣпина. Сопоставляя, напримѣръ старинную рукопись Псалтыри боярина Годунова 1602 года, съ Псалтырью Углической, а затѣмъ Хлудовской IX вѣка, онъ вскрылъ такое важное явленіе, которое не было доступно ни одному европейскому ученому, интересовавшемуся византійскимъ и русскимъ искусствомъ. Дѣло въ томъ, что на поляхъ этихъ рукописей можно видѣть множество картинокъ или миніатюръ, поясняющихъ текстъ или толковыхъ рисунковъ. Среди этихъ рисунковъ, соотвѣтствующихъ картинкамъ въ нашихъ печатныхъ книгахъ, попадаются такіе, которые представляютъ различные стихіи, какъ напримѣръ четыре вѣтра, или изображенія рѣкъ, или солнца и луны подъ видомъ человѣческихъ фигуръ. Русскіе мастера, изображавшіе эти аллегоріи были вполнѣ освоены съ

подобнаго рода аллегорическими представленіями и вполнѣ понимали ихъ значеніе. Буслаевъ не только доказалъ, что въ древней Руси эти аллегорическія изображенія были обычнымъ дѣломъ, но что онѣ были единственными въ своемъ родѣ по близости, по свѣжести представленія къ аллегоріямъ, созданнымъ геніемъ древней Греціи и вошли въ сознаніе русскаго народа черезъ посредство Византіи. Такимъ образомъ въ складѣ воображенія древне-русскаго вскрываются черты античной миѳологіи и культуры, вскрываются слѣды культурно-историческаго воспоминанія, однороднаго съ западно-европейскимъ.

Но это только начало. Цѣлымъ рядомъ монографій Буслаевъ возсоздаетъ передъ нами картину единства древней Руси въ области искусства съ Западной Европой. Онъ изслѣдуетъ настолько же символическій языкъ нашей иконописи въ связи съ византійскими, какъ и европейскими началами, которыя однѣ и тѣ-же для Европы среднихъ вѣковъ, какъ и для Россіи. Въ то время, когда Ѳ.И. Буслаевъ посвятилъ себя изученію русскаго народнаго искусства, этимъ искусствомъ заинтересовались очень мало. Въ русской ученой литературѣ не было ничего руководящаго въ этой области, не было ни средствъ, ни умѣнья приступить къ научному изслѣдованію русскихъ древностей и русскаго искусства. Эта область нашего знанія влачила

проблематическое существованіе и даже со стороны славянофиловъ и западниковъ высказывалось отрицательное отношеніе къ русскому древнему искусству и творчеству. Лишь нѣкоторые люди съ любовью къ старинѣ, какъ напримѣръ графъ Строгановъ, занимались изученіемъ рельефовъ Дмитровскаго собора, Корсунскихъ вратъ, но въ русской наукѣ не было тогда сознательной цѣли, къ которой должны были направляться подобнаго рода занятія. Буслаевъ единственный понялъ, что древне-русское искусство не можетъ быть воссоздано безъ изученія Византіи, какъ основы древне-русской жизни. Самъ о себѣ онъ говорилъ: "не стану я вмѣстѣ съ Чаадаевымъ поворить Византію, потому что знаю высокое ея призваніе въ средне-вѣковой исторіи просвѣщенія не только Россіи, но и въ остальной Европѣ, потому что восхищаюсь великими произведеніями византійскаго художества, базиликами временъ Юстиніана въ Равеннѣ, Паллатинской капеллой въ Палермо, соборомъ апостола Марка въ Венеціи и т.д. до безконечности". Эти слова писалъ онъ незадолго до своей смерти, когда уже въ русской наукѣ существовала школа ученыхъ византологовъ, частью вышедшая изъ его аудиторіи, но въ продолженіи всей своей жизни, Буслаевъ не переставалъ изучать византійское искусство и вдохнулъ свой интересъ въ цѣлую плеяду ученыхъ, разрабатывавшихъ разныя стороны русскаго искусства и литературы. Лучшая исто-

рія византійскаго искусства написана ученикомъ его, нынѣ общеизвѣстнымъ на западѣ ученымъ академикомъ Н.П. Кондаковымъ. На западѣ, встрѣтясь однажды, съ молодымъ ученымъ Ж.П. Рихтеромъ, Буслаевъ совѣтывалъ ему заняться изученіемъ живописи равеннскихъ церквей, и такимъ образомъ, на нѣмэцкомъ языкѣ появилось первое наилучшее изслѣдованіе древней живописи У, УII вѣка, связанное съ именемъ Буслаева и посвященное благодарнымъ ученикомъ своему учителю. Штудіи въ области византійскаго искусства вызвали въ отвѣтъ появленіе и нѣкоторыхъ выпусковъ Русскихъ Древностей Толстого и Кондакова и особенно труда Кондакова "Русскіе клады" крайне важнаго въ методологическомъ отношеніи. Въ этомъ сочиненіи рамки изслѣдованія древне-русскаго искусства раздвинуты до ихъ естественныхъ границъ. Эти границы опредѣляются сосѣдними странами, съ которыми въ непрестанныхъ сношеніяхъ находилась Русь. Если главнымъ вліяніемъ приходится признать все же византійское, то не меньшее значеніе имѣли для древней Руси и сношенія съ Персіей, Сиріей, Средней Азіей, Кавказомъ, Болгарами, греческими поселеніями въ Крыму, особенно съ Херсономъ и Керчью, финскими племенами на сѣверѣ, со скандинавами, имѣвшими смѣшанную культуру. Изученіе русскихъ художественныхъ древностей поставлено въ этомъ сочиненіи въ связь съ древностями запада, востока и сѣвера.

Русское древнее искусство при самомъ своемъ образованіи отличается такимъ сложнымъ составомъ, что требуетъ изученія прежде всего вѣтвей входящихъ въ него, или самостоятельныхъ отдѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ трудѣ мы находимъ и указанія критическаго характера на состояніе древней Руси. "Періодъ великокняжескій считается темнымъ періодомъ въ русской исторіи" не только по отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствующему будто бы варварству: историки заранѣе отказывались изучать бытъ этой темной, безличной, однородной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣроловов и кочевниковъ. „Между тѣмъ", прибавляетъ онъ, "нельзя принимать безъ критики и даже рѣшительнаго отпора тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которая сдѣлана нашими историками только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца". Вамъ извѣстна характеристика Нестора славянскихъ племенъ, въ которой онъ языческіе племена древней Руси считаетъ погаными, живущими звѣринымъ образомъ, ядуще все нечисто, имѣющими особые брачные обычаи и обряды. Онъ противупоставляетъ эту языческую жизнь христіанской жизни и морали. Но значитъ ли это, что древнія славянскія племена не имѣли никакой культуры и были примитивны въ этомъ смыслѣ.

какъ это слово понимается въ наукѣ". "Еще менѣе," говоритъ Кондаковъ," можно характеристику промысловъ древней Руси начинать со звѣриныхъ лововъ, рыболовствъ, такъ какъ рядомъ съ земледѣлiемъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подъ условiемъ торговли, всевозможные промыслы и ремесла..... и кустарная промышленность въ домонгольскiй перiодъ стояла даже выше, чѣмъ въ Московское время"... Дѣйствительно изслѣдованiе курганныхъ древностей и кладовъ доказываетъ это съ полною ясностью. Русь была знакома съ издѣлiями своихъ культурныхъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей и сама имѣла высоко-художественныя ремесла. Изучая стили тѣхъ предметовъ, которые обращались въ быту древней Руси "мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросами о разнообразныхъ культурныхъ и художественныхъ влiянiяхъ на племена древней Руси въ ея начальную эпоху: изслѣдованiе формъ восточнаго стиля поведетъ науку къ разсмотрѣнiю того, какое влiянiе шло съ Волги изъ Персiи, Сирiи, Средней Азiи; изученiе русско-византiйскаго стиля должно дать, въ будущемъ точныя указанiя всего запаса, который русскiе вынесли изъ Византiи и своихъ съ нимъ связей".

Итакъ вотъ какимъ образомъ только можетъ быть написана исторiя древне-русскаго искусства.

Вы видите, какъ видоизмѣнились воззрѣнія на это искусство въ полъ столѣтія, какія требованія предъявляются въ нашей наукѣ къ изслѣдованію его и какіе горизонты открылись на будущее этой науки. Отсюда ясно само по себѣ, что въ дальнѣйшей судьбѣ своей эта наука о древне-русскомъ искусствѣ должна будетъ занять видное мѣсто въ системѣ преподаванія съ университетской каѳедры и стать самостоятельнымъ предметомъ рядомъ съ курсами по русской исторіи, русской литературы.

Я указалъ пока на тотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на древне-русское искусство, который произошелъ въ очень короткое время въ нашей ученой литературѣ. Понятно само по себѣ, что такіе перевороты могутъ происходить только на основаніи добытыхъ фактовъ, на основаніи работъ и изслѣдованій, а ихъ можно указать великое множество. Намъ остается перейти къ самому изложенію курса, чтобы изслѣдовать всю важность этихъ фактовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Извѣстія нашихъ лѣтописей представляютъ важный матеріалъ для освѣщенія русскаго искусства Кіевскаго періода и особенно нуждаются въ болѣе точномъ ихъ пониманіи. Настоящее введеніе посвящено обзору наиболѣе употребительныхъ терминовъ художественнаго языка лѣтописей, важнаго для дальнѣйшаго изложенія.

Мы говоримъ: картина написана, статуя изваяна. Откроемъ нашу начальную лѣтопись, тамъ мы найдемъ разсказъ о греческомъ философѣ, который показалъ Владиміру "запону", на которой было написано страшное"Судище Господне". Слово "запона" объясняется предыдущимъ изложеніемъ рѣчи философа: "испусти духъ Іисусъ, церковная запона раздрася на двое". Изъ этого видно, что лѣтописецъ подъ словомъ "запона" подразумѣваетъ церковную "завѣсу" /у Матѳея 27, 51; Марка I5, 38 и Лука 23, 45, латинское: "aulaeum"/ то есть катапетасму /καταπέτασμα/ греческаго текста Евангелія, или вообще дверную завѣсу. Присланная Владиміру завѣса не называется однако церковной, и слѣдовательно въ пониманіи лѣтописца является одной изъ тѣхъ"синдоновъ" или картинъ, написанныхъ на полотнѣ, существованіе которыхъ въ античномъ и средневѣковомъ искусствѣ общеизвѣстно[1].

I) Египетскій "синдонъ", принадлежащій В. Голенищеву, описанъ въ статьѣ "Археологическіе результаты путешествія по Египту зимой I898-9 г. Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества Т.У, вып. I, таблица III, 6-7.

Это была "γραφὴ ἐν σινδόνι", присланная Владиміру изъ Царьграда, какъ дорогая и не менѣе цѣнная, чѣмъ икона на доскѣ, живописная картина Страшнаго Суда. Впослѣдствіи понятіе о синдонѣ-запонѣ, написанной красками потеряло свой первоначальный смыслъ и въ Густинской лѣтописи Владимірова "запона" превратилась въ златотканную. Ближайшія причины такого измѣненія я указать не могу, но въ виду того, что Густинская лѣтопись сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, нельзя думать, что такая замѣна должна быть приписана невѣжеству лѣтописца. Скорѣе должно придать извѣстное значеніе извѣстію его, сообщающему новый фактъ, стоящій въ зависимости, быть можетъ отъ почитанія какого-то златотканнаго синдона подъ именемъ Владимірова. "Въ тое же лѣто", говоритъ лѣтописецъ, "царствующему въ грецѣхъ Василію и Константину, присла патріарха Никола Хризоверхъ Кирилла философа ко Владиміру со великими дары; посла же и запону златотканную, на ней же бо истканно Второе пришествіе Христово и Страшный Судъ". I)

Du Cange, Glossar I,651. См. Византійскій Временникъ т.IX /1902/ № I и 2 - разборъ сочиненія Стриговскаго "Orient oder Rom, Leipzig 1901, въ которомъ указана подробная литература о синдонахъ р.90 сл. Ср. также въ Актахъ VII Вселенскаго Собора διεσπεζάζε τὴν γεγραμμένην σινδόνα. Du Cange. Gloss. I p.651.

I) Густинская л., стр. 254.

Въ XУ вѣкѣ вмѣсто запоны почиталась въ Москвѣ уже деревянная икона, съ изображеніемъ только одного Спасителя. Объ этой иконѣ говоритъ Татищевъ[2]. Эта же икона изображена и въ Радзвиловскомъ спискѣ лѣтописи[3], какъ иллюстрація къ указанному мѣсту ея.

Въ другихъ древнихъ текстахъ находимъ выраженіе: "Христосъ написанъ или изваянъ"[4]. Эти термины, употребляющиеся для обозначенія цѣлыхъ областей искусства, такіе же памятники сѣдой старины, какъ и древніе вещественные памятники. Происхожденіе ихъ уходитъ въ глубокую даль вѣковъ, когда слово "γραφή," употреблявшееся въ Византіи для обозначенія живописи, было передано на русскій языкъ словомъ "письмо", терминъ "ζωγραφία" словомъ "живопись", а терминъ "ваяніе" употреблялся для обозначенія техники при изготов-

---

2) Татищевъ, Исторія I,27.

3) Радзвиловская или Кенигсбергская лѣтопись. Изданіе общества Любителей Древней Письменности. Т.С. УIII, стр.58.

4) Въ разныхъ спискахъ Антоніева хожденія въ Царьградъ. Х.М. Лопаревъ, книга Паломникъ /Правосл. Палест. сборн. Вып. 5I Спб. 1899/. Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царьградѣ Антонія Архіепископа Новгородскаго въ 1200 году. Также "мусіnею по волоту писано"; "дробницы писаны мусіею" у Никифора Талачанова. Русск. Древн. в. IУ. стр. 79.

ленія языческихъ кумировъ[1]. Такъ выраженіе "γλυπτὰ τῶν θεῶν" передано въ Библіи: "изваяная боговъ" /Исходъ, XXXIУ, I3/. Въ апокрифическомъ откровеніи Авраама также находимъ "обрѣтохъ бога Марумафа именемъ отъ каменьи зово-іана" /испорченное "изваяна"/[2]. Также и въ Ипатьевской лѣтописи подъ I254 годомъ: "Созда церковь св. Ивана Красну /Даніилъ Галицкій/ и лѣпу, зданіе же ея сице бысть комары четыре съ каждаго угла и переводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣческихъ изваяно отъ нѣкоего хитреца"... и др. Терминъ "ваяніе" употребляется по преимуществу для обозначенія рѣзьбы въ камнѣ или на камнѣ. Такъ Антоній Новгородскій говоритъ о дорогомъ камнѣ Ольгинаго блюда, на которомъ былъ изваянъ Христосъ, а въ другихъ приведенныхъ текстахъ говорится уже о каменныхъ изваяніяхъ. Относительно деревянныхъ статуй употребителенъ терминъ "истесанъ" /отъ слова "тесать"/. Различіе этихъ терминовъ до самаго поздняго времени хорошо понималось русскими мастерами. Не лишенъ интереса, поэтому, текстъ Алфавита № I30, собранія гр. А.С. Уварова, въ которомъ говорится о разныхъ способахъ изготовленія статуй у Еллиновъ, главнымъ образомъ по употребленію терминовъ мастерства: "Истуканно-

----

I) Отсюда же получилось и описательное выраженіе: "написанъ аки живъ" и др.

2) Срезневскій, сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. XX
Также: Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности т. 58.

му дутому, ибо же бо кая вещь обдая, яко яблокъ сотворено спаяніемъ, а не волiячно /литейное дѣло/ то есть глаголится истуканно: сице бо идолы творяту Еллини, съ того ради идолы истуканнии наричутся, ино бо есть истуканное и ино изваяно, и ино волiячное; и ино истесанное и выбойчатое"[1]. Въ книгѣ "Каафа" /ред. ХУ вѣка/ также проведено различіе между изваяніемъ, рельефомъ и живописью: "Прежде бо творяху елини образные образы, то суть идоли, не соутъ бы бывшихъ вещей подобіе, но изліяно или выдолото, а не писано, якоже по подобію написанныхъ образовъ"[2]. Въ основѣ послѣдняго текста лежитъ текстъ греческій, несомнѣнно послѣ иконоборнической эпохи, такъ какъ живописный образъ не признается за идола[3]). Эта же точка зрѣнія проведена и по отношенію къ русскимъ кумирамъ или идоламъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ какъ подъ кумиромъ въ нихъ подразумѣваются статуи въ то время, какъ подъ "письмомъ" - цер-

---

I) Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества, т. I, стр. 6 матеріаловъ археологическаго словаря. Истуканъ отъ "истукаю"=выливаю образуетъ Срезневскій на основаніи Лексикона Ламвы Берынды 1627 г. См. Святилище и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ. Харьковъ 1846, стр. 55 прим. 4.

2) В.М. Истринъ. Замѣчаніе о составѣ Толковой Палеи. Выпускъ I-й СПБ. 1897, стр. 95.

3) Богомилы признавали иконы за кумиры. Косма пресвитеръ болгарскій Х вѣка говоритъ: "Еретицы уже не кланяются иконамъ, но кумиръ наричутъ я" Лѣтоп. Истор. Филолог. Общества УIII, I07.

ковныя росписи, иконы.

Почти на первыхъ страницахъ нашей начальной лѣтописи встрѣчается упоминаніе о богахъ Перунѣ и Волосѣ. Именами этихъ боговъ клялся Олегъ со своей дружиной въ Царьградѣ при заключеніи договора съ греками въ 907 году. По русскому закону они клялись: "и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьимъ богомъ и утвердиша миръ". Лѣтописецъ не говоритъ, стояли-ли въ это время въ Кіевѣ идолы нашихъ боговъ, но это еще не значитъ, чтобы ихъ по его понятію тамъ не было. Кумиръ Перуна упоминается лѣтописью на холмѣ въ 945 году по поводу клятвы Игоря и людей его при заключеніи договора, а объ идолѣ Волоса встрѣчается упоминаніе въ житіи Владиміра[I]. Кѣмъ поставленъ былъ этотъ первый, упоминаемый кумиръ Перуна, лѣтописецъ также не сообщаетъ. Онъ даже не называетъ его кумиромъ или идоломъ, а коротко замѣчаетъ: "Игорь... приде на холмъ, иде стояше Перунъ". Этотъ первый упоминаемый въ лѣтописи Перунъ, стоявшій на холмѣ въ Кіевѣ, начинаетъ собою область древне-русскаго зодчества, извѣстную лѣтописцу.

Далѣе мы узнаемъ, что Владиміръ, занявшій великокняжескій столъ въ Кіевѣ, поставилъ на холмѣ цѣлый рядъ кумировъ. "И постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго Перуна древяна, а главу его серебрену, а усъ златъ,

---

I) Макарій. Исторія русской церкви. I, стр. 265. Также Петровъ, Историко-топографическіе очерки Кіева, Кіевъ 1897 г., стр. 45; Закревскій, Описаніе Кіева, 1862 годъ, с. 212 - 213.

и Хорса, Дажьбога и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. Жряху имъ, наричюще я боги, привожаху сны своя и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими и осквернися кровьми земля Руска и холмъ той" / Ibid. 77 - 8/.

Наконецъ, третье извѣстіе о кумирѣ, поставленномъ въ Новгородѣ, слѣдуетъ непосредственно за приведеннымъ" Владимірь же посади Добрыну, уя своего въ Новгородѣ; и пришедъ Добрына Новгороду постави кумира Перуна /И и Х списки/ надъ рѣкою Волховомъ и жряху ему людіе Новгородстіи, аки богу" / Ibid. 78/. Въ Новгородской первой лѣтописи о Перунѣ сдѣлано важное топографическое добавленіе: "что въ Великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни".

Почти каждая фраза въ этихъ трехъ извѣстіяхъ о Кіевскихъ и Новгородскихъ кумирахъ, представляетъ собою загадку, требующую объясненій. Дѣйствительно, изъ всѣхъ кумировъ, упоминаемыхъ лѣтописцемъ, болѣе подробно описанъ только идолъ Перуна въ Кіевѣ, поставленный Владиміромъ, остальные лишь упоминаются. Когда лѣтописецъ говоритъ" Стояша Перунъ" или "Владиміръ постави кумиры на холмѣ", - передъ нами возникаетъ картина сомнительной вѣрности. Намъ представляется только холмъ со стоящими на немъ изваяніями, и мы не знаемъ, въ какое отношеніе къ нимъ поставитъ упоминаемыя въ другихъ источникахъ и лѣтописяхъ"капища" и "требища". Еще болѣе затемняется это обстоятельство тѣмъ, что описывая принесеніе человѣческихъ жертвъ, лѣтописецъ выра-

жается: "оскверняху землю требами" и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что требы эти совершались прямо на землѣ. Кромѣ того, упоминая объ этихъ жертвахъ съ полною ясностью лишь по поводу кумировъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что кіевскіе язычники "жряху имъ, наричюще я боги". Эти слова придаютъ особый смыслъ всему, приведенному ранѣе мѣсту. Уже при заключеніи Олегомъ договора русскіе клялись Перуномъ и Волосомъ, какъ своими богами, и выраженіе "наричюще я богы" кажется или лишней вставкой, или же заставляетъ предположить, что идолы, поставленные Владиміромъ, были первые, которые стали называться богами. Такъ же онъ выражается и о Перунѣ, поставленномъ Добрынею въ Новгородѣ: "и жряху ему, аки богу".

Не имѣя болѣ раннихъ свѣдѣній о существованіи кумировъ въ Новгородѣ, приходится думать, что лѣтописецъ заставляетъ поставить Добрыню перваго идола, котораго Новгородцы стали почитать за бога. Въ болѣе позднихъ изводахъ лѣтописей, каковы Никоновскій, упоминаются вообще идолы, Перунъ и требища. Въ Тверской лѣтописи и Новгородскомъ лѣтописцѣ "требища и Перунъ", въ Іоакимовской лѣтописи сказано, что Іоакимъ Корсунянинъ "идолы сокруши, деревяннія сожгоша, а каменніи изломавъ въ рѣку вверогоша". [ж] Эти идолы и требища, кромѣ Перуна, поставленнаго Добрынею, должны по прямому смыслу извѣстій, считаться болѣе ранними изваяніями и сооруженіями, су-

----

ж) Татищевъ, Исторія I, 39.

ществовавшими до Владиміра, что, хотя и не противорѣчитъ первоначальной лѣтописи, но ею не подтверждается.

Съ другой стороны, не очень щедрый на подробности, лѣтописецъ считаетъ необходимымъ отмѣтить каждый разъ, что кумиры стоятъ на холмѣ надъ Волховомъ, на Перыни, а одинъ разъ довольно точно опредѣляетъ мѣстонахожденіе этихъ кумировъ въ Кіевѣ "внѣ двора теремнаго". Онъ упоминаетъ о серебряной головѣ и золотомъ усѣ Перуна, но ни словомъ не говоритъ объ особенностяхъ изваянія, какъ священнаго языческаго кумира. Изъ его описанія мы даже не знаемъ, были ли эти кумиры человѣкоподобныя статуи, или какія либо иныя, такъ какъ серебряная голова и золотой усъ могутъ быть и у изваяннаго изъ дерева животнаго. Между тѣмъ вопросъ о внѣшнемъ человѣкоподобномъ или звѣрообразномъ видѣ языческихъ идоловъ самъ собою возникаетъ при изученіи русскихъ литературныхъ первоисточниковъ, знакомящихъ насъ съ понятіями русскаго человѣка объ идолопоклонствѣ человѣческаго рода вообще и русскаго въ частности, такъ какъ фантастическія формы кумировъ въ миніатюрахъ Радзвиловскаго списка лѣтописи закрѣплены и за русскими идолами[I]. Наконецъ, можетъ возникнуть и вопросъ техниче-

---

I) Сравните, напримѣръ, мѣсто изъ посланія Никифора Митрополита Кіевскаго къ Великому Князю Владиміру, въ которомъ подъ еллинами разумѣются вообще язычники: "и Еллини словесни суще и не сохранше словесное, ни добрѣ разумѣвше, на идолослуженіе снидоша и вѣровати въ крокодилы, и въ козлы и въ зміе, въ огнь и въ воду и въ прочая". Буслаевъ, Христоматія /полное изданіе/ 1909 г.

скаго свойства, если задуматься надъ серебряной головой, поставленной на деревянномъ остовѣ статуи.

Всѣ эти вопросы не могутъ быть разрѣшены до тѣхъ поръ, пока извѣстія начальной лѣтописи о кумирахъ будутъ рассматриваться каждое въ отдѣльности, въ томъ порядкѣ, въ какомъ приведены мною раньше, т.е. безъ связи съ общимъ составомъ лѣтописи, какъ литературнаго и историческаго труда[I].

Дѣло въ томъ, что лѣтописецъ начинаетъ свое изложеніе съ исторіи всего человѣчества, даетъ въ ней опредѣленное мѣсто славянамъ, переходитъ къ славянамъ русскимъ упоминаетъ при какомъ царѣ по извѣстіямъ византійскихъ хроникъ они стали называться Русью и кладетъ числа, т.е. устанавливаетъ хронологію событій, которыя долженъ описать. Этимъ общимъ содержаніемъ и характеромъ лѣтописи, какъ историческаго труда, устанавливается прямая необходимость изученія каждаго изъ приведенныхъ извѣстій въ связи съ общимъ составомъ лѣтописи и историческими воззрѣніями лѣтописца. Русское язычество онъ ставитъ въ непосредственную связь съ идолослуженіемъ всѣхъ народовъ, а потому ясно само по себѣ, что воззрѣнія лѣтописца на русское язычество нельзя установить ранѣе, чѣмъ не будутъ

I) Такъ Соловьевъ, основываясь въ узкомъ смыслѣ на приведенныхъ извѣстіяхъ, отрицалъ у Славянъ русскихъ существованіе храмовъ.

Исторія Р. Дополненія, стр. 8. Также Голубинскій, Исторія русской церкви Т. I, стр. 846.

выяснены его общія понятія объ идолопоклонствѣ всего человѣческаго рода.

Лѣтописецъ имѣетъ точныя и ясныя для его времени понятія о язычествѣ и христіанствѣ, знаетъ исторію идолопоклонства и излагаетъ начало появленія и распространенія кумировъ въ человѣчествѣ, т.е. исторію ваянія кумировъ, относительно значенія которыхъ, повидимому, придерживается евгенеристической точки зрѣнія.

Эта исторія ваянія кумировъ представляетъ собою вставку въ рѣчь философа, излагающаго сущность ветхозавѣтной и нововавѣтной исторіи предъ Владиміромъ, еще пребывающимъ въ язычествѣ. Важность этой вставки состоитъ въ томъ, что она содержитъ въ себѣ поученіе язычнику и служителю кумировъ, но, какъ изложеніе исторіи кумиротворенія, она пріобрѣтаетъ большое значеніе для оцѣнки краткихъ свѣдѣній о русскихъ идолахъ, которые лѣтописецъ приводитъ въ разныхъ мѣстахъ своей "повѣсти".

Вторая половина приведеннаго ранѣе мѣста о человѣческихъ жертвахъ, приносившихся предъ кумирами, поставленными Владиміромъ, очень напоминаетъ, какъ по содержанію, такъ и отдѣльными выраженіями, то мѣсто начальной лѣтописи, въ которомъ излагается упомянутая исторія кумиротворенія. Вотъ это мѣсто:

Послѣ потопа и столпотворенія Вавилонскаго люди на"70 и одинъ языкъ раздѣлишася и разыдошася по странамъ и каждо своя норовы пріяша. По дьяволю наученію ови рощеніемъ, кладеземъ и рѣкамъ жряху и не познаша Бога...

По семъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити ови древянны, ови мѣдяны, а друзіи мраморяны, а иные златы и серебряны, и кланяхуся имъ и привожаху сыны своя и дщери и заколаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена. Начальникъ бо бяше кумиротворенію Серухъ, творяшетъ бо кумиры во имена мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другимъ храбрымъ и волхвамъ и женамъ прелюбодѣйницамъ" (Ibid. 89).

Это замѣчательное мѣсто нашей лѣтописи, рисующее идолопоклонство всего человѣческаго рода, представляетъ въ своемъ родѣ цѣльное и стройное воззрѣніе на происхожденіе и исторію ваянія кумировъ и сопряженное съ нимъ поклоненіе идоламъ, какъ богамъ. Лѣтописцу представляется первая ступень язычества, когда весь человѣческій родъ поклонялся рощамъ, колодцамъ, рѣкамъ; затѣмъ человѣчество переходитъ ко второй ступени, къ поклоненію рукотворныхъ кумировъ, дѣлать которые первый началъ отецъ Фары. Ему извѣстны деревянныя, мѣдныя, мраморныя, золотыя и серебрянныя изваянія кумировъ, представляющія царей, полководцевъ, волхвовъ, женъ прелюбодѣяницъ, впослѣдствіи обожествленныхъ уже въ качествѣ боговъ. Ваяніе кумировъ онъ считаетъ прелестью или соблазномъ дьявола, и тѣмъ же почти словами "привожаху сыны своя и дщери" осквернена кровми земля Руска" какими онъ считалъ идолослуженіе на Руси, онъ характеризуетъ и язычество всего человѣческаго рода. Онъ интересуется первымъ изобрѣтателемъ кумировъ совершенно такъ-же, какъ

интересовались въ средніе вѣка родоначальниками всякихъ искусствъ и ремеселъ.

Уже изъ такого совпаденія въ описаніи русскаго идолослуженія съ общечеловѣческимъ, становится яснымъ, что русское язычество сливается въ представленіи лѣтописца съ общечеловѣческимъ. На основаніи только этого сближенія нельзя думать, что авторъ начальной лѣтописи, судя по его вышеприведеннымъ выдержкамъ объ идолахъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, хочетъ сказать, будто идолослуженіе и человѣческія жертвы начались при Владимірѣ. Изъ этихъ извѣстій слѣдуетъ только, что лѣтописецъ въ своей "Повѣсти", какъ историческомъ и литературномъ трудѣ, впервые упоминаетъ о нихъ и впервые рисуетъ картину идолослуженія, начиная хронологію свою съ того времени, когда славяне стали называться Русью. Равнымъ образомъ общія представленія о кумирахъ у лѣтописца вращаются около человѣкоподобныхъ статуй царей, полководцевъ, волхвовъ. Онъ не знаетъ, или не упоминаетъ звѣроподобныхъ изваяній.

Это общее представленіе свойственно настолько-же

I/ Особенную любовь къ изображенію ихъ обнаружили средніе вѣка. Они встрѣчаются такъ-же часто въ живописи, какъ и въ скульптурѣ церковныхъ порталовъ. Въ частности о Серухѣ говорятъ византійскіе хронисты: Амартолъ /Ср. Сухомлиновъ. О древней русской лѣтописи, стр.94/ и Манассія: „Σερούχ τε πρῶτος χρῆσθαι γλυπταῖς καὶ στήλαις". Const. Manasses, p. 11

II. Ср. съ античнымъ воззрѣніемъ на Дедала, который былъ "πρῶτος ἀγαλμάτων εὑρετής. Apollod. III, 15. 9

лѣтописцу, какъ и его эпохѣ: "кто ли не веселится, видя кресты на высокихъ мѣстахъ, на нихъ же прежде жеруаху бѣсомъ человѣци, закалающе сыны своя и дщери"[1], восклицаетъ Косма Пресвитеръ, болгарскій писатель X, XI вѣка. Тотъ же писатель выражаетъ вкратцѣ и мысли о распространеніи кумировъ среди людей по существу тѣ же, что и нашего лѣтописца. "Прежде Распятія Господня", говоритъ онъ, "кумиромъ умножившемся на земли и требамъ сквернавным всюду творимомъ, величавшеся дьяволъ, царствоваше же съ нимъ грѣхъ и смертъ.[2]

Ни хроника Амартола, ни сочиненія пресвитера Космы нельзя считать за источники, которыми пользуется начальная лѣтопись для начертанія идолослуженія всего человѣчества, такъ какъ данныя ея полнѣе, опредѣленнѣе и точнѣе.

Говоря о кумирахъ, которымъ поклонялось все человѣчество, указывая матеріалъ, изъ котораго они дѣлались,

----

I) Православный собесѣдникъ 1864 г. I, 496. Еще со временъ Константина Великаго возникъ обычай ставить кресты на мѣстахъ, гдѣ ранѣе стояли языческіе храмы и идолы. См. мою статью "Расположеніе главныхъ зданій Константиновыхъ построекъ по данным письменныхъ источниковъ," стр. 17 и слѣдующія. Илларіонъ /Прибавлені къ Твор. Св. Отцовъ 1844 г., кн. 2 и 3/ говоритъ объ Ольгѣ, что она поставила въ своей землѣ. Другіе источники приписываютъ ей постановку крестовъ на мѣстахъ языческихъ требищъ и капищъ.

2) Православный собесѣдникъ 1864. II. 98.

начальная лѣтопись не только не описываетъ храмовъ, но даже не отмѣчаетъ факта ихъ существованія. Точно также, говоря о русскихъ идолахъ Кіева и Новгорода, начальная лѣтопись ни однимъ словомъ не намекаетъ на существованіе храмовъ, въ которыхъ они могли стоять, и въ этомъ обстоятельствѣ многіе изслѣдователи склонны были признать указаніе на отсутствіе языческихъ храмовъ въ древней Руси. Правда, лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ о нихъ, но въ то же время нигдѣ не заявляетъ прямо и рѣшительно, что храмовъ не было, т.е. поступаетъ совершенно такъ же, какъ и при описаніи языческихъ кумировъ вообще.

Однако, область общихъ прелставленій автора начальной лѣтописи о языческихъ богахъ даетъ возможность освѣтить вопросъ о языческомъ храмѣ съ идолами съ иной точки зрѣнія. Говоря о дальнѣйшемъ развитіи язычества при Фарѣ и Авраамѣ, лѣтописецъ передаетъ извѣстный апокрифъ о сожженіи Авраамомъ идоловъ Фары. Авраамъ понялъ ничтожество кумировъ и убѣдился въ существованіи единаго Бога: "И рече Авраамъ: искушю боги отца моего. Пріимъ Авраамъ огнь, зажже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же Ааронъ, братъ Авраамовъ, ревнуя по идолѣхъ хотѣ вымчати идолы и самъ сгорѣ ту Ааронъ, и умре предъ отцомъ; предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцомъ, но отецъ предъ сыномъ" / Ibid 90/.

Храмина, упоминаемая здѣсь безъ всякаго пред-

варительнаго ук.занія на какія либо помѣщенія для идоловъ, тѣмъ не менѣе не изобрѣтена лѣтописцемъ, а подробно описывается въ указанномъ апокрифѣ, который въ числѣ другихъ библейскихъ апокрифическихъ сказаній, помѣщался обыкновенно въ Палеяхъ[I]. Лѣтописецъ слѣдуетъ почти дословно двумъ статьямъ Палеи, изъ которыхъ одна посвящена "началу идолослуженія", а другая, извѣстная подъ именемъ "Откровенія Авраама", содержитъ эпизодъ о сожженіи кумирницы Фары. Здѣсь "храмина" называется храмомъ, храминой и даже церковью. Въ этомъ храмѣ стоятъ идолы деревянные, каменные, золотые, и серебряные и желѣзные. Послѣдніе въ лѣтописномъ текстѣ не упоминаются, и въ этой чертѣ передачи апокрифа лѣтописцемъ нельзя не отмѣтить извѣстнаго критическаго отноше-

---

I) М.Н.Сухомлиновъ, о древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. СПБ. 1856 г., стр. 94 полагалъ, что этотъ разсказъ основанъ на хроникѣ Амортола. И.Я. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. СПБ. 1877, первый указалъ на дословное почти заимствованіе лѣтописи изъ Палеи. В.М.Истринъ, Замѣчанія о составѣ толковой Палеи. Выпускъ первый. СПБ. 1897, стр. 15 и слѣд., указываетъ на отклоненіе отъ редакціи лѣтописнаго апокрифа и предполагаетъ существованіе неизвѣстнаго источника для послѣдняго.

нія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ сказаніемъ, такъ какъ желѣзные идолы вообще неизвѣстны въ языческой пластикѣ. Фара дѣлаетъ идолы посредствомъ инструмента, который называется "сѣчиво" и приноситъ имъ жертвы: "и тельца и юнца и все угодіе дьяволу творяше".

Онъ ходитъ въ этотъ храмъ на служеніе идоламъ. Изъ нихъ идолъ Зухія золотой, Марумафа - каменный, а богъ Іоавъ "дѣланъ отъ древа и сребра покованъ",[1] какъ и Варисата.[2]

Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Откровенія Авраама вмѣсто слова "храмъ" является та же "храмина", что и въ лѣтописи[3], а эпизодъ сожженія идоловъ разсказывается совершенно такъ же, какъ и въ Палеяхъ, то есть приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ тѣмъ же нравоученіемъ о гибели сына ранѣе отца, какъ и въ книгѣ Юбилеевъ, откуда онъ заимствованъ въ откровеніе Авраама.[4]

Такимъ образомъ, первоисточникъ нашей начальной

I) Порфирьевъ о. с. II5

2) Ibid II7.

3) Срезневскій, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ стр. XX.

4) А. Смирновъ. Книга Юбилеевъ, или Малое Бытіе. Казань, I845, стр. 95, объ изваяніяхъ Серуга стр. 9I.

лѣтописи говоритъ о существованіи храмовъ, о стоящихъ внутри ихъ идолахъ[5]. Ясно, что авторъ ея мыслитъ тѣми же образами, которые ему извѣстны изъ его первоисточника, и рисуя картину языческаго поклоненія идоламъ онъ представляетъ себѣ ихъ стоящими въ храминѣ или храмѣ идольскомъ. Эти идолы суть человѣкоподобныя статуи, такъ какъ, по мнѣнію лѣтописца, и его первоисточника кумиры суть изображенія обожествленныхъ царей, полководцевъ и т.п..

Знакомство лѣтописца съ апокрифическимъ откровеніемъ Авраама позволяетъ дополнить область его представленій о языческихъ храмахъ и о поклоненіи вообще кумирамъ еще нѣсколькими крайне важными чертами. Смыслъ неопредѣленныхъ выраженій лѣтописца: "кланяхуся кумирамъ", "закалаху предъ ними сыны своя и дщери" съ полною ясностью возстанавливается однимъ изъ видѣ-

---

5) Храмы и идолы встрѣчаются часто и въ другихъ текстахъ: въ мученіи Св.Георгія/Хлуд.№ 195/говорится,что Святой Георгій:вся идолы отца своего имѣяше въ дому своемъ,златые и серебряные жъ сокруши...но и церкви еллинские начешъ разоряти и идолы сокрушати"..
Интересно употребленіе слова "церковь" для обозначенія языческаго храма,какъ и въ Откровеніи Авраама.
А.Н.Веселовскій,Розысканія II,Св.Георгія,стр.165.Также въ житіи Св.Климента словомъ "церковь" называются языческие храмы. З.О.Т.Д.т.X,стр.168.

Авраама, о которомъ разсказывается въ томъ же апокрифѣ:

"Видѣхъ ту подобiе идола яко подобiе древодѣлъско, яко же дѣлаше отецъ мой /т.е. Фара/, и тѣло его яко мѣди лъщашеся и передъ нимъ мужъ и поклоняшеся ему, и требникъ прямо ему и отроцы закалаемы на немъ въ лице идолу. Ему же рекохъ: что есть идолъ сей, или что есть требникъ, или кто есть жеремый, или кто жрдй, или что есть церковь, юже азъ вижу добролѣпно хитроство и красоту". I)

Въ этомъ описанiи языческаго храма съ человѣкоподобныхъ идоломъ внутри его, требникомъ или алтаремъ, на которомъ приносятся человѣческiя жертвы и кланяющимся мужемъ, или жрецомъ, находятся на лицо всѣ элементы лѣтописнаго сказанiя о языческомъ идолослуженiи, но уже въ полной и цѣльной картинѣ. Важно отмѣтить, что жертвы закалываются не на землѣ, а на требникѣ, предъ лицемъ кумира и выраженiе лѣтописца "бѣ вся земля осквернена" должно понимать не въ прямомъ смыслѣ закланiя человѣческихъ жертвъ на землѣ, а въ смыслѣ риторическаго указанiя на грѣховность такихъ жертвъ, осквернявшихъ землю. Отсюда само по себѣ вытекаетъ, что если лѣтописецъ не упоминаетъ о храмахъ, требникахъ, о человѣкоподобномъ видѣ кумировъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что по его понятiямъ всего этого не было.

I) Порфирьевъ о. с. 126

Таковы общія представленія лѣтописца о язычествѣ всего человѣческаго рода. Далѣе возникаетъ вопросъ, различаетъ ли онъ русское поклоненіе идоламъ отъ общечеловѣческаго и ставитъ ли въ какую нибудь связь одно явленіе съ другимъ.

"По столпотвореніи", говоритъ онъ, "отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ отъ имени Афетова, еже суть словѣне". Славянскихъ племенъ лѣтописецъ знаетъ много, а тѣ славяне, которые въ древности сѣли по Днѣпру и другимъ русскимъ рѣкамъ и называются Русью отъ варяговъ Руси, составляютъ одинъ языкъ съ остальными славянами. Такимъ образомъ, лѣтописецъ ведетъ происхожденіе русскихъ славянъ отъ тѣхъ, которые представляли одинъ изъ 72 языковъ послѣ столпотворенія Вавилонскаго, и, которые, слѣдовательно, сначала поклонялись рощамъ, колодцамъ и рѣкамъ, а затѣмъ, по изобрѣтеніи кумировъ, перешли къ такому же поклоненію имъ, какъ и все человѣчество. Весьма поучительнымъ является указаніе числа народовъ 71 при опредѣленіи давности славенскаго языка или народа, отъ племени Афетова, въ то время какъ въ рѣчи философа число народовъ достигаетъ 71. Лѣтописецъ присоединяетъ къ племенамъ, разошедшимся послѣ столпотворенія вавилонскаго новое племя славянъ и слѣдовательно принужденъ отступить отъ ранѣе приведенной цыфры 71

Когда, въ какое время русскіе стали поклоняться кумирамъ, лѣтописецъ ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ. Можно думать, что они, по выраженію лѣтописца, "каждо своя нарови пріяша", такъ какъ онъ посвящаетъ много труда описанію нравовъ различныхъ славянскихъ племенъ русской земли, и такимъ образомъ, опредѣляетъ различія между ними. Въ общемъ, всѣ они поганіи, т.е. язычники, такъ какъ со всѣми народами одинаково не познали истиннаго Бога. Въ поздней передѣлкѣ начальной лѣтописи такая точка зрѣнія проводится уже съ полною ясностью, и кіевляне язычники представляются жрущими "озеромъ и кладезямъ, якоже прочіи поганіи[I)]". Относительно постепенности, съ какой происходитъ переходъ отъ поклоненія озерамъ, колодцамъ и рощамъ къ поклоненію идоламъ, нѣкоторыя указанія находимъ въ словѣ Григорія: "Како первое погани суще язьщи кланялися идоламъ и требы имъ клали", въ которомъ, какъ и въ начальной лѣтописи проводится

I) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, I905 г. мартъ, А.И.Соболевскій, Древняя передѣлка начальной лѣтописи, стр. I04. Въ Густинской лѣтописи: "Людіе же тогда бяху невѣгласы и невѣдующіе Бога, ниже закона Божія имуще, но тьмою идоловѣчія помрачены суще, жертвы богомерзкія богамъ своимъ приношаху и озерамъ и рощеніямъ яко же бо тогда кого дъяволъ прельсти и научи, тако вѣроваше и тако творяше, стр. 234 /прибавленіе къ ипатской л./

вглядъ постепенности въ переходѣ отъ поклоненія упырямъ и берегынямъ, къ поклоненію роду и рожаницѣ, и наконецъ Перуну. Родъ и Рожаница признаны Артемидомъ и Артемидой, появившимися у славянъ отъ еллиновъ[1]. Артемидъ, повидимому явился здѣсь, какъ подысканное соотвѣтствіе Роду. Русское язычество въ эпоху первыхъ русскихъ князей съ его кумирами есть, по понятіямъ лѣтописца продолженіе стараго идолопоклонства, появившагося до Фары и Авраама. Такимъ образомъ, лѣтописецъ, какъ и слѣдующіе за нимъ писатели, не знаютъ, когда началось ваяніе кумировъ у русскихъ славянъ. Въ его представленіи это время сливается съ эпохой распространенія кумировъ между народами и въ ней тонетъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ крайне важенъ. Начало русскаго ваянія кумировъ уходитъ, по мнѣнію лѣтописца, въ глубокую даль вѣковъ, равно какъ и поклоненіе имъ и принесеніе человѣческихъ жертвъ.

I)"Извыкоша еллини класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше роду и рожаницѣ; также и іуптяне;такожъ и до славянъ дойде се слово,и тѣ начаша требы класти роду и рожаницамъ прежде Перуна бога ихъ,а прежде того клали требу упыремъ и берегынямъ".Лѣтоп.русск.литер.и древн. Г.У.,97. Буслаевъ . Историческая хрестоматія 540. О родѣ и рожаницѣ стр. 78, 82-3.

После всего сказаннаго можно съ полнымъ правомъ вывести заключенiе, что лѣтописецъ не распространяется о человѣкоподобномъ видѣ русскихъ кумировъ, о ихъ помѣщенiи внутри храмовъ, о присутствiи требниковъ или алтарей, а равно и о существованiи жрецовъ и вообще всей обстановки языческаго культа по той причинѣ, что эти черты въ его представленiи являются общими для всякаго языческаго идолослуженiя. Библiя окончательно устанавливаетъ совершенную опредѣленность такого воззрѣнiя на язычество у нашего лѣтописца, такъ какъ въ ней встрѣчаются тѣ-же черты идолопоклонства, какiя лѣтописцу извѣстны у еллиновъ, т.е. въ ней упоминаются тѣ-же требники, кумиры, храмы, жертвы и т.п. какъ увидимъ далѣе. Понятно, какое значенiе для насъ должны имѣть краткiя свѣдѣнiя лѣтописца о русскихъ кумирахъ. Взятыя въ связи съ его общими представленiями о кумирахъ и о поклоненiи имъ, онѣ прiобрѣтаютъ новый смыслъ въ нихъ возможно установить черты, относящiяся къ русской дѣйствительности съ большей точностью и опредѣлить истинный смыслъ каждаго извѣстiя.

Дѣйствительно, нельзя иначе, какъ русской дѣйствительностью объяснить имена русскихъ кумировъ, нѣкоторыя черты въ ихъ исполненiи, т.е. ваянiя изъ разныхъ матерiаловъ, и ихъ мѣстоположенiе на холмахъ, не смотря на то, что аналогичныя черты встрѣчаются какъ въ указанномъ откровенiи Авраама, такъ и въ Библiи и въ

другихъ источникахъ. Лѣтописецъ точно освѣдомленъ о тѣхъ данныхъ русскаго язычества, которыя сообщаетъ и только въ особенныхъ случаяхъ его свѣдѣнія могутъ быть заподозрѣны въ измѣненіи русской дѣйствительности и въ подстановкѣ взамѣнъ ея данныхъ изъ другихъ источниковъ. Такъ уже Прейсъ нашелъ невозможнымъ считать имя бога Симиргла за славяно-русское. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ источникахъ это имя читается "Симанрегла", "Сима и Регла" онъ отожествлялъ это имя съ двумя библейскими именами "Ἀσιμᾶθ" и "Ἐργέλ", что вполнѣ допустимо. Древняя русская литература даетъ огромное количество примѣровъ подстановки подъ греческія названія божествъ именъ славянскихъ боговъ[1)] и обратно.

---

1) Другіе варіанты: Симаргла /И и Х списки/. Сѣмаргла/Тверская лѣтопись 73/, Семаргла/Лаврентьевская лѣт. стр. 34 прим. е/ Сима и Регла встрѣчается въ словѣ нѣкоего христолюбца. Тихонравовъ Н.С., Лѣтопись русск. лит. и древн. Г. IУ. 89 слѣд. Прейсъ считаетъ за ассирійскія божества Ἀσιμᾶθ и Ἐργέλ /о нихъ смотри Книга царствъ IУ. I7. 30/. „Μετὰ δὲ τελευτὴν Ἡφαίστου ἐβασίλευσεν Αἰγυπτίων ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ἥλιος" передано на славянскій языкъ такъ: "По умертвіи же Ѳеостовѣ, его же и Сварога наричють и царствова египтяномъ сынъ его Солнце именемъ, его же наричють Дажь-Богъ" / Chronicon Malala ed. Bonn. p. 23/.

Съ другой стороны первое и самое краткое извѣстіе о Перунѣ, стоявшемъ на холмѣ въ Кіевѣ, разсмотрѣнное въ связи съ общими представленіями лѣтописца о кумирахъ, является очень содержательнымъ. Прежде всего оно является такимъ историческимъ свидѣтельствомъ, въ которомъ нѣтъ никакого намека на то, что это былъ первый идолъ на Руси. Равнымъ образомъ, въ этомъ идолѣ нѣтъ никакой возможности видѣть что либо иное, кромѣ человѣкоподобнаго изваянія. Нельзя также считать это извѣстіе за доказательство отсутствія на холмѣ храма и полагать, что Перунъ стоялъ подъ открытымъ небомъ, что кромѣ него здѣсь не было капищъ и требищъ, о которыхъ говорятъ другіе источники. Оно имѣетъ смыслъ краткаго поясненія къ разсказу о заключеніи Игоремъ договора съ греками, и не имѣетъ цѣли описывать идолослуженіе русскаго князя, происхожденіе кумировъ, внѣшняго ихъ вида, такъ какъ все это сдѣлано лѣтописцемъ въ своемъ мѣстѣ. По той же причинѣ нельзя думать вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что если въ этомъ извѣстіи нѣтъ указанія на храмъ, то слѣдовательно языческихъ

Въ Александріи фраза: "Радуйся сынъ Божій Поруна" /т.е.Перунъ/, славянскому Поруна соотвѣтствуетъ греческое Διός (Ζεῦς) См. Истринъ, Александрія, текстъ 114, изслѣдованіе 222. Родъ и рожаница являются Артемидой и Артемидомъ, о чемъ см. выше.

храмовъ на Руси и не было[1]. Кромѣ того сама лѣтопись даетъ возможность съ полною точностью установить характеръ этого извѣстія. Оно выражено тѣмъ обычнымъ оборотомъ рѣчи, къ которому лѣтописецъ прибѣгаетъ и тогда, когда говоритъ: "стояша подъ св. Кирилломъ" /т.е. подъ горой, на которой и теперь еще стоитъ Кирилловскій монастырь/, идутъ "ко святому Өеодору", "пойдоша на Игоря во св. Өедоръ". Теремъ Ольги и дворъ Деместиковъ стояли за"св. Богородицей", т.е. за церковью св. Богородицы Десятинной. Подобно тому, какъ лѣтописецъ говоритъ: "Игорь приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ", такъ онъ выражается:"ступишася на мѣстѣ, идѣже стоитъ св. Софья", т.е. церковь св. Софіи. Лѣтописецъ говоритъ о кумирѣ Перуна такъже, какъ и о церкви св. Софіи, не упоминая о существованіи самаго зданія, т.е. сокращенно.

Такъ-же точно должно смотрѣть и на другія извѣстія лѣтописи о русскихъ кумирахъ. Лѣтописецъ,

---

I) Исторія I, Дополненія, стр.8; также Голубинскій. Исторія русской церкви Г.I., 3 изданіе, стр. 846. Мнѣніе Кавелина см. также въ исторіи Соловьева I, Дополненіе, 8 слѣд. А. Архангельскій, Изъ лекцій по исторіи русской литературы Наканунѣ христіанства и письменности. Варшава 1901, стр. 42.

говоря, что Владимiръ поставилъ кумиры на холмѣ, а Добрыня надъ рѣкою Волховомъ, не хочетъ этимъ сказать, что здѣсь не было всей обстановки языческаго культа. Онъ сокращаетъ свою картину и описываетъ постановку кумировъ въ такихъ же общихъ чертахъ, какъ и поклоненiе идоламъ во время Фары и Авраама.

Слѣдуетъ признать, что общiя представленiя лѣтописца о язычествѣ общечеловѣческомъ и русскомъ ничуть не требуютъ предположенiя, что онъ не знаетъ языческихъ храмовъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что когда онъ говоритъ объ идолослуженiи русскаго народа, а также объ уничтоженiи идоловъ, у него всякiй разъ является нѣкоторая параллель тѣмъ образамъ идоловъ и храмовъ, которыя онъ имѣетъ. Такъ говоря о принесенiи въ жертву варяговъ Петра и Iоанна Несторъ читаетъ въ сердцѣ обрадованнаго дьявола слѣдующую мысль: "сде-же мняшеся оканнный: яко зде ми есть жилище". Другой разъ дьяволъ говоритъ о своемъ жилищѣ при уничтоженiи идоловъ: "Увы мнѣ", стенаетъ онъ, "яко отсюда прогонимъ есмь, сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ..... не имамъ царствовати въ странахъ сихъ /Лавр. Л.50-I/. Жилище, службы дьяволу и, наконецъ, представленiе

о царствѣ его, служатъ въ данномъ случаѣ признаками того, что лѣтописецъ имѣетъ въ виду храмы, въ которыхъ живутъ языческіе боги или кумиры, царствуя въ нихъ на подобіе царей земныхъ. Наконецъ слово "храмина" въ начальной лѣтописи является помимо указаннаго случая для обозначенія языческаго храма Фары и Авраама, еще разъ подъ 1071 годомъ: "Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити во Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхованья отъ него; онъ-же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою Новгородцю сѣдящу на порозѣ тоя же храмины /въ сторонѣ И. Х/ кудесникъ же лежаще оцѣпѣвъ и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ рече Новгородцю: бози не смѣютъ прити и проч. /стр. 77/. Въ данномъ случаѣ храмина кудесника могла быть и домомъ его, въ которомъ онъ жилъ, и чудскимъ храмомъ. Кудесникъ не пустилъ Новгородца въ храмину, и послѣдній сидѣлъ на порогѣ ея. Въ эту храмину слетаются бѣсы. Въ дѣяніяхъ Апостольскихъ слово храмина употребляется для обозначенія дома /„οἶκος" и „οἰκία" / въ которомъ жилъ апостолъ Петръ въ Іопіи /глава II, стр. II/. Храмы и хоромы въ нѣкоторыхъ случаяхъ равнозначущи, что въ свою очередь крайне важно для понятія о языческихъ и христіанскихъ храмахъ,

какъ жилащихъ боговъ.[1] и потому можно думать, что лѣтописецъ, говоря о жилищахъ дьявола подразумѣваетъ такую же храмину, какъ кумирница Авраама, или храмина чудскаго кудесника. Изъ такого употребленія слово "храмъ", "храмина" обозначающаго вообще какое либо строеніе, однако, не слѣдуетъ, что эти зданія не носили другихъ болѣе спеціальныхъ названій. Напротивъ, лѣтописный языкъ и языкъ Библіи сохранилъ намъ достаточное количество такихъ названій, извѣстныхъ наряду и въ переводныхъ съ греческаго произведеніяхъ древней русской письменности.

О томъ, что кумиры стояли на холмахъ въ иной обстановкѣ, чѣмъ та, которая представляется при первомъ знакомствѣ съ извѣстіями начальной лѣтописи, мы узнаемъ изъ другихъ лѣтописей, и что особенно, изъ рѣчи митрополита Илларіона, произнесенной ранѣе 1050 года.[2] Въ Новгородскомъ лѣтописцѣ, въ

------ ------------

1) Въ Лаврентьевской лѣтописи: "Инъ же законъ Гилиомь: жены въ нихъ орютъ, зижютъ храмы". Въ Ипатскомъ спискѣ вмѣсто "храмы"-"хоромы". Сравн: "Премудры жены создаша храмы, а безумныя раскопаша рукама своими". Изъ Прит. Сол. Буслаевъ. Истор. храм. 151 и : "соградишеся во Іерусалимѣ и храмъ Божій и трѣбникъ тѣски мѣсто и столпа". / Ibid. p. 193/.

2) Прибавленіе къ Твор. св. Отцовъ при Московской Духовной Академіи. Т. II, 292.

въ Тверской лѣтописи говорится, что Іоакимъ Корсунянинъ, пришедши въ Новгородъ въ 991 году "требища разруши и Перуна посѣче".[1] - При идолахъ находились и такія "капища", которыя въ Ростовскомъ и Суздальскомъ княжествахъ предавалъ огню Исаія Чудотворецъ: "И аще обрѣташе идолы и капища разоряше ихъ и огню предаваше[2]. Начальная лѣтопись упоминаетъ какія-то "двѣ капищи" мѣдныя, привезенныя Владиміромъ изъ Херсонеса, но уже по принятіи имъ христіанства. О капищахъ-же, находящихся въ Кіевѣ много говоритъ митрополитъ Илларіонъ въ "Словѣ о благодати и истинѣ". Этотъ замѣчательный памятникъ нашей древней литературы, при томъ крайне достовѣрный, представляетъ важное дополненіе къ лѣтописи, которую превосходитъ свѣжестью своихъ данныхъ и ихъ большей древностью. Въ краснорѣчіи Илларіона встрѣчаются тѣ же общія понятія объ идолопоклонствѣ, которыя были указаны у Нестора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большая точность въ наименованіи нѣкоторыхъ чертъ языческаго идолослуженія на Руси. Онъ начинаетъ свою рѣчь благодарностью Богу за то, что онъ не презрѣлъ человѣчество "до конца идольскимъ мракомъ одержиму

---

1) П.С.Р.Л.114. Карамзинъ. Ист.Гос.Росс. I прим.126. Также Патр. или Никонова Л. стр. 64-65 объ извѣстіи этой лѣтописи см. дальше.

2) Патерикъ Печерскій стр. рме

быти", что представляетъ ту-же мысль, которую Несторъ развиваетъ, какъ историкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ яснѣе характеризуетъ язычество, чѣмъ Несторъ и называетъ его "многобожествомъ идольскимъ". Весь родъ человѣческій представляется ему, какъ и Нестору "многажды идоломъ ся поклонявшимъ", а русское язычество ему кажется какъ бы "озеромъ" предъ океаномъ язычества.[I)]

"И уже не идолослужителями зовемся, но христіане", говоритъ онъ, " и уже не капищь сограждаемъ, но христовы церкви зиждемъ, уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга". Онъ ясно упоминаетъ о томъ, что идоламъ молились /"моляще идолы"/[2)], а это данное вполнѣ совпадаетъ съ представленіемъ о языческомъ служеніи. Въ словахъ пророка Исайи, приводимыхъ имъ: " и вся горы и холмы смирятся" виденъ ясный намекъ на тѣ кумиры, которые стояли на кіевскихъ и другихъ холмахъ и были уничтожены. Восхваляя Владиміра, онъ еще разъ упоминаетъ объ идолахъ и капищахъ. "Тогда", говоритъ онъ, "тьма бѣсовскаго служенія погибе.... Капища разрушишася

I) Быть можетъ, не безъ вліянія поклоненія русскихъ славянъ водѣ: колодцамъ, озерамъ, рѣкамъ.

2) Ср. въ стихахъ о Егоріи Храбромъ:
"Молитесь богамъ моимъ кумирскимъ
"Поклоняйтесь моимъ идоламъ' Буслаевъ Хрест. 368

и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святыхъ являхуся". Рядомъ съ этими указаніями Илларіона выраженіе его: "уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга" является свидѣтельствомъ о человѣческихъ жертвахъ, приносившихся идоламъ. Отсюда съ большей ясностью можно понять и характеристику древлянъ въ устахъ лѣтописца, которые "убиваху другъ друга".... "бѣаху бо людіе погани /язычники/ и невѣгласы". У Нестора, очевидно, разумѣются человѣческія жертвы бѣсамъ, какъ у Илларіона, а не простыя убійства, месть и проч.

Илларіонъ ясно говоритъ лишь о капищахъ и не упоминаетъ о требищахъ. Однако, общій смыслъ всѣхъ приведенныхъ извѣстій таковъ, что капища и требища были какія-то сооруженія. Ихъ съ одной стороны надо было сограждать, а съ другой разрушать, разорять, предавать огню.[I)] Илларіонъ противупоставляетъ ка-

----

I) Въ похвалѣ Владиміру и Ольгѣ Монаха Іакова разрушеніе требищъ приписывается и св. Ольгѣ: "требища бѣсовская сокруши". Владиміръ "храмы идольскіе и требища всюду раскопа м посѣче и идолы сокруши" или: "Владиміръ крести всю землю и поганьскиe боги, паче-же бѣсы Перуна и Хроса и ины многы и сокруши идолы и отверже всю безбожную лесть". Макарія, Исторія русской церкви. СПБ.1868.I 256-259-261 "разруши храмы идольскыя со лжеименными боги, святыя же церкви постави, требища бѣсовскыя истреби". "Да не покло-

пища церквамъ, а идолы иконамъ, изъ чего можно было бы заключить, что подъ капищами онъ разумѣетъ идольскіе храмы. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что слово капище въ Библіи, обыкновенно относится къ предметамъ языческаго богослуженія, а словомъ церковь переводится /въ Дѣяніяхъ Апост. / passim /: слово ἐκκλησία, ἱερόν /также собраніе/, " Словомъ капище передаются греческія понятія: βωμός (ara) т.е. жертвенникъ, στήλη, statua т.е. статуя храмъ.

нишися богамъ / θεοῦς / ихъ, да не сотвориши по дѣломъ ихъ, но разореніемъ разориши и сокрушеніемъ сокрушиши капища/ στήλας, statuas/ ихъ". Исходъ XXIII,24. Или же: "Капища / τοὺς βωμοὺς, aras/ ихъ разорити, кумиры / στήλας, statuas/ ихъ сокрушити и дубравы / ἄλση / ихъ посѣците и изваянная боговъ / γλυπτὰ τῶν θεῶν/ ихъ сожжите огнемъ". Исх. XXXIУ, I3. Или: "приходя и соглядая чествованія ваша, обрѣтохъ и капище, на немъ же написано: "невѣдомому Богу": „εὗρον καὶ βωμὸν ἐν ᾧ ἐπεγέγραπτο. Ἀγνώστῳ Θεῷ" Дѣянія. Глава I7,24 Въ апокрифической молитвѣ Кипріана ἡ ἐν μέσῳ

---------------- -----

Во всѣхъ изводахъ начальной лѣтописи говорится, что Владимiръ, возвращаясь изъ Корсуни и везя съ собою иконы, кресты, книги, попа Анастася, захватилъ "и двѣ капищи мѣдяны и четыре кони мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, яко же не вѣдуще мнятъ я мраморяна суща." Съ какой бы стороны мы не разсматривали это извѣстiе, оно вызываетъ нѣкоторое недоумѣнiе. Лѣтописецъ, столь часто высказывающiй свое осужденiе идоламъ и кумирамъ, здѣсь

μνημάτων передано: въ капищѣ идольскомъ. Лѣт. Ист. Филол. Общ. УIII, стр. 503. Порфирьевъ. Апокр. молитвы, стр. 17.."Онъ же пришедъ въ нѣкую гору сѣдяще въ пещерѣ; отстояша-же та гора отъ Херсона града яко сто стадiй и нарицаема бѣ Парѳенонъ, сиесть дѣвича: понеже на горѣ той бѣ капище и идолъ нѣкiя еллинскiя богини". Четьи Минеи св. Дмитрiя Ростовскаго. Мартъ 7, стр. М̃Е Описывается, очевидно, храмъ на горѣ съ идолами внутри и пещерой въ горѣ. "Приде же оубо въ градъ Пръскъ Врукинскiй, идѣже бяше стъ̄е и капище Орфеево и звѣрiе мѣдяне предстояще ему. Истринъ, Александрiя, текстъ 50. Здѣсь, повидимому, описывается храмъ Орфея съ идоломъ. Идолъ въ другомъ мѣстѣ называется "болванъ" 173. Подъ словомъ "капище" подразумѣвается храмъ и въ житiи херсонскихъ мучениковъ: "растяше церковь Христова, а эллинская капища помалу упраздняхуся". Записки Одесск. Общества.

не выражаетъ ни осужденія по поводу этихъ капищъ и коней, ни недоуменія по поводу того, что Владиміръ, уже христіанинъ, везетъ вмѣстѣ съ иконами и крестами такія же капища, какія онъ будетъ разрушать въ Кіевѣ. Правда въ Радзвиловскомъ и Академическомъ спискахъ стоитъ: не 4 конѣ, а 4 иконѣ[2]. Однако, все же эти четыре иконы еще болѣе противорѣчатъ двумъ капищамъ, съ которыми онѣ ѣдутъ на Русь. Признавъ это чтеніе вѣроятнымъ, мы должны будемъ опредѣлить, что такое эти "двѣ капищи", и какимъ образомъ иконы стоятъ за святою Богородицею, а не во святѣи Богородицѣ, гдѣ ихъ настоящее мѣсто, а не съ капищами на площади. Является самъ по себѣ вопросъ, не хочетъ ли сказать лѣтописецъ, что эти четыре иконы представляли родъ тѣхъ иконъ, которыя выставлялись на улицахъ, площадяхъ, на стѣнахъ храмовъ, какъ въ Византіи, такъ и у насъ. Уже въ актахъ VII Вселенскаго Собора говорится объ иконѣ, стоявшей предъ императорскимъ дворцомъ, на которой были изображены пророки со свитками. Въ Халки была выставлена сначала мѣдная икона Христа, впослѣдствіи замѣненная мозаи-

---

1) Лавр. А. /Изд. 1872/ стр. 114.

2) Ср. Н.П. Кондаковъ. Русскіе клады, стр. 34.

ческой, а еще ранѣе живописныя изображенія извѣстны на внѣшнихъ частяхъ дворцовъ Константина Великаго[1]. О вывѣшиваніи иконъ надъ входами, на стѣнахъ домовъ и храмовъ у насъ есть множество извѣстій, какъ относящихся къ Царьграду, такъ и Риму, Антіохіи и другимъ городамъ.[2] Относительно же распространенія такого обычая на Руси указываетъ житіе св. Бориса и Глѣба, въ которомъ говорится объ иконѣ свв., находящейся въ входѣ въ церковь, построенной въ Вышгородѣ Ярославомъ Мудрымъ.[3] На этотъ-же обычай намекаетъ повидимому и Илларіонъ, когда говоритъ о городѣ Кіевѣ: " освящаемомъ иконами".

Однако, лѣтописецъ, говоря о крестахъ, книгахъ, попѣ Анастасѣ, уже упомянулъ объ иконахъ и, слѣдовательно, если бы вмѣстѣ съ капищами на Русь шли еще какія то мѣдныя иконы, то указанія на нихъ должно было бы ожидать рядомъ съ перечисленіемъ упомянутыхъ ранѣе церковныхъ предметовъ, а не съ капищами. Указанный ранѣе обычай выставленія и вывѣшиванія иконъ могъ обусловить отчасти и порчу лѣтописнаго текста. Она очень характерна, такъ какъ

I) Д.В. Айналовъ. Эллинистическія основы византійскаго искусства. См. указатель.

2) Мозаики IУ и У столѣт. стр. I46.

3) Срезневскій. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ стр. 28.

указываетъ на стремленіе осмыслить забытый эпизодъ, вызвавшій недоразумѣніе, какъ это часто встрѣчается въ показаніяхъ лѣтописныхъ варіантовъ. Осмысленіе, однако, оказалось не вполнѣ удачнымъ, такъ какъ лѣтописецъ, выставивши за святою Богородицею четыре иконы, б.м. въ связи съ практиковавшимися обычаями, помѣстилъ ихъ вмѣстѣ съ капищами. Древнѣйшій списокъ начальной лѣтописи Пушкинскій 1377 года говоритъ не объ иконахъ, а о четырехъ коняхъ, слова же "двѣ капищи" остаются неизмѣнно во всѣхъ спискахъ. Лаврентьевская лѣтопись всего одинъ разъ упоминаетъ привезенныя Владиміромъ капища, и потому прямой смыслъ этого слова не можетъ быть установленъ изъ употребленія его въ разныхъ случаяхъ.[1] Можно думать, однако, что лѣтописецъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ не статуи, а другіе предметы. Для статуй у него есть два неизмѣнные термина: "кумиры" и "идолы". Однако, патріаршая лѣтопись слова"двои капищи" переводитъ "два болвана мѣдяны". Слово "болванъ" извѣстное впервые изъ Слова о Полку Игоревомъ и употребительное въ XIУ, XУ вѣкахъ для обозначенія статуй цареградскихъ и иныхъ, стоитъ подъ 1246 годомъ Лаврентьев-

---

I) Слово "капищи" въ начальной лѣтописи можно было бы сопоставить съ мѣстомъ Капичи подъ 978 годомъ

ской лѣтописи и дано въ употребленіи, равнозначущемъ слову "кумиръ": "посла Батый къ Михаилу /Черниговскому/ князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ; Михаилъ же, не повинуяся велѣнью ихъ, но укори и́ и глухыя его кумиры". Съ одной стороны и слово идолъ, представляя заимствованіе изъ греческой терминологіи, означаетъ также статую[I)]. Можно думать, что Патріаршая лѣтопись передаетъ слова "капища" - "болваны"[2)] подъ вліяніемъ позднихъ не-

------- -----------

I) Телецъ-идолъ= εἴδωλον, κατείδωλον οὖσαν τὴν πόλιν Дѣянія 3I, ст. 5I передано на славянскій: "идолъ полнъ сущъ градъ".

2) Вотъ нѣкоторые примѣры употребленія слова "болванъ" въ смыслѣ идола и статуи: "А разбиваютъ все Кафарини, ни хрестьяне, ни Бесермене, а молятся каменнымъ болванамъ".... Хожденіе Аѳанасія Никитина. Буслаевъ, Историческая хрестоматія стр. 967;Зосима I420 г. говоритъ: "а сарацинскіе цари противу ему /т.е. противъ статуи Юстиніана/ стоятъ всѣ болваны мѣдяны". Православный Палестинскій сборникъ, вып. 24, стр. 5 Бесѣда о Царѣградѣ изд. Майкова, стр.23: "на то же постави стражъ въ другомъ углу болванъ, аки человѣкъ каменъ и лукъ мѣдянъ въ руцѣ и стрѣла мѣдяна - жъ. Близъ деревни "Болваны" Смоленской губ. и того же уѣзда находится изваяніе изъ камня

правильныхъ толкованій этого слова или уже подъ

въ I арш.2 верш. надъ землей и IO верш. въ землѣ, давшее названіе самой деревнѣ. Археологическія извѣстія и замѣтки 1894 г., стр. 17.

Соловьевъ объясняетъ "капищи" словомъ "болванъ" на основаніи Патріаршей Лѣтописи. Истор. I, примѣчаніе 245. Слово "болванъ" заимствовано съ востока изъ неизвѣстнаго пока турецкаго нарѣчія. см. П.Меліоранскій, Турецкіе элементы въ языкѣ Слова о Полку Игоревомъ. СПБ.1902, стр. I-11.

Болванъ-статуя въ переводѣ Александріи:"бяше бо болванъ здѣланъ ѿ чернагокамени /Орфея/ дръжа гоусли въ роуцѣ и звѣріе дивіи послушаютъ его". Истринъ, Александрія, стр.173 /текста/. Наконецъ могу указать на переводъ слова "βωμός" "βωμός" скорѣе по созвучію слово "болванъ", а б.м. и по значенію, которое свойственно слову болванъ /столбъ, тумба/ въ той же Александріи стр. 82 и статуи "Нектонава болвана". Приложеніе стр. 7. Буслаевъ объясняетъ "капищи" также статуями или колоннами, Историческая хрестоматія /ученическое изданіе/ стр. 35; Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго I, стр. 132 и примѣчаніе 458 "истуканами"; Курбскій, Исторія: "Болваны поганскихъ боговъ."

вліяніемъ Библіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ слово "капища" передаетъ греческое στήλας и латинское statuas /Исх. XXIII,24/. Равнымъ образомъ, слово "кумиръ" означаетъ обыкновенно языческую статую, рѣдко "храмъ", затѣмъ "бога" I), и соотвѣтствуетъ по большей части греческимъ словамъ ἀνδριάς, στήλη, какъ показано выше. Отсюда возможно сдѣлать заключеніе, что какъ начальная лѣтопись, такъ и Илларіонъ подъ капищами разумѣютъ не статуи, а скорѣе всего алтари. У Илларіона сверхъ того замѣчается отчетливое и рѣзкое противупоставленіе "капищъ" "церквамъ", при чемъ о капищахъ онъ говоритъ, что ихъ сограждали, а церкви строили и постановляли. Я не знаю, какое значеніе можно придать такому словоупотребленію, но замѣчу, что въ библейскомъ языкѣ употребительно соградденіе не только "града" 2), но

I) Сбивчивою терминологіей отличается, именно, Александрія. Здѣсь встрѣчается "ναὸν ἱδρύμενον" переданное посредствомъ "коумиръ поставленъ" стр.82 вмѣстѣ съ тѣмъ кумиръ - богъ стр. I59 и коумиръ ἀνδριάς: „οὗτος ἐστι ὁ ἀνδριάς" передано: "се есть коумиръ" стр.I67, объ употребленіи слова кумиръ разныхъ значеній смотри выше.

2) Библія по Сунодальному списку I499 г. Буслаевъ, Историческая хрестоматія, стр. I78.

и храма и "требника", т.е. алтаря[I]. Слово "капище" теперь сдѣлалось синонимомъ языческаго храма не безъ основанія, и потому можно думать, что у Иллаpіона это слово означаетъ не только алтарь, но и храмъ или храмину Нестора, въ которомъ или предъ которымъ стоялъ алтарь. Требища, какъ сооруженія, извѣстны не болѣе, чѣмъ капища. Послѣ побѣды надъ Ятвягами Владиміръ "иде Кіеву и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими" /983 г./. Подъ 988 годомъ объясняется, что мѣсто, гдѣ происходили требы, находилось на томъ же Перуновомъ холмѣ: "повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святого Василья на холмѣ, идѣ же стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣ же потребу творяху князь и людіе". Въ той же начальной лѣ-

---

I) Буслаевъ, *ibid.* "соградижеся во Іерусалимѣ храмъ", стр. 193: "да соградиши требникъ 123 и 133." Капища или алтари могли быть взяты Владиміромъ и для нуждъ языческаго культа. Такіе факты не безпримѣрны въ исторіи искусствъ, начиная съ посылки алтаря или жертвенника Ахазомъ изъ Дамаска къ себѣ въ Іерусалимъ: "И посла царь Ахазъ іерею подобіе жертвенника и начертаніе его и все твореніе его". IУ кн. Царствъ, гл. XУI, IO. За указаніе этого факта приношу благодарность П.К. Коковцеву.

тописи указано, что Владиміръ кумиры поставилъ "на холмѣ внѣ двора теремнаго", т.е. того двора отцовскаго /отня/, въ который онъ вошелъ по возвращеніи въ Кіевъ и занялъ великокняжескій столъ. Отсюда само по себѣ слѣдуетъ, что мѣсто требища также находилось вблизи двора теремнаго, и потому слѣдуетъ придать извѣстное значеніе Патріаршей или Никоновской лѣтописи, въ которой сказано, что Іоакимъ Корсунянинъ, пришедши въ Новгородъ "достойная" требища разори[I]. Откуда бы не было заимствовано этой лѣтописью слово "достойная", оно имѣетъ полное право на вниманіе, такъ какъ представляетъ прямое отношеніе къ указаннымъ словамъ начальной лѣтописи: "и идѣже потребу творяху князь и людіе" и "внѣ двора теремнаго". Изъ такого сопоставленія вытекаетъ, что начальная и патріаршая лѣтописи разумѣютъ мѣста, гдѣ совершали требы великіе князья. Патріаршая лѣтопись называетъ эти мѣста "достойными" или "стольными" требищами. Церковь св. Василія, поставленная впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ въ Кіевѣ, находясь внѣ двора теремнаго, стала великокняжеской не только по имени св. Василія, воспринятаго Владиміромъ въ крещеніи, но и по мѣстоположенію, замѣнивъ

I) "Пріиде къ Новгороду, и достойная требища разори и идолы сокруши и Перуна /перуны/ разсѣче, и въ Волховъ вверже". Патріаршая лѣтопись 64 - 65 стр.

собою требище.

Въ похвалѣ Владиміру и Ольгѣ монаха Іакова, памятникѣ, возникшемъ въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ въ эпоху до монгольскаго ига, нѣсколько разъ упоминаются храмы идольскіе и требища, капища же совершенно не упоминаются. Разрушеніе требищъ приписывается княгинѣ Ольгѣ по возвращеніи ея изъ Царьграда: "И потомъ требища бѣсовская сокруши". Уподобляя Владиміра Контантину Великому, монахъ Іаковъ такъ обрисовываетъ дѣятельность обоихъ: Константинъ Великій "разруши храмы идольскія со лжеименными боги, святыя же церкви по всей вселенной постави.... требища бѣсовская истреби и храмы идольская раздруши и церквами украси всю вселенную и грады". Съ другой стороны Владиміръ "храмы идольскія и требища всюду раскопа и посѣче, идолы сокруши и всю землю русскую и грады /и/ честными иконами украси[1]. Весьма важно отмѣтить, что слова "храмы идольскіе" одинаково приписаны монахомъ Іаковомъ, какъ греческому такъ и русскому языческому міру, что совпадаетъ съ указаннымъ

---

1) Или же "Владиміръ крести всю землю русскую и поганскыя боги, паче же бѣсы Перуна и Хроса и ины многы попра и сокруши идолы и отверже всю безбожную лесть." Макарій, Исторія русской церкви. СПБ. 1868, I, 256, 259 - 61.

выше лѣтописнымъ воззрѣніемъ на русское язычество. Притомъ "храмъ идольскій" у монаха Іакова является такимъ же сооруженіемъ, какъ храмина у лѣтописца и противупоставляется понятіе о "церкви" въ такомъ же смыслѣ, какъ у Илларіона понятію о ней противупоставляется капище. Кромѣ того у монаха Іакова встрѣчается выраженіе "украсить церковь иконами", отдающее глубокой древностью, какъ будетъ показано ниже. Какъ въ лѣтописи, такъ и въ Библейскихъ текстахъ мы встрѣчаемся съ двумя понятіями: "мѣстомъ требища" и "требищемъ"[1]. Приведенныя ранѣе указанія на то, что требища надо было разорять, разрушать и сожигать, ясно говорятъ,

---

I)"Аще бо кто видитъ тя, имуща разумъ, въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенныя ясти: „ἐὰν γάρ τις ἴδῃ σε, τὸν ἔχοντα γνῶσιν, ἐν εἰδωλείῳ κατακείμενον, οὐχὶ ἡ συνείδησις αὐτοῦ ἀσθενοῦς ὄντος οἰκοδομηθήσεται εἰς τὸ τὰ εἰδωλόθυτα ἐσθίειν" Πρὸς. Κορ. Κεφ. 8. 10.

Здѣсь разумѣется какое-то сооруженіе. Въ Откровеніи Авраама упоминается требищное мѣсто. се оубо нѣсть со мною жертвы, ни мѣста требищнаго не свѣде на горѣ". Порфирьевъ. Ветхозавѣтные апокрифы. II9. Лишняя черта, указывающая на совпаденія въ расположеніи требищъ на горахъ, холмахъ, какъ и въ нашей лѣтописи.

что подъ ними надо разумѣть какія то сооруженія, расположенныя на требищныхъ мѣстахъ. Эти мѣста, какъ оказывается, находились вблизи идоловъ или кумировъ, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ. Весьма возможно, что Колядскія пѣсни сохранили отдаленное воспоминаніе о языческихъ храмахъ или иныхъ сооруженіяхъ, въ описаніи фантастическаго двора "обнесеннаго желѣзнымъ тыномъ, или кипарисовымъ, съ серебромъ, съ позолотой, внутри котораго стоятъ три терема. Въ этихъ теремахъ живутъ хозяинъ - свѣтлый мѣсяцъ, хозяйка красное солнышко и дѣти - частыя звѣздочки, отдѣльно въ каждомъ теремѣ.[1]

Здѣсь кстати будетъ вспомнить, что у Сефрида описываются, именно, три храма у западныхъ славянъ. Внутри трехъ другихъ сооруженій онъ описываетъ столы и сѣдалища, за которыми ѣли идоложертвенное.

Въ словахъ "иссѣщи" кумиры, а другія "огневи предати" можно видѣть указанія на матеріалъ, изъ котораго они дѣлались. Начальная лѣтопись нѣсколько разъ говоритъ о деревянныхъ идолахъ. "Перуна древяна", "боги ваши древо естъ".[2] Автору ея, какъ

---

1) Срезневскій, святилища славянъ.

2) Лаврентьевская лѣтопись, подъ 988 годомъ о поруганіи Перуна: "се же не яко древу чующу, но на поруганіе бѣсомъ" били его "жезліемъ". Перунъ плылъ по рѣкѣ до "Перуняновой рѣни". Деревянный идолъ Перу-

сказано было ранѣе, извѣстны и каменные идолы. Если онъ не упоминаетъ, какіе изъ числа поставленныхъ Владиміромъ кумировъ были каменные, то изъ его словъ "повелѣ иссѣщи" противупоставленныхъ "огневи предати", вытекаетъ, что въ числѣ ихъ были и каменные... Каменный идолъ бога Волоса упоминается въ Ростовѣ [1], Іоакимовская лѣтопись [2] упоминаетъ о деревянныхъ кумирахъ въ Новгородѣ. Эти идолы представляли, по мнѣнію лѣтописца, держащагося евгемеризма, человѣкоподобныя статуи. Однако, это воззрѣніе лѣтописца не препятствуетъ предположенію, что у русскихъ славянъ и звѣриныя формы могли имѣть отношеніе къ пластикѣ. На это указываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ общаго значенія, что слово "кумиръ" и "идолъ" одинаково употреби-

---

на были и въ Новгородѣ и также плылъ по рѣкѣ, сброшенный въ нее. "Пріиде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсунянинъ и требища разруши и Перуна посѣче и повелѣ влещи въ Волховъ поверзавше, ужи волочаху по калу, біющи жезліемъ и заповѣда никомужъ нигдѣ пріяти". Новгородская лѣтопись. Карамзинъ I, примѣчаніе I26.

I) Макарій. Исторія русской церкви I, стр. 27I. Также, Тверская лѣтопись, стр. I44.

2) Татищевъ, Исторія I, 39.

ельны для обозначенія того и другого рода изваяній, быть может, однако, въ зависимости отъ греческихъ текстовъ. Такъ телецъ, которому поклонился израиль, названъ идоломъ отъ греческаго „εἴδωλον" /Дѣян. Апостоловъ/. Съ другой стороны бѣсы, смущавшіе благочестіе первыхъ русскихъ подвижниковъ, являлись имъ то въ видѣ людей /ляха/, то въ видѣ звѣрей, гадовъ, змѣевъ. Такими являлись они Исакію, иноку печерскому: "паки же являхуся ему звѣринымъ образомъ и зміевымъ и гадовымъ, всякимъ привидѣніемъ страшаще". /Лаврентьевская лѣтопись, стр. 261/. Идолы и кумиры въ понятіи благочестивыхъ людей отождествлялись съ бѣсами, какъ и у древнихъ христіанъ. Эти боги и идолы такіе же бѣсы для древнерусскаго христіанина, какъ и для древняго христіанина вообще, а потому заслуживаетъ интереса разсказъ лѣтописи о волхвѣ, явившемся въ Кіевѣ и смущавшимъ народъ: "Яко явило ся ми есть пять богъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на пятое лѣто потечетъ Днѣпръ рѣка вспять".. [1] и проч. По сторонамъ Кіевскаго Перуна изображены въ Кенигсбергской лѣтописи два бѣса въ обычномъ типѣ, принятомъ для изображенія чертей [2], очевидно, на слова лѣтописи: "жряху

---

1) Тверская лѣтопись, 161.

2) "Суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще.... прельщаютъ человѣкы, веляше имъ глаголати видѣнья.... являющееся во снѣ и нѣмъ въ мечтѣ"... подъ 1071 годомъ разскавъ новгородца о кудесникѣ. Лаврентьевская лѣтопись /П.С.Р.Л./ стр. 77. Исакію бѣсъ является въ образѣ ляха, свиньи и проч.

бѣсомъ". Такое отождествленіе боговъ языческихъ и бѣсовъ открываетъ для русской языческой поры обширную область демонологіи, прослѣдить связь которой съ пластикой русскихъ языческихъ ваятелей теперь невозможно.

Русскіе идолы дѣланы руками, что заставляетъ предположить особое сословіе художниковъ, ваятелей кумировъ или дѣлателей кумировъ /кумиротворцевъ/. Ни одного имени этихъ древнѣйшихъ русскихъ ваятелей до насъ не дошло и только изрѣдка сообщаются тамъ и сямъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно орудій и способовъ изготовленія идоловъ. Въ Ипатской и Хлѣбниковской редакціяхъ Лаврентьевской лѣтописи къ словамъ варяга: "боги ваше древо..., дѣланы руками въ древѣ" прибавлено: "сѣкирою и ножемъ". Варягъ упоминаетъ только о деревянныхъ идолахъ, а потому понятно, что сѣкира и ножъ являются еще довольно подходящими инструментами для истесанія ихъ. Каменные идолы не могли быть выполнены ими, и потому приходится вспомнить о томъ инструментѣ, который въ Откровеніи Авраама названъ "сѣчиво" и употребленъ Фарой для обработки мраморныхъ и каменныхъ идоловъ. Этотъ же инструментъ употребленъ и для выдѣлки каменнаго требника или алтаря въ книгѣ Каафа[I]. Но сѣчивомъ

I) В.М. Истринъ, замѣчанія о составѣ толковой палеи. Выпускъ I, стр. 88: "Что есть аще алтарь отъ

же рубятъ дрова монахи Печерской лавры /въ житіи Өеодосія/. Мастера, занимающіеся обработкой камня и въ Никоновской лѣтописи названы "каменосѣчцы" въ отличіе отъ зодчихъ, которые названы "зидатели палатъ каменныхъ".

Несторъ описываетъ кумиръ Перуна съ деревяннымъ остовомъ, серебряной головой и золотыми усами. Для изготовленія такой статуи требовалось умѣніе обработки металловъ. Ковачи или кузнецы, которымъ древніе источники приписываютъ ковку золота и серебра, могли работать надъ статуей Перуна, если предположить, что деревянный остовъ былъ окованъ серебромъ и золотомъ. Въ этомъ видѣ, какъ кумиръ Перуна описанъ въ лѣтописи, онъ былъ истесанъ въ деревѣ и б.м. "поковапѣ серебромъ и золотомъ". Въ дѣяніяхъ Апостольскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера причисляются къ разряду "художниковъ". Слово τεχνῖται переводится одинаково -"хитрецы" и "художники", термины, очевидно, бывшіе въ употребленіи въ глубокой

каменія створиши, не възградиши ихъ сѣка. Сѣчиво бо свое возложилъ еси на няя". Порфирьевъ. Ветхозавѣтные апокрифы, стр. 275 правильно объяснилъ слово "сѣчиво" словами: топоръ, сѣкира.

древности и сохранившіяся до настоящаго времени [I)]. Существованіе въ славянскомъ и русскомъ языкахъ терминовъ мастерства: ковать, наковальня, кладиво /молотъ/, горнило, доказываютъ существованіе самого мастерства ковачей золота и серебра.

Особенности идоловъ, какъ боговъ русскаго языческаго олимпа почти совершенно неизвѣстны. Новгородская лѣтопись передаетъ, однако, что кумиръ Перуна, сброшенный въ рѣку Волховъ, плывя бросилъ на мостъ свою палицу: "Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсъ, и начатъ кричати: "охъ мнѣ, охъ, и пловя внизъ, вверже палицу на мостъ: " еще кто не крещеніи поминайте

I) Сребробковачъ Димитріи, "творяй храмы серебряны Артемидѣ, подаяше хитрецомъ дѣланіе", упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ гл. OI, ст. КД и ЛИ. "Сребробковачъ" ἀργυροκόπας Въ Лаврентьевской лѣтописи выраженіе: "да явится яко злато искушено въ горнилѣ". стр. I66 можно сопоставить со словами пресвитера Космы: "и злато бо, аще много горитъ въ огни, то свѣтлѣе бываетъ; и съсуда злата и серебрена не можемъ ковати, ни искривлена поправити, аще не положимъ его на наковальни и кладивомъ тяжкимъ біемъ". Православный Собесѣдникъ I864, стр. 215.

и бейтеся безумніи на мосту есмъ".[1] На поляхъ рукописи Императорской Академіи Наукъ № 32, 8, I, стр. 358 находится любопытная приписка, указывающая на то, что Перуновы палицы, употреблявшіяся новгородцами во время боевъ, хранились обыкновенно въ церкви Св. Бориса и Глѣба и были сожжены Никономъ: "Последи же въ 1652 году послѣднія палицы у святого Бориса и Глѣба вземъ Никонъ Митрополитъ сожже и тако преста бѣсовское то тризнище оттоле, со оловянными наконечники тяжкими.[1] Въ Кенигсбергскомъ спискѣ Лаврентьевской лѣтописи Перунъ изображенъ въ видѣ человѣкоподобной, нагой статуи со щитомъ на лѣвой рукѣ. Въ правой рукѣ онъ держитъ одинъ разъ высокое копье, другой разъ небольшой величины жезлъ, или б.м. стрѣлы /листы 16, 45/. Онъ стоитъ то на холмѣ, сообразно съ лѣтописнымъ текстомъ, то на высокой и тонкой или толстой и приземистой колоннѣ, какъ стоятъ вообще языческіе боги, изображаемые въ византійскихъ миніатюрахъ и мозаикахъ[2]. Такія изображенія не лишены интереса для представленія русскаго человѣка XV вѣка о языческихъ богахъ, но не имѣютъ значенія для той поры, которая насъ занима-

----

1) За сообщеніе этой приписки приношу искреннюю благодарность С.Ѳ. Платонову.

2) См. нашу статью: Византійскіе памятники Аѳона, отдѣльный оттискъ, стр. 35-37.

етъ. Перунъ, въ видѣ обнаженной человѣческой юной фигуры, представленъ уже по византійскимъ миніатюрамъ и по литературнымъ памятникамъ "узрѣ столпъ высокъ и кумиръ на немъ стоящъ"[3]. Изображенія другихъ боговъ повторяютъ образы бѣсовъ съ крыльями, птичьими носами и ключами, которые являются и на другихъ миніатюрахъ этой рукописи /112,113,114 листы/ А.В. Лонгиновъ, основываясь на выраженіи клятвы договора 945 года: "да не имутъ помощи отъ бога, ни отъ Перуна, да неущитятся щиты своими, и да посѣчены будутъ мечами своими и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія" полагаетъ, что "стрѣлы и иное оружіе" были смертоносныя орудія Перуна[1], что оправдывается многими данными, приведенными имъ. Въ Густинской лѣтописи сказано, что Перуну"яко богу жертву приношаху и огнь неугасающій съ дубоваго древія непрестанно паляху", что напоминаетъ Зничъ литовскаго Перкунаса и дубовыя рощи его[2]. Въ собраніи графа А.С. Уварова находятся какіе-то идолы Перуна, подобныя идолу, найденному въ Керновѣ, но я не видѣлъ ихъ.

---

3) В.М. Истринъ, Александрія, стр. 166.

1) Мирные договоры съ греками З.И.О.О.И-а Др. т.XXУ, 500 сл.

2) Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества I. Матеріалы для археологическаго словаря, стр. 47-9. Густинская лѣтопись, стр. 207.

Изъ слова о Полку Игоревѣ извѣстно, что вѣтры представлялись въ воображенiи русскаго язычника съ крыльями. Они называются внуками Стрибога, кумиръ котораго упоминается въ числѣ поставленныхъ Владимiромъ на холмѣ Кiевскомъ: "Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрелами на храбрыя полки Игоревы".[1] "О Вѣтрѣ, вѣтрило чему господние насильно вѣеши, чему мычеши хиновскыя стрѣлкы на своею нетрудною /т.е. легкою/ крильцю на моея лады вои". Изъ этого же слова извѣстна и какая-то дѣва "Обида" съ лебедиными крылами. Относительно Даждь-Бога извѣстно только, что это было божество солнца. Въ Ипатской лѣтописи говорится: "Солнце царь сынъ Свароговъ, есть Даждь-Богъ". Въ хронографѣ Малалы читается: "Солнце, его-же наричутъ Дажъ-Богъ". Богъ Волосъ называется "золотымъ". "Овии же глаголаху, яко златомъ Власомъ поверзена есть церкви отъ небесе и тѣмъ же устроена". /подъ 1200 г., стр. 479/. Вмѣстѣ съ тѣмъ Волосъ "скотiй Богъ". Въ договорѣ Святослава: "вѣруемъ въ Перуна и въ Волоса скотья Бога и да будетъ золота, яко золото". Эти факты даютъ возможность предполагать, что идолы Волоса могли быть украшены золотомъ /Златый Во-

----

1) Древности, Ibid 49.

лосъ/. Почитаніе его устанавливается разными извѣстіями въ Кіевѣ, Ростовѣ, и, быть можетъ, въ Тмутаракани[I)]. Въ Кіевѣ Владиміръ "Волоса идола, его же именоваху скотья бога, вели въ Почайну рѣку въврещи".[2)]

Различіе въ значеніи каждаго божества должно было отразиться въ различныхъ характеристикахъ каждаго идола, что недостаточно отмѣчается въ археологіи древнѣйшаго періода русскаго искусства. Предполагать грубые деревянные чурбаны и обрубки тамъ, гдѣ несомнѣнныя данныя указываютъ на богатство техники и широкую практику въ изготовленіи идоловъ нѣтъ никакихъ основаній. Если же намъ извѣстно, что народъ до самаго поздняго времени сохранилъ обычай изготовлять соломенныя чучела, то это

I) Лонгиновъ, op.c. стр. 503-4 возводитъ ее къ тому скотскому священному золоту, которое по Геродоту ниспослано съ неба. Золото есть твореніе Волоса. Преемство легенды очевидно. Объ отношеніи Волоса къ Юлу и коню см. ibid. 500. О небесной церкви см. нашъ комментарій къ тексту Антонія Новгородскаго: "церковь небеси подобна".

2) Лонгиновъ ibid 503. О Кіевскомъ Волосѣ см. Н.И. Петровъ, Историко-топографическіе очерки Кіева, стр. 45 и тамъ указанную литературу. Голубинскій, Исторія русской церкви Т.I. /I-ое изданіе/, стр. 200.

не значитъ, чтобы языческая Русь могла довольствоваться такими идолами, какъ полагаетъ Голубинскій[I]). Въ Греціи извѣстенъ былъ праздникъ дедалій, во время котораго сжигались деревянныя человѣкоподобныя изваянія, называвшіяся "дедалами", но отъ такого обычая изготовлять "дедалы" далеко до ваянія Фидіева Зевса. Въ соотвѣтствіе образу языческаго храма - терема наша народная поэзія сохранила воспоминаніе о богато изукрашенныхъ идолахъ. Въ образѣ св. Георгія, или Юрія народная пѣснь отмѣчаетъ такія черты, которыя нельзя не сопоставить съ чертами лѣтописнаго Перуна. У Юрія"по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по косицамъ звѣзды частыя". или же:

"По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ
По локоть руки въ красномъ золотѣ
Голова у Егорія вся жемчужная
По всемъ Егоріи часты звѣзды".

Таковъ и самъ Дона Ивановичъ: "По колѣни-то ноженьки въ серебрѣ, по локоть-то рученьки въ золотѣ, а по косицамъ будто звѣздушки, а назади будто свѣтелъ мѣсяцъ, а спереди будто солнышко".

Любопытенъ и тотъ фактъ, что Донъ Ивановичъ находитъ этого сына внутри жены своей Нѣпры, т.е.

I) Голубинскій, Исторія Ц. стр. 846.

какъ бы на лонѣ рѣки Днѣпра, по которому плылъ сброшенный съ кіевскаго холма идолъ Перуна. Такія данныя ничуть не препятствуютъ предположенію что языческіе ваятели придавали каждому идолу особыя черты, т.е. что они должны были выработать особый типъ каждаго божества.

Итакъ, кумиры представляли собою обширный отдѣлъ древне-русскаго ваянія, а требища и капища такой-же отдѣлъ языческой храмовой архитектуры. Оба отдѣла остаются намъ неизвѣстными за гибелью всего того, что соединялось съ культомъ языческихъ боговъ. На Руси повторилось то-же самое, что и въ другихъ языческихъ странахъ, принявшихъ христіанство. Народъ, однако, долго не могъ забыть своей языческой старины. При уничтоженіи идоловъ Кіевляне, Новгородцы, Ростовцы печалились и плакали, видя разрушеніе своихъ кумировъ и надолго сохранили память о таинственной силѣ своихъ языческихъ боговъ. Каменные идолы по принятіи христіанства разбивались, деревянные послѣ поруганія сбрасывались въ рѣку. На русской землѣ повторялись тѣ же самыя явленія, которыя историки церкви, акты мучениковъ, рисуютъ повсемѣстно при появленіи христіанства. Тибръ постепенно раскрываетъ свои тайны, и со дна его извлечено много античныхъ статуй и мраморовъ. Наши рѣки еще хранятъ обломки сброшенныхъ въ нихъ ка-

менныхъ идоловъ. Языческая эпоха отложилась въ умахъ послѣдующихъ поколѣній, какъ особое царство, но царство бѣса; пора мрака, ночи и[1] идольскаго служенія бѣсамъ, которую надо было забыть. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на язычество и начальная лѣтопись. Болѣе поздніе изводы лѣтописи раскрываютъ эту точку зрѣнія, уже въ подробностяхъ: "Здѣ скажемъ нѣчто", говорится въ Густинской лѣтописи, "о богахъ русскихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, какой слѣпотой тогда діаволъ помрачилъ бяше человѣки и въ таковое безуміе приведе, яко не токмо истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко и худымъ и бездушнымъ вещамъ и стихіамъ боговидную честь воздаваху".

Въ другой эта мысль выражается еще ярче: "Понеже Русская земля крестися, чтобы мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганьскую вѣру забывали[2]. Еще Татищевъ, начиная главу объ идолослуженіи древней Россіи, считаетъ нужнымъ заявить, что онъ не имѣетъ цѣли кого либо соблазнить, но до-

---

1) У Кирилла Туровскаго: "Зима бо языческаго кумирослуженія....престала". Буслаевъ. Хрестоматія, 355; П.С.Р.Л. Лаврентьевская лѣтопись: "нощь успѣ, день приближися". стр. 118.

2) Роспись или краткій лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ. П.С.Р.Л. Томъ IУ, 179.

казать, колико бо первое было безумно и вредно богослуженіе мерзко"[1]. Такое отношеніе лѣтописцевъ къ русскому язычеству объясняетъ особенную краткость и неясность свѣдѣній объ идолахъ, капищахъ и требищахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ еще большей силой возстаетъ вопросъ объ указанныхъ ранѣе двухъ капищахъ и четырехъ коняхъ, привезенныхъ изъ Корсуни Владиміромъ и переживших время уничтоженія идоловъ. Отношеніе лѣтописца къ этимъ предметамъ ничуть не напоминаетъ его отношенія къ кумирамъ и идоламъ, а, напротивъ, проникнуто интересомъ къ ихъ появленію въ Кіевѣ, и къ искусству, съ какимъ они сдѣланы. Дѣйствительно, въ средніе вѣка /въ XI-XII столѣтіяхъ/ искусство отливанія изъ бронзы большихъ статуй и группъ было забыто, и тѣ статуи, которыя наполняли большіе города, возбуждали въ народѣ удивленіе и суевѣрные толки. Царьградъ, хорошо извѣстный тогдашней Руси, былъ особенно богатъ статуями, стоявшими на улицахъ, площадяхъ и представлявшихъ собою частью произведенія античной пластики, собранныя сюда со всѣхъ концовъ міра еще Константиномъ Великимъ, частью произведенія христіанскаго времени, поставленныя

----

1) Исторія, томъ I, стр. 9 - 10.

разными христіанскими императорами. Перечни и описанія этихъ статуй оставили намъ византійскіе писатели[1]. Какъ у этихъ писателей, такъ и у нашего лѣтописца объясняется происхожденіе этихъ предметовъ; привозъ ихъ приписанъ Владиміру изъ Корсуни, а интересъ лѣтописца къ нимъ, какъ произведеніямъ искусства сказывается въ томъ, что онъ опровергаетъ ходившіе въ народѣ слухи, будто кони и капища сдѣланы были изъ мрамора. Съ полнымъ убѣжденіемъ, очевидно, послѣ личной провѣркѣ онъ заявляетъ: "мѣдяны"..."иже невѣдущи мнятъ я мраморяны суща". Уже Карамзинъ пришелъ къ тому убѣжденію, что эти предметы были "изящныя произведенія древняго искусства и стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева близъ извѣстной Андреевской и Десятинной церквей[2] Дѣйствительно, врядъ ли можно установить иной взглядъ на чтеніе древнѣйшаго лѣтописнаго извода: "четыре кони мѣдяны", чѣмъ какъ на свидѣтельство о существованіи въ Кіевѣ бронзовой четверни коней, или

I) Th. Praeger, Scriptores originum Constantinopolitarum, Bibl. script. graecor. et romanorum. Teubneriana. Lipsiae MCMI
E. Maas, Analecta sacra et profana. Marburgi MDCCCI
А.И. Кирпичниковъ, Чудесныя статуи Константинополя.
См. также нашу книгу: Эллинистическія основы византійскаго искусства стр. I59 и 22I-223

2) Исторія Государства Россійскаго томъ I, I32, примѣчаніе 458.

античной квадриги, т.е. цѣлой античной группы. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что эта группа вмѣстѣ съ двумя капищами была перевезена въ Кіевъ Владиміромъ. Случаи похищенія античныхъ памятниковъ пластики хорошо извѣстны. Такъ поступали Римляне, вывозя знаменитыя искусства для украшенія Рима изъ Аѳинъ, Родоса и другихъ мѣстъ; такъ поступилъ и Константинъ Великій, собравшій для украшенія Константинополя большое количество древнихъ произведеній искусства. Позднѣе Карлъ Великій увозитъ изъ Равенны конную статую Теодориха и украшаетъ ею свою столицу Аахенъ, а венеціанцы похищаютъ одну изъ трехъ извѣстныхъ въ Константинополѣ квадригъ бронзовыхъ коней и ставятъ ихъ на фасадѣ церкви св. Марка, гдѣ эти кони стоятъ до нынѣшняго дня. Къ этимъ историческимъ фактамъ должно только прибавить, что и Владиміръ привезъ и Херсонеса четверню античныхъ коней и "двѣ капищи" для того, чтобы украсить Кіевъ. Возникаетъ только важный вопросъ о томъ, когда онъ могъ это сдѣлать. Лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра въ Херсонесѣ объясняется въ нашей исторической наукѣ различно, но и во время написанія его ходили разныя сказанія, по которымъ Владиміръ крестился въ Кіевѣ, въ Васильевѣ "друзіи же и инако скажютъ". По всей вѣроятности, къ числу подобныхъ сказаній принадлежало и то, въ которомъ взятіе Херсонеса относится

ко времени послѣ крещенія Владиміра, какъ объ этомъ говорится въ житіи св. Владиміра "послѣ крещенія на третье лѣто Корсунь взя"[1]. Но еще болѣе важнымъ обстоятельствомъ является то, что въ житіи Владиміра, имѣющемъ много точекъ соприкосновенія съ лѣтописнымъ сказаніемъ о крещеніи Владиміра, ничего не говорится о привозѣ имъ изъ Корсуня коней и капищъ, такъ что лѣтописецъ сообщаетъ, повидимому, одну изъ извѣстныхъ ему версій, касающихся времени привоза въ Кіевъ интересующихъ его предметовъ, которые онъ, однако, знаетъ, какъ очевидецъ[2]. Самое назначеніе четверни коней и какихъ то капищъ, предметовъ, судя по названію, языческаго происхожденія и названія, быть можетъ, алтарей, заставляетъ предположить появленіе ихъ въ Кіевѣ еще въ то время, когда Владиміръ былъ язычникомъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ отодвигать ихъ къ эпохѣ до Владиміра, равно какъ и предполагать, что Владиміръ привезъ ихъ уже будучи христіаниномъ. Кони, по всей вѣроятности, какъ и капища, погибли во время татарскаго нашествія. Краткое и не вполнѣ достовѣрное извѣстіе о судьбѣ этихъ предметовъ находится въ Тверской лѣтописи. Переписчикъ лѣтописна-

----

1) Макарій, Исторія русской церкви, томъ I-й стр. 263.

2) Голубинскій, Исторія русской церкви, томъ I-й, стр. 230-1.

го текста Георгія дѣлаетъ такое примѣчаніе къ мѣсту о четверкѣ коней: "Взя-же Владиміръ четыре коны мѣдяны, иже тогда стояли за святою Богородицею въ Кіевѣ, нынѣ же того и тамо, якоже рѣкахъ, нѣсть отъ многихъ плѣненій татарскихъ"I). Остается неизвѣстнымъ, сообщаетъ ли онъ свое предположеніе, или заимствованное откуда нибудь достовѣрное свѣдѣніе.

Понятно, какой взглядъ на эти произведенія искусства устанавливается такимъ пониманіемъ лѣтописнаго извѣстія. Онѣ должны разсматриваться въ исторіи русскаго искусства не иначе, чѣмъ и всякія иныя привозныя произведенія пластики въ какой угодно странѣ. Такія произведенія въ началѣ каждаго искусства имѣютъ значеніе воспитательныхъ въ художественномъ отношеніи оригиналовъ. Значеніе ихъ для тѣхъ русскихъ ваятелей, которые дѣлали человѣкоподобныя статуи, конечно, прослѣдить нельзя, но должно указать, въ виду требованія научнаго метода, что эти античныя произведенія на русской почвѣ представляютъ первый и ясный слѣдъ соприкосновенія античной пластики съ древне-русской. Въ виду близости славяно-русскаго племени къ Тавридѣ, такое соприкосновеніе можно было бы понимать въ видѣ прямыхъ заимствованій техническихъ, необходимыхъ при ваяніи кумировъ, т.е. такихъ-же человѣкоподобныхъ статуй, какъ и античные боги.

I) Тверская лѣтопись, стр. I08.

Русь приняла христіанство, а потому и содержаніе, и формы русскаго искусства должны были измѣниться. Изъ многочисленныхъ, всегда отрывочныхъ, иногда неясныхъ для современнаго читателя лѣтописей, воссоздается такая яркая картина этой второй эпохи въ исторіи русскаго искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ такая сложная, что здѣсь можетъ быть намѣчена лишь въ главнѣйшихъ частяхъ, примѣнительно къ основной задачѣ настоящаго введенія: Выясненія нѣкоторыхъ терминовъ лѣтописнаго художественнаго языка.

Особенность новаго періода состоитъ въ томъ, что на мѣстахъ языческихъ кумировъ, требищъ и капищъ ставятся деревянныя и каменныя церкви, что въ свою очередь представляетъ повтореніе древняго обычая, извѣстнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ, особенно со временъ Константина Великаго, Ѳеодосія и другихъ[1]. Подобно тому, какъ уничтоженіе идоловъ и языческихъ храмовъ явилось повтореніемъ древняго обычая, при чемъ разбиваніе идоловъ, уничтоженіе ихъ посредствомъ сбрасыванія въ рѣки, иногда пропасти, а затѣмъ сожиганія, разоренія и разрушенія храмовъ до основанія, сдѣлалось обычными спутниками насажденія христіанства, такъ и построеніе храмовъ на мѣстахъ прежнихъ капищъ и требищъ явилось на Руси повтореніемъ общаго

I) См. Д. В. Айналовъ. Эллинистическіе основы византійскаго искусства. Стр. I32 и слѣд.; также: Расположеніе Константиновыхъ построекъ по даннымъ письменныхъ источниковъ, II, стр. I7 и сл.

порядка.[1] Важность этого преемства для русской дѣйствительности заключается въ томъ, что храмы, замѣнившіе собою языческія капища и требища, сохранили, однако, свои общенародныя древнія названія, какъ это повторилось на греческой и римской почвѣ. Кромѣ словъ - храмъ и церковь, сдѣлавшихся общеупотребительными въ русскомъ языкѣ для обозначенія христіанскаго храма, лѣтописный языкъ даетъ намъ еще и другія названія, несомнѣнно очень древнія: "божница", "божонка".

Что церкви въ просторѣчіи назывались "божницами", показываютъ ясно нѣкоторые тексты лѣтописи: Подъ II47 годомъ разсказывается объ убіеніи Игоря Ольговича: "повелѣ Лазарь взяти Игоря и понести и въ гробъ, ѣхасша на гору[2]. Это была церковь св. Михаила на Подолѣ. На Подолѣ же упоминается и древнѣйшая Турова божница: "Паки скупишася вси князи у Туровы божницѣ". Извѣстная церковь въ Острѣ /Старогородскѣ/ св. Михаила носила названіе "Юрьевой божницы". Отъ нея сохранилась теперь лишь алтарная абсида съ фресками, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе. Убитаго Андрея Боголюбска-

----

I) Исе рѣкъ /Владиміръ/ повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь св. Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ, идѣже потребу творяху князь и людіе". П.С.Р.Л. т. I, стр. 5I.

2) ibid стр. I38.

го "вземше на коверъ клирошане Боголюбскыи, внесоша и въ божницю, пѣвше надъ нимъ, вложища и въ гробъ каменъ"[1]. Подъ божницей здѣсь разумѣется церковь Рождества Богородицы, выстроенная Андреемъ Боголюбскимъ. Подъ 1154 годомъ упоминается церковь свв. Бориса и Глѣба на рѣкѣ Льтѣ: "пожгоша бо /половцы/ села вся и Летьскую божницу святою мученику зажгоше"[2]. Изъ посланія Никифора видно, что внутренній притворъ церкви, въ просторѣчіи божницы, назывался "прибожнокъ": " Ни честятъ святого алтаря болѣ, якоже пріяхомъ и научихомся отъ святыхъ отецъ. А "прибожнокъ" и предверіе въ иномъ чину имѣемъ, и въ нихъ стояти велимъ простцемъ и женкамъ, внутренній же церкви паки инѣхъ ставляемъ"[3]. Въ Печерскомъ монастырѣ подъ 1109 годомъ упоминается часовня надъ Евпраксіей, дочерью Всеволода: "И сдѣлаша надъ нею божонку, идѣже лежитъ тѣло ея"[4].

Подобно тому, какъ у грековъ и римлянъ ναός и templum закрѣпились одинаково за языческимъ и христіанскимъ храмомъ, такъ "божница", обозначая по су-

---

1) Лаврентьевская лѣтопись /полное собраніе Русскихъ лѣтописей/ стр. 157.

2) Описаніе развалинъ церкви и состоянія ея въ цѣломъ видѣ въ 1629 г. см. А. В. Стороженко, Очерки переяславск. старины. Кіевъ, 1900, стр. 24 и сл.

3) Ѳ. И. Буслаевъ. Историческая хрестоматія, стр. 906.

4) Лаврентьевская лѣтопись /П.С.Р.Л./ стр. 121.

ществу сооруженіе, въ которомъ живетъ или находится божество, удержалось за христіанскимъ храмомъ на Руси, сохранившись еще отъ языческаго времени[1]. Эти данныя позволяютъ съ большой опредѣленностью установить значеніе лѣтописныхъ извѣстій о деревянныхъ и каменныхъ церквахъ въ древней Руси. Эти церкви украшались живописью, иконами, а каменныя сверхъ того и разнообразными породами камня.

Лѣтопись, очерчивая дѣятельность первыхъ князей Владиміра и Ярослава, представляетъ много неясностей. Владиміръ, принявши христіанство, начинаетъ сразу "рубить церкви и поставляти по мѣстамъ," "идеже стояху кумиры", а также непосредственная замѣна требищъ и капищъ церквами, заставляетъ предполагать особенную легкость въ исполненіи такого предпріятія. Такъ какъ лѣтопись съ особой тщательностью отмѣчаетъ призывъ греческихъ мастеровъ для построенія каменныхъ церквей, и въ то же время ни разу не указываетъ на участіе ихъ въ построеніи деревянныхъ, то самъ по себѣ возникаетъ вопросъ о причинахъ такой самостоятельности Владиміра по отношенію къ деревяннымъ церквамъ. Выраженія "рубить" и "ставить" показываютъ, что лѣтописецъ подразумѣваетъ постановку деревянныхъ церквей,

---

I) О Туровой божницѣ см. Н.И. Петровъ. Историко-Топографическіе очерки Кіева, стр. I76-7. О божницахъ см. Голубинскаго. Исторія русской церкви, Даля и Срезневскаго.

отсюда слѣдуетъ, что и церковь св. Василія, которую Владиміръ "постави" на мѣстѣ прежняго требища, была деревянная[1]. Въ виду молчанія лѣтописей о видѣ и формахъ первоначальныхъ церквей, становится необходимымъ связать церковное древнее строительство съ деревяннымъ русскимъ зодчествомъ, а на этотъ счетъ данныя изобилуютъ. Деревянныя палаты и терема, ихъ внутреннее устройство во множествѣ любопытныхъ чертъ и особенностей ихъ внѣшняго и внутренняго расположенія, обрисовываются изъ разныхъ извѣстій лѣтописей и другихъ письменныхъ источниковъ, говорящихъ о жизни и дѣлахъ первыхъ князей.

Извѣстно, напримѣръ, что въ томъ великокняжескомъ дворѣ, внѣ котораго находились кумиры, стоялъ "теремъ каменъ" Ольги /упоминается подъ 945 г./. У этой же княгини были и деревянные терема. Эти терема и дворы теремные, княжьи дворы, носятъ иногда очень красивыя названія. У Ярослава былъ "Великій дворъ". "Красный дворъ" упоминается въ Кіевѣ и Черниговѣ, наконецъ, "теремный дворъ", называвшійся "Раемъ" находился въ Кіевѣ въ Выдобичахъ"[2].

I) А.А. Шахматовъ указываетъ новый варіантъ извѣстія объ этой церкви и о мѣстѣ ея постановки.

2) "Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарицаемѣмъ Выдобичи; то все оканьніи половцы запалища огнемъ

Если въ лѣтописяхъ часто встрѣчаются указанія на златоверхія церкви, то съ другой стороны изъ Слова о Полку Игоревѣ намъ извѣстенъ "златоверхій теремъ" въ Кіевѣ. Кромѣ того, если въ той же лѣтописи говорится о церквахъ, которыя были "исписаны"[1], т.е. украшены живописью, то рядомъ съ этимъ имѣемъ рѣдкое указаніе и на украшенную живописью "повалушу"[3]. Въ Лаврентьевской лѣтописи встрѣчаемъ малопонятное для насъ теперь удивленіе и восторгъ лѣтописца передъ Ростовской церковью Богородицы, выстроенной изъ дуба и сгорѣвшей въ 1160 году, послѣ того, какъ она простояла болѣе 150-60 лѣтъ. "Того же лѣта", говоритъ лѣтописецъ, "погорѣ Ростовъ и церкви вcѣ, и собранная дивная и великая церковь Святой Богородицы, якое-же не было и не будетъ". /Лаврентьевская лѣтопись 150/. Какія красоты подразумѣваетъ лѣтописецъ, говоря намъ о церкви въ Ростовѣ, мы не знаемъ, но все же можемъ предполагать, что онъ разумѣетъ

/Лаврентьевская лѣтопись,99/."Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила и разболѣся и преставися..Разграбиша Дворъ его Красный и другой дворъ за Днѣпромъ разграбиша,его зващетъ самъ Раемъ". / ibid 81/.

1)"исписана"упоминается подъ 1187 г.;"украшена писаніемъ"подъ 1212 г.,"писати церковь" подъ 1230г."написана" 1233 г.,Лаврентьевская лѣтопись,изд.1872 г. Тверская лѣтопись подъ 1205 годомъ - "писаніемъ".

2) "исписавъ повалушу сѣдиши". И.Е. Забѣлинъ.

красоту формъ деревянной церкви и ея дорогое убранство. Иной разъ, говоря о громѣ и молніи, лѣтописецъ упоминаетъ и "маковицу", разрушенную молніей, и столь хорошо извѣстную въ нашей былинной поэзіи въ разнообразномъ примѣненіи, и даетъ возможность ясно представить верхнюю часть деревянной церкви[1]. Рядомъ съ этими данными, неясными и лишенными внутренней связи, изъ житія Бориса и Глѣба извѣстно и описаніе деревянной церкви этихъ святыхъ, выстроенной "клѣтски", т.е. въ видѣ клѣти, съ четыреугольнымъ основаніемъ въ планѣ: "христолюбивый князь /Ярославъ Мудрый/ украси церковь 𝔢 верховъ /т.е. 5-ю верхами/ и всякими красотами, иконами и ными письмены; повелѣ же и на иконѣ святою написати, да входящіи въ церковь вѣрніи людіе шли, видяще его образъ написанъ и аки самою зряще".[2] Отсюда мы узнаемъ, что пять верховъ составляли родъ украшеній церкви въ ея архитектурномъ строеніи и увѣнчивали собою четыреугольную клѣть ея. Эта церковь была украшена иконою свв. Бориса и Глѣба, находившеюся на внѣшнихъ ея частяхъ или при входѣ, такъ что входящіе могли видѣть изображенія мучениковъ, и кромѣ того вся церковь была украшена еще и другими иконами и "иными письмены и всякими красотами". Выраженіе "иными письмены" употребленное со словомъ "иконами", ясно по-

----

1) Даніилъ Заточникъ говоритъ: "глава церкви-крестъ".

2) Сревневскій, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 28.

казываетъ, что кромѣ иконописи, въ этой деревянной церкви были и другая какая-то живопись, не имѣвшая характера первой. Какова бы ни была эта живопись, но разъ она покрывала деревянныя части церкви, она не можетъ быть разсматриваема иначе, чѣмъ полихромія деревяннаго зданія. Деревянная церковь исписана такъ же, какъ и повалуша. Съ другой стороны, если такія общія выраженія: "всякими красотами, иными письмены", заключая въ себѣ свидѣтельство о цвѣтной живописи, а лишь ихъ разнообразіе /μάτων ποικιλία /, то древній языкъ напоминаетъ этотъ пробѣлъ въ общихъ чертахъ, такъ какъ въ немъ извѣстны слѣдующія краски или цвѣта: бѣлый, черный, черленый /т.е. красный/, зеленый, синій, багряный, наконецъ, золотой и серебряный. Число цвѣтовъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ значительно больше. Здѣсь находились: черный, бѣлый, синій, зеленый, сѣрый, сизый, багряный, черленый, красный, золотой, серебряный[I]. Потомъ врядъ ли было бы правиль-

----

I) Лаврентьевская лѣтопись /полное собраніе русскихъ лѣтописей Т.I/ "Очервлена и багряна одѣянья, 179, лучи кровавые, 160, мѣста черны, 506; столпъ огненъ 273; явившася столпове черлени, зелени и синии/подъ 1230 г./стр. 193. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ: "черная паполома и туча, земля; синее вино, багряная столпа, красное солнце, синее море, бѣлый гоголь, серебреные берега, зелено древо, сѣрый волкъ, сизый орелъ, кровавыя зорѣ, синія молніи, черленъ стягъ, бѣла хорюговь, черлена челка, серебрено стружіе.

но предполагать въ этой древней полихромiи еще языческаго времени только одинъ орнаментъ. Въ одномъ древнемъ источникѣ встрѣчается довольно, правда, глухое извѣстіе, отнесенное къ славяно-русской средѣ, придерживавшейся еще долго языческихъ обычаевъ, о томъ, что въ "недѣкинъ день...кланяются, написавше жену въ человѣческъ образъ тварь"[1], изъ чего можно заключить,что существовали и человѣкоподобныя живописныя изображенія, причемъ понятіе объ образѣ, написанномъ красками является одинаково соотвѣтствующимъ, какъ языческому, такъ и христіанскому изображенію, какъ и въ приведенномъ выше текстѣ изъ книги Каафа[2].

Въ подвалахъ лѣтописца ростовской церкви Богородицы слышится его удивленіе также и предъ архитектурой церкви. Церковь эта"дивная и великая" въ одно и то же время. Если слово"великая" указываетъ на величину церкви, то слово "дивная" должно указывать на ея замѣчательную архитектуру и красоту, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю. Обычное для указанія на убранство церкви слово "дивно" или "удививъ" иногда точно объясняется лѣтописцемъ. Андрей Боголюбскій, построивши /въ 1160 году/ церковь Богородицы во Владимірѣ: " украси ю дивно мно-

----

1) Лѣтопись русской литературы и древностей. IУ, IOI, Ср. "Образъ его бѣ вапомъ написанъ, въ Александріи". В. Истринъ, Изслѣдованіе 175.

2) Константинъ Всеволодовичъ 1218 г."многы церкви созда во своей власти воображая чюдными воображеніи святыхъ иконъ".... Образъ и теперь обозначаетъ "икону".

горазличными иконами и драгымъ каменьемъ безчисла и ссуды церковными и вверхъ ея позлати". Или: "Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ "созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ святого мученика Димитрія и украси ю дивно иконами и писаніемъ". Тѣ же украшенія подразумѣваетъ лѣтописецъ, говоря с церкви Іоанна Предтечи въ Ростовѣ, сгорѣвшей въ 1211 году: "се же есть дивно церкви въ Ростовѣ во имя св. Іоанна Предтечи, на дворѣ въ епископьи у св. Богородицы". Иногда "удививъ" относится къ украшеніямъ изъ различнаго мрамора, какъ напримѣръ въ извѣстіи и его варіантахъ, о Суздальской церкви Богородицы. Владимірскій соборъ былъ "удивленъ всякими "узорочьи", а каменный соборъ въ Бѣлгородѣ: "высотою и величествомъ и прочими украшеніями вдивъ былъ удобренъ"[1]. Въ житіи св. Владиміра о Десятинной церкви сказано: "украси ю /и/ иконами удививъ".

Въ оцѣнкѣ похвалъ, расточаемыхъ лѣтописцемъ Ростовской церкви надо, по всей вѣроятности, принять въ разсчетъ и красоту ея архитектуры, или тѣхъ "переводовъ"[2], которые, какъ опредѣленныя и типическія архитектурныя формы деревяннаго строительства, были

----

1) Голубинскій, Исторія русской церкви, т.I, стр.84 и о Десятинной церкви въ "Житіи блаж. Владиміра".

2) "Переводъ" упоминается уже подъ 1230 годомъ въ церкви св. Михаилъ въ Переяславлѣ "каменный" "и паде переводъ съ кровлею 3-хъ комаръ". "Переводы" деревянной церкви прекрасно объяснены покойнымъ И.Е. Забѣлинымъ.

совмѣщены въ ея общемъ планѣ и внѣшнемъ видѣ. Подобное же восхищеніе высказано лѣтописцемъ /Первой Псковской лѣтописи/ относительно церкви св. Николая Псковской волости: въ 1471 году Новгородцы "много хоромовъ пожгли и церковь св. Николы сожгли преудивлену и чюдну, таковѣ не было во всей Псковской волости, полутретью-десяти углахъ"[1].

Украшеніе деревянной рѣзьбой можетъ быть также подсказано, какъ одно изъ свойствъ деревянной постройки, чтобы сдѣлать хотя нѣсколько понятной дивную красоту деревяннаго зданія. Рѣзьба въ деревѣ уже потому должна считаться однимъ изъ коренныхъ русскихъ художественныхъ ремеселъ, что примѣнялась для изготовленія деревянныхъ идоловъ, но ни въ одной лѣтописи не встрѣчается прямыхъ указаній на рѣзьбу въ деревѣ въ примѣненіи ея къ древнѣйшимъ церквамъ домонгольскаго періода. Мы можемъ догадываться о существованіи ея благодаря извѣстію византійскаго писателя Зецеса, который получилъ отъ друга своего, митрополита Силистріи въ подарокъ раба, по имени Всеволода, и рѣзную русской работы чернильницу изъ рыбьей кости, такъ искусно украшенную рѣзьбой, что она напомнила ученому византійскому "хитрое искусство Дедала". "Дорогъ рыбій зубъ", искусно вырѣзанный, очень хорошо извѣстенъ нашему бы-

----

3) Голубинскій *ibid* стр. 134.

линному эпосу, именно, въ примѣненіи къ архитектурѣ: "подворотня, чердакъ - дорогъ рыбій зубъ". Рѣзьба въ деревѣ могла развиться вслѣдствіе потребности самой жизни для украшенія деревянныхъ палатъ и теремовъ, а родственная ей рѣзьба на кости изъ потребностей быта.

Такимъ образомъ, въ русской деревянной архитектурѣ уже въ XI-XII вѣкахъ должно признать особый, оригинальный видъ зданія, совмѣщавшій въ себѣ не только украшенные золотомъ верхи, особенные пріемы архитектоники, но и полихромію зданія.

Изъ числа наиболѣе древнихъ деревянныхъ церквей, кромѣ Ростовской церкви св. Богородицы, были извѣстны: первоначальный храмъ св. Софіи въ Новгородѣ, выстроенный въ 988 году Іоакимомъ изъ дуба. Вторая Новгородская лѣтопись говоритъ, что этотъ храмъ имѣлъ 13 верховъ и былъ "честно устроенъ и украшенъ". Онъ сгорѣлъ въ 1045 году. Затѣмъ "дивная" церковь св. Іоанна Предтечи въ Ростовѣ, сгорѣвшая въ 1211 году и церковь св. Николая въ Псковѣ, сожженная новгородцами въ 1471 году, упомянутая ранѣе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ построилъ и первую замѣчательную каменную церковь во имя Успенія Богородицы /Десятинную/. Для этой цѣли "пославъ приведе мастеры отъ грекъ и яко скончa зижа украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину. Заавъ ту все еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы и сосуды и кресты". Въ этомъ извѣстіи лѣтописи заключается два крайне важныхъ данныхъ. Первое состоитъ въ томъ, что для построенія каменной

церкви Владиміръ призываетъ греческихъ мастеровъ, второе въ томъ, что онъ украшаетъ ее иконами. Возникаетъ вопросъ, о какихъ иконахъ здѣсь идетъ рѣчь, и почему же онѣ упоминаются два раза. Не украсилъ ли Владиміръ свою первую церковь тѣми иконами, которыя онъ привезъ изъ Корсуни, и только?

Выраженіе "украсить церковь иконами" встрѣчается въ нашей начальной лѣтописи ранѣе 1187 года. Съ этого года въ ней для обозначенія живописныхъ украшеній обычны "писать", "исписать", "написать", "подписать" церковь. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, какъ напримѣръ, въ приведенномъ выше, объ украшеніи церкви Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, упоминаются "иконы" и "иныя письмены". Уже изъ этого сопоставленія словъ можно было бы вывести заключеніе, что подъ иконами разумѣется настѣнное письмо. Но въ "Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ", представляющемъ какъ бы сокращенный пересказъ "Чтенія", изъ котораго приведено данное извѣстіе, вмѣсто слова "украси ю иконами иными письмены" сказано: "исписа всю"[1], т.е. всю ее украсилъ настѣнною живописью. Равнымъ образомъ относительно церкви св. Софіи, выстроенной въ Кіевѣ Ярославомъ Мудрымъ въ Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ Лаврентьевской лѣтописи сказано: "украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и сребромъ и сосуды церковными". Подъ

----

1) Срезневскій, Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 74.

иконами, которыми сообразно этому тексту украшена церковь, подразумѣвается сохранившаяся до настоящаго времени мозаическая и фресковая живопись.

Въ похвальномъ словѣ митрополита Илларіона объ иконахъ нѣтъ рѣчи. Онъ говоритъ, что Ярославъ украси церковь Св. Софіи "со всякою красотою, златомъ, сребромъ и каменіемъ драгыимъ и съсуды честными, яже церкы дивьна и славьна всѣмъ окружнымъ странамъ".

Густинская лѣтопись,прибавляя къ этимъ украшеніямъ еще и новыя, все-же, повидимому, стоитъ близко къ Лаврентьевской лѣтописи и къ рѣчи митрополита Илларіона: "украси ю всякою красотою, златомъ и каменіемъ многоцѣннымъ, иконами и кресты и съсуды и паволоки". Надо полагать, что такой способъ выраженія "украсить иконами" принесенъ на Русь греками вмѣстѣ съ понятіями о византійской иконописной живописи разныхъ родовъ. Со времени иконоборства, когда священныя изображенія, изгнанныя иконоборцами изъ храмовъ и замѣненныя обычной свѣтской живописью, снова заняли свои старыя мѣста въ храмѣ, слово "икона" стало синонимомъ всякаго живописнаго изображенія въ храмѣ будь это икона на доскѣ или мозаическая и фресковая настѣнная живопись. Въ актахъ УII Вселенскаго Собора обычны выраженія εἰκόνες и ἱστορίαι для обозначенія иконъ на доскахъ и настѣнной живописи. Въ надписяхъ нѣкоторыхъ византійскихъ храмовъ мозаическая живопись

подразумѣвается подъ словами "святыя иконы". Подъ возстановленіемъ св. иконъ (Ἀναστήλωσις τῶν ἁγίων εἰκόνων) въ Византіи подразумѣвалось возстановленіе прежней настѣнной живописи въ храмахъ и употребленіе въ нихъ иконъ на доскахъ[I)], на металлѣ и проч.. Русское слово "украсить иконами" есть прямой переводъ съ греческаго: κοσμεῖν ταῖς ἱστορίαις или εἰκόσι или ζωγραφίαις[2)], а въ надписяхъ нѣкоторыхъ

I) „ἐν ταῖς ἐκκλησίαις διὰ μνήμην τὰς ἱστορίας ἀναστηλώσωμεν καὶ τὴν ἱερὰν εἰκόνα .... καταστήσωμεν..." Ἱερ. Συν. p. 744. „τοῦ ποθουμένου μάρτυρος τὴν εἰκόνα ἐστηλογράφουν — p. 830. Въ надписи Никейской церкви στηλοῖ Ναυκράτιος τὰς θείας εἰκόνας. O. Wulff, Die Koimesiskirche in Nicäa, Strassburg 1903, 194 - 7. Ср. съ выраженіемъ: „ὁ δὲ γραφεὺς ἐπὶ τοῖς τοίχοις εἰκόνας θείας διαφόρων ἁγίων συντίθησι" Rhetores graeci (Christianus Walz). ed Didot, T. I. p. 638.

2) „ἀλλ' ἐκοσμήθησαν διὰ τὰς ζωγραφίας καὶ ἱστορίας τῶν θαυμάτων τῶν ἁγίων καὶ παθημάτων τοῦ Κυρίου (τὰς ἐκκλησίας)"... Ἱερ. Συν. p. 716. Изъ письма папы Григорія ко Льву Исавру. Также: „πᾶσαν εἰκονικὴν διαζωγράφησιν, εἴτε ἐν σανίσιν, εἴτε διὰ μουσείων ἐν τοίχοις Du Cange, Gloss. graec. I, 651. (Изъ Acta Synod. VII, p. 385, A.A.5./.

византiйскихъ храмовъ мозаическая живопись подразумѣвается подъ словами "святыя иконы". Безъ этой исторической справки нельзя извлечь надлежащаго смысла изъ обычнаго въ лѣтописи выраженiя "украси ю иконами". Вслѣдствiе этого становится понятнымъ, почему лѣтописецъ въ приведенномъ выше описанiи Десятинной церкви два раза упоминаетъ объ иконахъ. Одинъ разъ подъ словами "украси ю иконами" онъ разумѣетъ настѣнную живопись, а другой разъ, говоря объ иконахъ, крестахъ и сосудахъ, имѣетъ въ виду иконы, писанныя на доскахъ и упоминаетъ о нихъ, поэтому при перечисленiи предметовъ церковной утвари, вывезенной изъ Херсонеса. О другой не менѣе знаменитой Печерской церкви въ лѣтописи подъ 1051 годомъ сказано: "церковь свершиша и иконами украсиша".[1] Изъ другихъ источниковъ, какъ увидимъ ниже, извѣстно, однако, что и эта церковь была роскошно украшена мозаической и фресковой живописью греческими мастерами, въ школѣ которыхъ образовался русскiй извѣстный иконописецъ Алипiй[2]. Впослѣдствiи такой способъ выраженiя относительно на-

----

1) По всей вѣроятности, живописныя украшенiя въ числѣ прочихъ надо понимать и подъ сокращеннымъ выраженiемъ: "украси ю" или "украси церковь", особенно, если говорится о каменныхъ церквахъ.

2) "Украси многоразличными иконами" сказано относительно украшенiй церкви Богородицы во Владимiрѣ /1160 г./ Подразумѣвается, очевидно, стѣнная живопись и деревянныя дорогiя иконы.

стѣнной живописи измѣнился, и слово "икона"употребляется по преимуществу для обозначенія деревянныхъ иконъ,а настѣнная живопись называется "писаніемъ". Такъ великій князь Всеволодъ Юрьевичъ украсилъ дивно церковь святого Димитрія "иконами и писаніемъ" и такъ далѣе.

Къ числу такихъ же выраженій лѣтописи, которыя требуютъ историческихъ справокъ для точнаго ихъ пониманія, принадлежатъ: "украси ю каменьемъ дорогимъ", "каменьемъ многоцѣннымъ", когда эти выраженія относятся къ красотамъ церкви, какъ зданія въ его цѣломъ. Обыкновенное значеніе, придаваемое въ древнихъ письменныхъ памятникахъ словамъ "камень драгій" равнозначуще нашему понятію о драгоцѣнномъ камнѣ. Такъ Антоній Новгородскій говоритъ о драгоцѣнныхъ камняхъ, которые онъ видѣлъ въ церкви св.Софіи въ Царьградѣ. "Во блюдѣ же Ольжинѣ камень драгіи", во лбу царя Корлѣя также "камень драгіи"[1] и т.п. Въ надписи Мстиславова Евангелія Наславъ говоритъ: "исправіхъ злато и серебро и драгый камень". Иконы по выраженію лѣ-

---

I) Подробно объ этому будетъ сказано въ комментаріи къ тексту книги "Паломникъ"Антонія Новгородскаго См.Журн. М.Н.Просв.1906 и 1908.

2) Атаульфъ невѣстѣ своей Плацидіи принесъ даръ:пятьдесятъ юношей несли „ταῖς χερσὶν ἀνὰ δύω μεγίστων δίσκων, ὧν ὁ μὲν χρυσίου πλήρης, ὁ δὲ τιμίων λίθων, μᾶλλον δὲ ἀτιμήτων Decerim ——— II p.694.
Описаніе этого событія Олимпіадоромъ находится у Фотія р. I08.

тописи также украшались "драгимъ каменьемъ"; Андрей Боголюбскій, взявши Кіевскую икону Богоматери, принесъ во Владиміръ, роскошно ее украсилъ золотомъ, сребромъ "каменьемъ драгимъ и жемчугомъ" /подъ 1155 годомъ/. Въ данномъ случаѣ подразумѣваются драгоцѣнные камни, или "честные" камни, буквально τίμιοι λίθοι въ то время, какъ "драгое и многоцѣнное каменье" употребленное для украшенія зданія церкви отвѣчаетъ греческому понятію о "ξεστός λίθος"[1], подъ которымъ разумѣются дорогіе породы камней и мраморовъ, употреблявшихся для облицовки стѣнъ дворцовъ и храмовъ. По всей вѣроятности, именно, живопись и облицовки стѣнъ разными породами дорогихъ камней подразумѣваетъ митрополитъ Илларіонъ, когда говоритъ: "и весъ клиросъ украсиша въ лѣпоту и одѣша святыя церкви". Церковная живопись и мраморныя украшенія уже очень рано уподобляются въ византійской литературѣ роскошнымъ одѣяніемъ церкви, одеждамъ невѣсты и проч.[2] Сохранившіеся въ Кіевѣ остатки мраморныхъ и иныхъ облицовокъ, инкрустацій, рав-

---

1) Krause, Die Byzantiner im Mittelalter, p. 50.

2) Изъ письма папы Григорія ко Льву Исавру: "ἀλλ᾽ εὑρὼν τὰς ἁγίας ἐκκλησίας ἐν κροσσωτοῖς χρυσοῖς περιβεβλημένας, πεποικιλμένας, ἀπεκόσμησας καὶ ἠρήμωσας.... Ἱερ. Συν. ——— p. 716. Астерій Амассійскій описывая домъ богача говоритъ: οἰκίας πολυτελεῖς, ψήφῳ καὶ λίθοις καὶ χρυσῷ κατὰ τὰς νύμφας κεκοσμημένας Patr. gr. XL p. 619.

но какъ колонны и капители, каменныя и мраморныя раки и гробницы составятъ предметъ особой главы въ послѣдующемъ изложеніи о Кіевскихъ церквахъ и о разныхъ извѣстіяхъ о нихъ. Здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ общаго значенія, что лѣтописная терминологія стоитъ въ связи и зависимости отъ византійской, принесенной несомнѣнно на Русь греческими мастерами и заимствованными русскими людьми въ самой Византіи во время наиболѣе живыхъ сношеній до нашествія монголовъ. Первая глава настоящаго сочиненія поэтому посвящена культурнымъ сношеніямъ Руси и Византіи. Въ этой главѣ излагаются пріемы и чествованія русскихъ пословъ въ самой Византіи.

Въ нашихъ лѣтописяхъ часто упоминаются, а иногда и кратко описываются пріемы русскихъ князей и ихъ пословъ при дворѣ византійскихъ Императоровъ. Наиболѣе интересныя въ этомъ отношеніи извѣстія касаются пріемовъ первыхъ русскихъ князей, побывавшихъ еще до принятія Русью христіанства, въ Царьградѣ.

Древнѣйшее извѣстіе относится къ легендарному кіевскому князю Кію. Лѣтописецъ оспариваетъ преданіе о томъ, что Кій былъ днѣпровскій перевозчикъ и прибавляетъ: "Аще бы былъ перевозникъ Кій, то не ходилъ Царюгороду, но сей Кій княжаше въ роду своемъ и приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко великому честь пріялъ /есть/ отъ ца-

ря, при которомъ приходилъ цари"[I]. Извѣстіе это важно въ томъ отношеніи, что давность хожденій русскихъ князей въ Царьградъ въ эпоху написанія лѣтописи, или даннаго ея извода, сдѣлалась легендарной. Пребываніе Кія въ Царьградѣ, какъ въ великой столицѣ міра и почетный пріемъ, оказанный ему неизвѣстнымъ византійскимъ императоромъ, облагораживаетъ въ понятіи лѣтописца личность Кія, такъ какъ перевозникъ не могъ быть принятъ императоромъ и не могъ удостоиться "великой чести". Въ легендѣ о Кіѣ мы, такимъ образомъ, встрѣчаемся съ твердо установленными понятіями лѣтописца о величіи Царьграда и о великой чести, которой удостоился Кій. Лѣтописецъ не объясняетъ въ частностяхъ, что онъ разумѣетъ подъ словами: "велику честь пріялъ есть", но изъ другихъ извѣстій его о пріемахъ русскихъ князей и ихъ пословъ при византійскомъ дворѣ и у себя на родинѣ въ стольномъ градѣ Кіевѣ становится яснымъ, что онъ подразумѣваетъ не только почетъ, оказанный Кію въ Царьградѣ, но и дары и угощенія и разнаго рода особенности пышныхъ цареградскихъ пріемовъ.

Смыслъ своихъ словъ лѣтописецъ объясняетъ подробно при описаніи почестей, оказанныхъ въ Царьградѣ посламъ Олега: "Царь же Леонъ почти послы Рускые дарми,

----

I) Лаврентьевская лѣтопись, изданіе Археографической Комиссіи 1872 г. стр. 9. Въ повѣсти временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку сказано: "И приходившю ему къ царю, не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы, якоже сказають" и проч. стр. 8.

златомъ, и паволоками и фофудьами, и пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и палаты златыа и в нихъ сущеа богатство, злато много и паволокы и камьнье драгое, и страсти господня,и венець,и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ,учаще я к вѣре своей и показующе имъ истиную вѣру,и тако отпусти э во свою землю с честию великою.[1]

Послы Владиміра получили подобную же честь. Отправленные имъ для испытанія греческой вѣры мужи "пріидоша Царюгороду и внидоша ко царю; царь же испыта, кыя ради вины придоша, они же сповѣдоша ему вся бывшая. Се слышавъ царь радъ бывъ и честь велику створи имъ въ отъ же день". Въ большой праздникъ послы были приведены въ церковь святой Софіи: "поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архирѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего... И призваша е царя Василій и Костянтинъ,рѣша имъ: "идѣте въ землю вашю" и отпустиша я съ дары велики и съ честью[2]".

Изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи становится яснымъ, что въ понятіе великой чести входили не только пріемы

I) Лаврентьевская лѣтопись,стр.37.Въ Тверской лѣтописи находимъ варіантъ:"церковную красоту палаты златыя" не лишенной интереса по отношенію къ Хризотриклину,о которомъ сказано далѣе.

2) Лаврентьевская лѣтопись /изданіе Археографической Комиссіи 1846 г./стр.24.Такъ и князья возвращаются "съ честью великою". Лавр.лѣт., 162 /1177 г./.

пословъ во дворцѣ, но и всенародная регламентація почестей, проявленіе ихъ передъ народомъ. Съ полною ясностью представленіе о великой чести обрисовывается въ извѣстномъ разсказѣ лѣтописца о мести Ольги. "Хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими" говорить Ольга древлянскимъ посламъ, "а нынѣ идите въ ладью свою и лязите въ ладьи величающеся".

Утромъ Ольга посылаетъ сказать посламъ: "зоветъ вы Ольга на велику честь". Пословъ, гордыхъ своимъ положеніемъ и роскошно одѣтыхъ, несутъ въ лодкѣ всенародно. Византійскіе писатели для обозначенія почестей, оказанныхъ иностранцамъ въ Константинополѣ, употребляютъ подобныя же общаго характера выраженія. Такъ знатная Пелопонесская владѣтельная особа Данелида была принята во дворцѣ "ἐντίμως καὶ λαμπρῶς"1) т.е. "съ честью и блестяще", но такъ какъ пріемъ ея состоялся въ Магнаврѣ, то и не остается никакихъ сомнѣній на счетъ того, что ей оказаны были наивысшія почести, какія только возможны были при византійскомъ дворѣ. Авторъ греческаго сказанія о крещеніи Руси передаетъ разсказъ о пріемѣ русскихъ пословъ очень близко къ лѣтописнымъ текстамъ съ описаніемъ пріемовъ пословъ Олега и Владиміра, приведеннымъ ранѣе: "Послы приходятъ къ Василію Македоняну, который очень обрадованъ этимъ. Онъ назначаетъ архонтовъ, которые долж-

----

1) Theophanes Continuatus. ed. Bonn. p. 317-318.

ны освѣдомить пословъ на счетъ цѣли ихъ прихода и показать имъ всѣ достопримѣчательности и святыни города. Послѣдніе приводятъ ихъ въ церковь святой Софіи. Принявши ихъ вторично, послѣ ознакомленія съ церковной службой, царь отпускаетъ ихъ обратно μετὰ χαρᾶς μεγάλης καὶ εὐφροσύνης - выраженіе, которое нельзя не сопоставить со словами нашей лѣтописи: "съ дары велики и съ честью" [1]). Слова "ἀξίως τιμηθεῖσα". сказанныя Кедринымъ о нашей княгинѣ Ольгѣ могутъ быть во всей полнотѣ выяснены лишь при изученіи текста Устава церемоній Византійскаго двора, въ которомъ описываются два пріема русской кня-

---

I) ...„Βασιλείῳ φημὶ τῷ ἐκ Μακεδονίας προσέρχονται, καὶ τὴν αἰτίαν τῆς αὐτῶν ἀφίξεως ἀπαγγείλουσιν, ὁ δέ ἄσμενος καὶ τρισάσμενος ἀποδεξάμενος ἄρχοντάς τινας παραυτὰ τῶν ελλογίμων αὐτοῖς ἐπιδίδωσιν, ὅπως τὰ κάλλιστα πάντα τῆς πόλεως αὐτοῖς ἐπιδείξωσι καὶ τὰς πεύσεις αὐτῶν πάντας καλῶς θευκρινήσωσι καὶ απολογήσονται, οἱ δὲ ἄνδρες παραλαβόντες καὶ πολλὰ ἐν τῇ πόλει ἀξιοθέατα ἐπιδείξαντες, εἰσήλθων καὶ πρὸς τὸν περιβόητον καὶ μέγαν θεῖον ναὸν τῆς τοῦ θεοῦ Σοφίας."
После вторичнаго пріема :„οὕσπερ καὶ απεπεμψαν μετὰ χαρᾶς μεγάλης καὶ εὐφροσύνης πάλιν ἐκεῖσε"
W. Regel Analecta bysantino-russica Petropoli AMDCCCXCI p. 47-49
Въ жизни блаженнаго Владиміра сказано: "съ дары и съ честью"

гини при дворѣ Константина Порфиророднаго въ связи съ данными нашихъ лѣтописей, упоминающихъ также о великой чести и дарахъ, которыхъ удостоилась княгиня Ольга во время пребыванія своего въ Царьградѣ[1]. Честь посламъ условливалась и по договорамъ[2].

Въ приведенныхъ текстахъ вмѣстѣ съ тѣмъ вкратцѣ передаются черты пріемовъ иностранныхъ пословъ при византійскомъ дворѣ и черты ихъ жизни въ столицѣ востока.

"Палаты златыя", упоминаемыя въ текстѣ о пріемѣ пословъ Олега, въ воображеніи лѣтописца обозначають вообще роскошныя залы цареградскихъ дворцовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляють вспоминать о Хризотриклинѣ /"Χρυσοτρίκλινος"/, или золотой палатѣ, одной изъ знаменитыхъ залъ большого дворца. Въ разныхъ частяхъ этого дворца русскимъ посламъ были показаны многія драгоцѣнности и святыни, нѣкоторыя изъ этихъ драгоцѣнностей и святынь, не упомянутыя, однако, въ лѣтописи, каковы жезлъ Моисея, кресты Константина Великаго и Константина Порфиророднаго и проч. упомянуты въ придворномъ Уставѣ[3], но для лѣтописнаго текста

Голубинскій, Исторія Русской церкви Т.I, стр.195.
1/ Georgi Cedrem, Historiarum compendium, ed. Bonn, p. 329.
2/ Да егда ходимъ въ грекы или въ солбу ко цареви вашему, да пуститъ съ честью проданное рухло лодьи ихъ. Лаврентьевская лѣтопись.
3/ De cerim Т.I. стр. 640-I.

болѣе важное значеніе имѣетъ извѣстіе Антонія Новгородскаго, который видѣлъ многія изъ извѣстныхъ лѣтописи святынь также въ "златыхъ палатахъ":" се же во царскихъ златыхъ палатахъ: "крестъ честной, вѣнецъ, чуба, гвозди, кровь же лежаше иная; багряница, копье, тросль, повой святыя Богородицы и поясъ и срачица Господня, платъ шейный и лентій и проч.[1]. Указывая на значительное согласіе лѣтописи съ текстомъ Антонія, я не могу здѣсь входить въ болѣе подробное изслѣдованіе обоихъ извѣстій о цареградскихъ святыняхъ, такъ какъ намѣренъ это сдѣлать въ подробномъ комментаріи къ тексту нашего паломника. Въ золотой палатѣ, какъ и въ другихъ залахъ происходили пріемы пословъ и парадные обѣды.[2] Въ этой же палатѣ пировала, какъ увидимъ далѣе, мужская свита княгини Ольги. Можно думать, поэтому, что выраженіе "златыя палаты" хранятъ отдаленное воспоминаніе о Хризотриклинѣ[3].

Послѣ Олега и Владиміра были допущены къ подроб-

I) Путникъ Антонія Новгородскаго, изд. Х.М.Лопарева, стр.86.
2) Саракинскіе послы были приняты первый разъ въ Магнаврѣ, вторично въ золотой палатѣ. De cerim I p.586-7.
3) Н.П.Кондаковъ, Константинопольскія церкви, подъ златыми палатами подразумѣваетъ у Антонія-Влахернскій дворецъ, стр.25. О золотой палатѣ московскихъ царей см. И.Е.Забѣлинъ. Бытъ русскихъ царей и царицъ, 2-е изданіе, I 241-2.

ному осмотру дворцовыхъ залъ, церквей и святынь города въ сопровожденіи особо приставленныхъ мужей. Эти мужи были на самомъ дѣлѣ особые чины двора и имперіи изъ числа тѣхъ, на обязанности которыхъ лежала служба при иностранныхъ послахъ. Они должны были встрѣчать пословъ, заботиться объ ихъ удобствахъ и пріятностяхъ жизни, доносить имъ о распоряженіяхъ царя, о времени пріемовъ при дворѣ, принимать по списку привезенные дары и выдавать обратные. Обязанности этихъ чиновниковъ подробно описаны въ придворномъ Уставѣ и кратко упомянуты въ договорахъ Олега и Игоря: " и мужъ царства нашего да хранитъ я",[1] то есть русскихъ пословъ и купцовъ, входяшихъ въ городъ по дѣламъ. Греческій авторъ сказанія о крещеніи Руси называетъ этихъ мужей архонтами[2], что сходится съ показаніемъ Придворнаго Устава, въ которомъ въ числѣ прочихъ чиновниковъ для указанной цѣли названы чиновники въ чинѣ "архонта". Тѣмъ не менѣе вполнѣ отвѣчаетъ тексту Устава и выраженіе договора Олега "царевъ

-----

1) De cerim 396-410, то-есть 88-90 главахъ, Лаврентьевская лѣтопись 31, 48.

2) Regel. Ibid р. 47 Русскимъ дозволялось входить въ городъ въ числѣ 50 подъ надзоромъ царева мужа, какъ сказано въ договорѣ Олега: "Да входятъ въ городъ однѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья мужъ 50". /Лаврентьевская лѣтопись 21/. Аналогично съ этимъ уставъ запрещалъ впускать и персовъ большими толпами. Архонтъ Дара долженъ былъ строго слѣдить за тѣмъ, что-

мужъ" и "мужъ царства нашего", т.е. греческаго, такъ какъ уставъ называетъ государственныхъ чиновниковъ разныхъ категорій. Только съ такими вожатыми русскіе послы могли проникнуть во дворцы, осматривать залы, дворцовые храмы и молельни, въ которыхъ имъ были показаны упоминаемыя лѣтописью и Антоніемъ Новгородскимъ святыни. Дворцы были доступны для пріемовъ и осмотра лишь въ опредѣленное время дня. По истеченіи положеннаго срока по данному знаку народъ удалялся изъ залъ дворца, какъ объ этомъ опредѣленно говоритъ Ліутпрандъ. Съ другой стороны въ самомъ уставѣ находимъ указанія, что дворецъ Магнавры отпирали съ ранняго утра лишь во время торжественныхъ пріемовъ, требовавшихъ очень сложныхъ дѣйствій для ихъ подготовки. Что касается посѣщенія храмовъ, то сюда послы являлись съ чинами двора не только для облегченія осмотра, но и для занятія почетнаго мѣста во время богослуженія, какъ это видно изъ разсказа объ испытаніи русскими послами вѣръ. Антоній Новгородскій также присутствовалъ въ храмѣ св. Софіи

сы они входили по частямъ. De cerim I p. 399. moris est palatium hoc (т.е. Magnaure) post matutinum diluculum omnibus patere, post tertiam vero diei horam dimissis omnibus dato signos quod est „Mis" usque ad horam nonam cunctis adytum prohibere. Hist. VI, c. 9. Сн. у Reiske примѣчаніе къ слову: „μίνσαι" II, 600. Du Cange Gloss. lat. см. это слово Д.Ө.Бѣляевъ Bisantina II, 6, 1, 148 сл.

21 мая 1200 года съ посольствомъ Остромирнца.

Равнымъ образомъ, лѣтописецъ, перечисляя драгоцѣнныя вещи, которыя видѣли во дворцахъ послы Олега, какъ то: "злато много и паволокы и каменье драгое", въ общихъ чертахъ рисуетъ вѣрную картину убранства дворцовыхъ залъ. Послы Олега видѣли не только золотые предметы, каковы троны, украшенные драгоцѣнными камнями, Царскія кресла, иконы, узорчатыя завѣсы, но также и тѣ драгоцѣнныя одежды, ткани, вѣнцы, стеммы, издѣлія изъ золота, представлявшія собою церковные сосуды съ эмалью, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями /ἔργα χειμευτά, διάλιθα, διαμάργαρα/[1], затѣмъ фигуры грифовъ, орловъ, всадниковъ, которые выносились изъ церковныхъ и дворцовыхъ ризницъ и развѣшивались и ставились въ палатахъ по случаю торжественныхъ пріемовъ. Подробное описаніе украшеній разныхъ залъ этими предметами находится въ главахъ придворнаго устава, посвященныхъ пріемамъ саракинскихъ и испанскихъ пословъ и во всемъ подобнаго имъ пріема княгини Ольги. Перечень этихъ предметовъ находится также въ описяхъ разныхъ дворцовыхъ и городскихъ храмовъ, внесенныхъ въ тотъ же Уставъ[2]. То же самое должно сказать и о дарахъ, полученныхъ послами Олега и Владиміра: "злато много, паволокы и фофудь и" и вообще "дары многи". Подарки золо-

----

1) De cerim. I p. 566, cap. 15.

2) De cerim I 570 и слѣд., 640 - 649 - Также М. Лопарева Паломникъ Антонія Новгородскаго XV, IX и 18.

тыми вещами были обычны при византійскомъ дворѣ, какъ и золотыми деньгами. Характеръ денежнаго дара имѣли и деньги, которыя были выданы саракинскимъ посламъ и ихъ свитѣ и всему посольству Ольги, какъ будетъ показано въ послѣдующемъ изложеніи на основаніи данныхъ Устава и нашихъ лѣтописей. Эти деньги дѣйствительно преподносились въ видѣ дара, по существу же представляли условленную договорами плату. Слово "поволоки и фафудьи" показываютъ, что послы получили въ качествѣ даровъ и ткани изъ числа тѣхъ, которыми славился и торговалъ Царьградъ. По договору Игоря каждому русскому позволялось покупать поволокъ не болѣе чѣмъ на 50 золотниковъ[1]. Фофудьи же упоминаются въ лѣтописи вторично подъ 1115 годомъ по поводу перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь въ Вышгородѣ, выстроенную Владиміромъ Мономахомъ, чтобы легче дойти до церкви Владиміръ приказалъ бросать въ толпы сильно налегавшаго народа отрѣзанные куски паволокъ, фофудій[2] и пр. Епитра-

---

1) Лаврентьевская лѣтопись подъ 945 годомъ.

2) Лавретьевская лѣтопись, 276 /изд. 1872 г./. Патріаршая или Никоновская 149. По Ипатскому списку Лаврентьевская лѣтопись /изд. 1871 года/ 202. П. Савваитовъ, описаніе старинныхъ русскихъ утварей и проч., СПБ. 1896, стр. 158 приводитъ лучшій варіантъ: "рѣжючи", "разметати" относительно паволокъ и фофудій. Изъ житія св.

хиль русскій фофудный упоминается въ описи имущества Аөонскаго монастыря Ксилургу[1] 1143 г. Известный Лиутпрандъ также получилъ дары тканями и хотѣлъ отправить ихъ на родину, но, по приказанію разгнѣваннаго императора, онѣ были у него отобраны назадъ.

Весьма любопытную черту лѣтописнаго разсказа о послахъ Владиміра представляетъ вторичный пріемъ ихъ императоромъ для отпуска домой и награжденія дарами. Подтвержденіе такому порядку вещей находимъ въ придворномъ Уставѣ. Когда императоръ отпускалъ персидскихъ пословъ, то снова принималъ ихъ, при чемъ по списку, заранѣе составленному и одобренному самимъ императоромъ, каждый

Алексѣя Пар. Нац. Библіот. Дюканжъ привелъ мѣсто, доказывающее существованіе фофудныхъ одеждъ" ῥένδαν Βαβυλονικὸν φοφουδοτὴν καλὴν ἤγουν χλαμύδα βασιλικὴν χρυσὴν. Gloss. med. et inf. graecit. t II appendix col. 163/164. Слово "фофудьи" объясняетъ Савваитовъ еврейскимъ "ефодъ" или "ефудъ". 2 Цар. 6,14 и I Парал. 15,27. Возможно, что фофудьи принадлежали къ числу вавилонскихъ тканей, выдѣлку которыхъ въ Балдахѣ /древнемъ Вавилонѣ/ засталъ еще Марко Поло въ XIII столѣтіи. "Путешествіе по Татаріи и другимъ странамъ Востока". Спб. 1873, 23-3. Въ придворномъ Уставѣ я встрѣтилъ только χλαμύδα φουνδάτα, De cerim, 641, с. 41. Однако не знаю, можно-ли сопоставить эти хламиды съ фофудьями.

2) Н.П. Кондаковъ, Русскіе клады. Русск. древности, VI, стр. 7.

изъ пословъ получалъ денежную плату[1]. Такой порядокъ былъ принятъ вообще по отношенію къ посламъ при ихъ отъѣздѣ.

Всѣ данныя нашихъ лѣтописей, касающіяся пріемовъ пословъ Олега и Владиміра при византійскомъ дворѣ, представляютъ, такимъ образомъ, значительное совпаденіе съ данными первоисточниковъ и показываютъ довольно близкое знакомство лѣтописцевъ съ обычаями придворной жизни въ Византіи.

Княгиня св. Ольга въ Царьградѣ.

Въ нашей начальной лѣтописи - о путешествіи княгини Ольги въ Царьградъ и о почетномъ пріемѣ, оказанномъ ей Императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ говорится съ прибавленіемъ легендарныхъ преданій. Мѣсто лѣтописи, относящееся сюда, гласитъ слѣдующее:

"Иде Ольга въ Греки и приде къ Царюгороду. Бѣ бо

I) Въ этомъ спискѣ, говоритъ Рейске, было обозначено сколько каждый изъ пословъ долженъ былъ получить "in munus et velut viaticum" Списокъ назывался γνῶσις дары ῥόγα Подобные списки приведены въ Уставѣ. Наиболѣе подробные изъ нихъ два списка денежныхъ суммъ, полученныхъ Ольгой и ея свитой и болѣе краткій - суммъ, полученныхъ саракинскимъ посольствомъ. Объ отпускѣ пословъ /ἐπὰν δὲ θέλῃ ἀπολῦσαι αὐτοὺς смотри De cerim I p. 397, II 390 - 3.

тогда царь Констянтинъ сынъ Леоновъ, и приде къ нему Ольга, и видѣ въ ю добру сущю зѣло лицемъ и смысленну, удивися царь разуму ея, бесѣдова къ ней... и дасть ей дары многи, злато и серебро, паволокы и съсуды различными отпусти ю"[1], Говоря о смерти св. Ольги, лѣтописецъ прибавляетъ, что она была похоронена по христiанскому обычаю, своимъ придворнымъ священникомъ: " бѣ бо имущи презвутеръ". Эти краткiя свѣдѣнiя о прiемѣ св. Ольги во дворцахъ византiйскихъ владыкъ уже давно сопоставляются историками съ подробнымъ описанiемъ двухъ прiемовъ Ольги и ея свиты, занесеннымъ въ Уставъ обрядовъ византiйскаго двора Константина Порфиророднаго. Однако, нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ описанiе это понималось вѣрно и объяснялось надлежащимъ образомъ Картина прiемовъ рисуется неполно, противорѣчиво и блѣдно. Смыслъ прiемовъ, ихъ послѣдовательность остались до сихъ поръ непонятными. Въ частностяхъ оказываются такiе недосмотры, какъ напримѣръ "комнаты" вмѣсто торжественныхъ и парадныхъ залъ; вмѣсто точнаго названiя залъ- "прiемныя палаты"; "рѣшетки" вмѣсто "завѣсъ". Особенно много значенiя было придано тому факту, что св. Ольга появившись предъ императрицею въ палатѣ Юстинiана, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ "лишь слегка наклонила голову". а не поклонилась до земли или не пала ницъ. Ей приданъ былъ по этому поводу эпитетъ "гордой", а затѣмъ изъ

----

1) Лаврентьевская лѣтопись подъ 955 годомъ, стран. 59-60.

этого было выведено дальнѣйшее заключеніе, что Ольга должна была "выгораживать" свое достоинство, попранное гордыми византійскими императорами, и выступала съ рѣзкимъ нарушеніемъ требуемыхъ ими унизительныхъ дѣйствій. Съ другой стороны униженіе достоинства Ольги видѣли въ томъ, что она стояла передъ императоромъ. На самомъ дѣлѣ оказывается обратное, и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ истинный смыслъ этихъ особенностей пріемовъ. Правила пріемовъ и этикета придворнаго устава даютъ возможность нарисовать величественную, почти волшебную картину пребыванія Ольги во дворцахъ византійскихъ императоровъ и освѣтить ярко одну изъ сторонъ культурныхъ сношеній древней Руси и Византіи. Древне-русскій бытъ получаетъ свое объясненіе съ нѣкоторыхъ сторонъ, именно, отъ Константина Порфиророднаго.

День и часъ пріемъ назначались самимъ Императоромъ по извѣстному ритуалу и въ извѣстныхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ это слѣдуетъ изъ главъ, посвященныхъ пребыванію иностранныхъ пословъ въ Константинополѣ /стр. 408 слѣд./. Посолъ долженъ былъ быть приготовленъ къ пріему, т.е. долженъ былъ проникнуться правилами придворнаго этикета.

Дворцы византійскихъ императоровъ жили своей сложной, размѣренной по днямъ и часамъ жизнью. Мы видимъ, поэтому, что и пріемъ Ольги былъ назначенъ на 9 сентября въ 4 часа по тогдашнему исчисленію.

Описаніе пріемовъ княгини св. Ольги при дворѣ Кон-

стинтина и Романа помѣщено вслѣдъ за описаніемъ пріемовъ Саракинскихъ пословъ, и, поэтому, носитъ заглавіе: "Другой пріемъ Елги Русыни / ἑτέρα δοχὴ τῆς Ἔλγας τῆς Ῥωσένης /.[I]

По характеру изложенія и по своему содержанію этотъ отрывокъ II книги I5 главы тѣсно связанъ съ предыдущими отрывками, въ которыхъ излагаются обряды, совершавшіеся при пріемахъ саракинскихъ и испанскихъ пословъ и съ отдѣльнымъ параграфомъ общаго характера, въ которомъ излагаются общія правила и наставленія, исполнявшіяся при пріемахъ иностранцевъ вообще. Эта связь явствуетъ изъ того, что составитель описанія подробно и точно описываетъ лишь тѣ особенности пріемовъ княгини Ольги, которыя разнятся чѣмъ либо отъ особенностей, или общихъ правилъ предыдущихъ пріемовъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится повторить ранѣе описанныя дѣйствія пріема, онъ опускаетъ ихъ, дѣлая

I) Я перевожу слово - Ῥωσένης - Русыни по аналогіи съ такими реченіями лѣтописи какъ "грекыня", "чехыня". Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археографической Коммиссіи. 78: Имя Ольги передается посредствомъ Олга, Волга, что можетъ отвѣчать греческому "Ἔλγα" и Οὔλγα Ср. Н.П.Кондаковъ, Русскіе клады, рисунокъ изъ рукописи Скилицы Куропалата съ надписью "Οὔλγα". Также Никоновская лѣтопись, изданіе Археографической Коммиссіи, стр. I6 и I8.

зам"чаніе, что "все слѣдующее за сказаннымъ происходило такъ, какъ во время ранѣе изложенныхъ пріемовъ".

Отрывокъ, посвященный описанію пріемовъ Ольги, начинается слѣдующими словами: " Въ мѣсяцѣ Сен рѣ, въ 9 день, въ четвертомъ часу происходитъ пріемъ по поводу пріѣзда Елги княгини Россіи /ἀρχοντίσσης Ῥωσίας/ во всемъ подобный предыдущему.[1] Княгиня вошла сама въ сопровожденіи родственницъ своихъ также княгинь, почетныхъ дамъ и сл жанокъ. Она шла впереди всѣхъ женщинъ, которыя шли за ней одна за другой по рангу и остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы. Вслѣдъ за ней вошли послы русскихъ князей и купцы /πραγματευταί/ и стали позади у завѣсы /εἰς τὰ βῆλα/. Слѣдующее затѣмъ произошло обычно, какъ и въ вышеизложенномъ пріемѣ".

Такимъ образомъ, описаніе вводитъ насъ прямо въ самыя дѣйствія, происходившія въ началѣ пріема, не называя ни зала, въ которомъ происходилъ пріемъ, ни императорскихъ особъ, предъ которыми явилась княгиня Ольга со своею свитою. Всѣ эти данныя подробно объясняются въ предыдущихъ описаніяхъ и особенно въ общей главѣ, носящей названіе: "Что должно соблюдать,

----

1) κατὰ πάντα ὁμοία τῆς προρρηθείσης δοχῆς p. 594

когда пріемъ происходитъ въ большомъ залѣ Магнавры, когда цари сидятъ на тронѣ Соломона /р. 5I0-66/[I)]

Въ описаніяхъ пріемовъ Саракинскихъ пословъ, въ пріемѣ Делемика Амира Зноте и Тарсійскихъ пословъ /р. 569/, предшествующихъ описанію пріемовъ Ольги, мы каждый разъ встрѣчаемъ ссылки на этотъ общій обрядъ, и, именно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обрядъ прерывается и въ описаніи пріема нашей княгини св. Ольги именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы. Какъ пріемы Саракинскихъ пословъ, такъ и испанскихъ, происходили въ большомъ залѣ или триклиніи Магнавры, а общій обрядъ, какъ гласитъ заглавіе, заключаетъ правила пріемовъ, именно, въ Магнаврѣ. Поэтому ясно, что и пріемъ св. Ольги происходилъ въ томъ же, наиболѣе роскошномъ изъ всѣхъ, торжественномъ залѣ, въ Магнаврѣ. Этотъ залъ не упомянутъ потому, что мѣсто дѣйствія точно обозначено ранѣе. Это обстоятельство имѣетъ особенную важность и стоитъ въ связи съ другими данными церемоній византійскаго двора, при которомъ характеръ пріемовъ и ихъ пышность зависѣла отъ ранга и чина принимаемаго лица. Дѣйствительно св. княгиня Ольга нигдѣ не называется "посломъ" /πρέσβυς, φίλος, ἐθνικός/ "другомъ", или "чужестранкой", какъ назывались вообще саракинскіе, испанскіе или славянскіе послы, а "архонтиссой" - словомъ хорошо передаваемымъ

I) ὅσα δεῖ παραφυλάττειν δοχῆς γενομένης ἐν τῷ μεγάλῳ τρικλίνῳ τῆς Μαγναύρας, τῶν δεσποτῶν καθεζομένων ἐπὶ τοῦ Σολομωντείου θρόνου

русскимъ титуломъ "княгиня". Но кромѣ этого княгиня Ольга имѣла еще и другой титулъ, который не употребленъ ни разу въ текстѣ описанія, но выставленъ въ оглавленіи ко второй книгѣ, гдѣ при этомъ ясно и точно указано, что она была принята въ Магнаврѣ по общему обряду. Пріемъ Ольги здѣсь упомянутъ послѣ пріема Делемика въ слѣдующихъ выраженіяхъ: "Такъ-же какъ произошелъ пріемъ гегемона и архонтиссы Руссовъ Елги /ἔτι τῆς ἡγεμόνος καὶ τῆς ἀρχοντίσσης Ἔλγας τῶν Ῥῶς ὅπως ταῦτα πάντα ἐτελέσθη p. 511./ Такимъ образомъ, при византійскомъ дворѣ Ольга была принята какъ "гегемонъ" и "архонтисса", что соотвѣтствуетъ нашему понятію "великой княгини".

Такія лица, какъ явствуетъ изъ прямого указанія продолжателя хроники Ѳеофана, обыкновенно принимаемы были въ Магнаврѣ: "обычай принимать въ Магнаврѣ", говоритъ онъ, " существуетъ у царей ромейскихъ, когда они хотятъ принять кого либо изъ знаменитыхъ и великихъ людей по гегемоніи"1). Такъ "блестяще и съ честью" была принята знатная матрона Данелисъ изъ Пелопонеса при дворѣ Василія Македонянина, такъ была принята и наша княгиня св. Ольга при дворѣ Константина Багрянороднаго.

---

1) δοχῆς δὲ γενομένης ἐν τῇ Μαγναύρᾳ, καθώς ἐστιν ἔθος τοῖς βασιλεῦσι Ῥωμαίων ποιεῖν, ὅταν τινὰ τῶν ὁ ἡγεμονίας ἔθνους τινὸς περιφανῶν καὶ μεγάλων ς δέχεσθαι μέλλωσιν, εἰσήχθη καὶ αὐτὴ πρὸς βασιλέα ἐντίμως τε καὶ λαμπρῶς (т.е. ἡ ἐκ Πελοποννήσου γυνὴ Δανηλίς) Theoph. contin. ed. Bonnae p. 317-18.

Триклиній Магнавры представлялъ величественный тронный залъ. Онъ былъ еше построенъ Константиномъ Великимъ и роскошно имъ украшенъ. Въ глубинѣ зала, внутри глубокой ниши помѣщался великолѣпный, съ хитрымъ механизмомъ царскій, парадный тронъ. Онъ стоялъ на возвышенной эстрадѣ, на которую цари всходили по нѣскольким ступенямъ изъ зеленаго мрамора. Четыре колонны, двѣ справа, двѣ слѣва отдѣляли тронное помѣщеніе отъ боковыхъ. Между колоннъ висѣли драгоцѣнныя завѣсы. Справа отъ трона находилось помѣщеніе, въ которомъ императоръ снималъ одежды, присвоенныя его ежедневнымъ выходамъ и пріемамъ государственныхъ чиновъ, и надѣвалъ облаченія своего императорскаго сана, прежде чѣмъ взойти на тронъ. Эти одежды - "хламиды и стеммы" - лежали на отдѣльныхъ креслахъ. Во время пріема саракинскихъ пословъ императоръ надѣлъ восьмиугольную хламиду и большую бѣлую стемму /ὀκτάγωνον χλανίδιον καὶ τὸ μέγα λευκὸν στέμμα, p583/ изъ чего слѣдуетъ, что въ этой одеждѣ онъ принималъ и нашу княгиню Ольгу. Когда императоръ садился на тронъ, тогда по очереди отдѣльными группами вводились чины двора, имперіи, и размѣщались по сторонамъ трона на определенныхъ мѣстахъ, какъ это описано въ главѣ о пріемахъ пословъ вообще и саракинскихъ въ частности. Вслѣдъ за тѣмъ, по мановенію золотого жезла церемоніарія, завѣса главнаго входа отдергивалась и вводились послы. Чины

двора и "катепанъ" и "комитъ ставла" вводили ихъ подъ руки, въ надлежащихъ мѣстахъ указывая имъ, гдѣ надо кланяться и падать ницъ. Для указанія на то, что послы должны были являться поддерживаемые двумя чинами, въ уставѣ употреблено выраженіе "ἐθνικὸς..... κρατούμενος". Это выраженіе прекрасно объясняется Люитпрандомъ, который явился въ залъ Магнавры и направился къ трону, падая ницъ гдѣ нужно, ведомый двумя евнухами, на плечи которыхъ онъ опирался[I)]. Вслѣдъ за посломъ входила свита его и размѣщалась позади, у завѣсы. Посолъ, вошедшій въ кругъ чиновъ, стоящихъ по сторонамъ трона, падалъ ницъ при звукахъ духовыхъ органовъ, затѣмъ поднимался, и при звукахъ ударныхъ органовъ, становился на указанное ранѣе мѣсто, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы черезъ переводчика. Сравнивая этотъ обрядъ пріема пословъ въ Магнаврѣ до того момента, когда они становятся передъ трономъ для разговоровъ, съ описаніемъ появленія Ольги передъ императоромъ,

---

I) Ср. De cerim II cap. 15 p. 568,13. Luitprandi Historia VI Muratori Rerum Ital. script II p. 469-70. Рейске передаетъ "κρατούμενος" посредствомъ "ex brachio tenent" очевидно основываясь на словахъ Люитпранда. Въ указ. мѣстѣ In haec igitur duorum eunuchorum humeris incubens ante imperatorés presentiam sum deductus См. также Рейске De cerim. II, 638 - παρὰ κρατούμενος. Также "χρυσᾶ σκῆπτρα ὑπὸ τῶν κανδιδάτων κρατούμενα"

должно указать на значительную разницу. По отношенію къ княгинѣ Ольгѣ не употреблено выраженіе, изъ котораго бы слѣдовало, что ее вели подъ руки, наоборотъ отмѣчено, что она не имѣла такихъ пособниковъ. Княгиня Ольга идетъ къ трону одна, безъ поддержки чиновъ, ибо сказано, что она вошла / εἰσῆλθεν /, а не была введена / εἰσήχθη /, не падаетъ ницъ I) а останавливается тогда, когда приходитъ къ мѣсту, гдѣ логофетъ предлагаетъ свои обычные вопросы. По смыслу общаго обряда ея шествіе должно было сопровождаться звуками указанныхъ органовъ. Чтобы знать, что произошло вслѣдъ за тѣмъ, какъ Ольга стала, и послѣ того какъ вошла и размѣстилась въ залѣ ея многочисленная свита, необходимо обратиться къ образцамъ тѣмъ привѣтственныхъ рѣчей, которыми обмѣнивались въ такихъ случаяхъ императоръ и послы и которыя занесены въ 47 главу второй книги. Здѣсь приведены образцы привѣтствія пословъ римскихъ, болгарскихъ, пословъ изъ Амири и Тарса, Египта, Персіи, Хорасена и отвѣты царей черезъ логофета, но отсутствуетъ привѣтствіе княгини Ольги и отвѣты ей царя Константина Багрянороднаго. Эти всѣ привѣтствія носятъ совершен-

----

I) Папарригопуло полагаетъ, что Ольга лишь поклонилась императору. Онъ распространяетъ на весь обрядъ, сказанное въ уставѣ относительно ея поклона передъ обѣдомъ. Врядъ ли это такъ.

но оффиціальный характеръ и состоятъ изъ величанія титулами, благопожеланій, вопросовъ о здоровьи правящихъ особъ, ихъ дѣтей и родни. Общій характеръ и смыслъ этихъ привѣтствій, вопросовъ и отвѣтовъ какъ нельзя болѣе удачно характеризуется часто употребляемымъ въ уставѣ выраженіемъ "обычные вопросы" /συνήθεις ἐρωτήσεις/. Изъ этого видно, что въ моментъ представленія пословъ не имѣли мѣста переговоры политическаго характера, или переговоры о цѣли посольства. Люитпрандъ также весьма опредѣленно говоритъ, что представившись царю, онъ ничего не говорилъ ни о себѣ, ни о чемъ другомъ, а лишь о здоровьи Беренгара и о его роднѣ черезъ логофета[1], такъ какъ говорить о чемъ либо другомъ было неприлично. Вопросы, которые предлагалъ логофетъ Ольгѣ черезъ переводчика также названы "обычными", вслѣдствіе чего надо думать, что и ея разговоры съ царемъ въ моментъ представленія вращались около тѣхъ же самыхъ темъ, какія составляютъ предметъ привѣтствій, вопросовъ и отвѣтовъ царя и пословъ въ 47 главѣ II книги устава[2].

----

1) „Per se autem tunc nichil locutus; quoniam et si vellet, et inter capedo maxima indecorum faceret, de vita Berengarii, et sospitate per logothetam est percontatus." Historia, VI, Muratori, Itall. r. script. p. 470.

2) Это подтверждается и пріемомъ сарацинскихъ пословъ, происшедшимъ передъ пріемомъ Эмира Дулетика. Сарацинскіе послы были приняты Константиномъ въ Маг

Въ то время, когда логофетъ оканчивалъ свои вопросы, то начинался новый актъ пріема, состоявшій въ занимательномъ зрѣлищѣ, которое давалось принимаемому лицу и его свитѣ. Въ этомъ зрѣлищѣ виднѣйшую роль игралъ тронъ, на которомъ сидѣлъ императоръ. Этотъ тронъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Въ Уставѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ[1] трона Соломона, такъ какъ сдѣланъ былъ на подобіе трона іудейскаго царя. Онъ былъ сооруженъ изъ чистаго золота и усыпанъ драгоцѣнными каменьями. На разныхъ частяхъ сѣдалища трона сидѣли золотыя птицы, которыя въ надлежащихъ случаяхъ вдругъ начинали гармонично пѣть. Изъ описанія дѣйствій съ трономъ, въ общей главѣ о пріемѣ иностранцевъ, должно заключить, что по обѣимъ сторонамъ ступенекъ трона находились фигуры различныхъ животныхъ / τὰ ζῶα /, которыя могли подниматься на своихъ мѣстахъ и становиться на ла-

---

навrѣ, но не на тронѣ Соломона, а на двухъ золотыхъ креслахъ, и въ такомъ пріемѣ уже изложили свое дѣло.

1) Лабартъ упоминаетъ передъ трономъ большой и высокій крестъ, но ссылки, которыя онъ приводитъ /De cerim 567 , 569, 595/ или совсѣмъ не указываютъ на крестъ, или же относятся къ кресту на площади передъ Халки /De cerim 57/ Labarte, Palais imperiale de Constantinople, 85.

пы. Тронъ былъ украшенъ фигурами львовъ, которые могли рычать такъ же громко, какъ и цари пустыни /βρυχᾶσθαι /. Въ уставѣ не упоминается число львовъ. Продолжатель Өеофана, и вслѣдъ за нимъ Симеонъ Магистръ говорятъ о двухъ золотыхъ львахъ. Какимъ образомъ они были приспособлены для украшенія трона не явствуетъ при извѣстныхъ источникахъ. Рейске вспоминаетъ о львиныхъ ножкахъ трона на консульскихъ диптихахъ /II, 644-5/. Подножіе трона было золотое, эстрада въ коврахъ. Близъ трона находились два /?/ дерева изъ чистаго золота, на вѣтвяхъ которыхъ сидѣли различныя птицы, также сдѣланныя изъ золота и пѣвшія въ надлежащихъ случаяхъ, каждая особеннымъ голосомъ. Близъ трона, за завѣсой и внѣ ея стояли органы: одинъ золотой, украшенный эмалью и драгоцѣнными камнями, другой тоже золотой /Венетовъ/, третій серебряный. Люитпрандъ говоритъ, что дерево /мѣдное, позолоченное/ стояло впереди трона предъ глазами императора. Изъ его словъ нельзя, однако, представить себѣ въ какомъ отношеніи находились къ трону львы, числа которыхъ онъ также не упоминаетъ, а говоритъ, что они какъ бы стерегли сѣдалище, которое было огромной величины[1]. Дерево представляло собою платанъ[2].

1) Historia, VI, Muratorii Rer. Ital. script. II, 469.

2) Другія извѣстія о тронѣ, деревѣ, поющихъ птицахъ указаны у Рейске въ примѣчаніяхъ II, 641-4.

Левъ Грамматикъ, равно какъ и Абульфеда говорятъ также объ одномъ деревѣ. Продолжатель Өеофана и Симеонъ Магистръ говорятъ, что императоръ Михаилъ уничтожилъ дерево, именно, платанъ[1).]

Въ уставѣ упоминаются "деревья", но число ихъ, какъ и число львовъ не указывается /I, 569/.

Всѣ эти диковинки искусства и механики были устроены императоромъ Өеофиломъ при участіи ювелира, механика и ученаго - Льва. Они, на ряду съ различными статуями, машинами, греческимъ огнемъ и другими чудесами Константинополя слыли у насъ на Руси подъ именемъ "хитростей" Царьграда. Въ Патріаршей или Никоновой лѣтописи упоминаются нѣкоторыя изъ этихъ хитростей на основаніи византійскихъ источниковъ, упомянутыхъ ранѣе, продолжателемъ Өеофана и Симеона Магистра: "Царь же Михаилъ вся сокровища истощи съ игрецомъ своимъ, не токмо грипсоси /δὺο γρῦπος /

I) „δένδρον χρυσοῦν ἐν ᾧ στρουθοὶ ἐφεζόμενοι διὰ μηχανῆς μουσικῶς ἐπιλάδουν" Patr. gr. t. 109, 688 Абульфеда такъ описываетъ это дерево: "erat aurea partim et partim quoque argentea arbo in octadecim ramos majores deducta, per quos et reliquos minores aves diversae forma sedebant, aureae et argenteae. Folia pariter hujus arboris ex utroque erant facta ut rami machinis acti librati certa lege mitabant, sic etiam aves dementiis quoque inditis arte organica modulis pipulabant". Рейске. Прим. II, p. 64,34

дастъ на разореніе златка, но доброкованную златую тополу, сирѣчь дерево, на немъ же сѣдяху многоразличныя птицы златыя и пѣсни возглашаху, яко отъ жива языка, и слышащимъ ихъ удивленіе творяху, чюдящимся новой хитрости оной"[1])

Среди извѣстныхъ до сихъ поръ памятниковъ византійскаго искусства ни одинъ не изображаетъ намъ трона Соломонова, о которомъ говорятъ византійскіе источники.

Замѣчательное изображеніе трона Соломона въ Библіи св. Павла внѣ стѣнъ Рима, представляющее этотъ тронъ въ три этажа, усыпанный драгоцѣнными каменьями, не имѣетъ ни птицъ, ни львовъ, ни звѣрей[2]). Единственный извѣстный мнѣ пока образецъ

I) Патріарш. или Ник. Лѣтопись. Издан. Археогр. Комис. Спб. 1862. IO. Вотъ текстъ продолжателя Θеофана съ легкими измѣненіями, передаваемый Симеономъ Магистромъ: τήν τε χρυσῆν ἐκείνην καὶ πολυθρύλητον πλάτανον καὶ τοὺς δύο χρυσοῦς λέοντας, πρὸς δὲ καὶ τοὺς δύο γρῦπας ὁλόχρυσον ὄργανον, ἀλλὰ καὶ ἕτερα ἔργα βασιλικῆς ἐκθέσεως, ὁλκὴν ἔχοντα τῶν διακοσίων οὐκ ἔλαττον κεντηναρίων, χωνεύσας χαράξαι δέδωκεν ἐν τῷ βασιλικῷ ταμιείῳ."
Theoph. cont. ed. Bonni p. 173,6 и 659,17.

2) Тронъ Соломона въ Библіи св. Павла внѣ стѣнъ Рима, чрезвычайно высокій, съ эстрадой, состоящій изъ нѣсколькихъ этажей, украшенный драгоцѣнными камнями, соотвѣтствуетъ скорѣе "кувуклію" Консисто-

изображенія трона Соломона навѣяннаго внѣ всякаго сомнѣнія, знаменитымъ трономъ зала Мангавры, находится въ одной латинской рукописи XIУ вѣка /Bibl. Casanatensis Р.Д I.15 Cod. 1404/. Рукопись называется „Omnium virtutum et vitiorum delineatio" На листѣ II находится миніатюра съ надписью: Tronus Salomonis

Этотъ тронъ стоитъ на высокой эстрадѣ съ пятью ступеньками зеленаго цвѣта что сходится съ извѣстіемъ о высокой эстрадѣ и ступенькахъ изъ зеленаго мрамора трона Соломона въ залѣ Магнавры. Ступеньки идутъ вверхъ пирамидой На каждой изъ нихъ по обѣ стороны сидятъ звѣри на заднихъ лапахъ Справа и слѣва отъ трона стоятъ два льва, обращенные головами къ трону. Пасти ихъ открыты, что должно означать ихъ ревъ. Тронъ стоящій на эстрадѣ не имѣетъ ножекъ. Низъ его сплошной. Полоска раздѣляетъ его на двѣ части. Подъ плоской идутъ аркады. Широкое сѣдалище безъ перилъ и безъ подушки. Стѣнка кресла представляетъ родъ высокой и широкой арки. На тронѣ сидитъ Соломонъ, поднимая руку и показывая пальцемъ вверхъ. У подножія ступенекъ стоитъ на колѣняхъ человѣкъ, держащій птицу /орла или сокола/. Животныя, сидящія по сторонамъ ступенекъ,

---

ріи, такъ какъ имѣетъ киварій и лишенъ звѣрей и птицъ. Царскій тронъ съ четырьмя головами птицъ изображенъ въ рукописи Парижской Національной Библ. № 510. Л. 239 Уваровъ. Византійскій Альбомъ.

львы, птица въ рукахъ человѣка, окрашены также въ зеленый цвѣтъ. Фонъ миніатюры украшенъ точками, образующими крестики или звѣзды.

Чтобы покончить съ трономъ Соломона остается упомянуть еще объ извѣстіи Люитпранда, который говоритъ, что тронъ весь могъ подниматься почти до потолка съ сидящимъ на немъ императоромъ[1]. Въ уставѣ церемоній на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній. Люитпрандъ не могъ отдать себѣ въ этомъ отчета и очень удивился. Очевидно, что звуки органовъ, пѣніе птицъ, ревъ львовъ, движенія животныхъ и самаго трона имѣли цѣлью не только поразить воображеніе иностранца варвара, но и устрашить его. Люитпрандъ оставилъ относительно этого пункта свидѣтельство, изъ котораго явствуетъ, что людямъ, незнакомымъ со всѣмъ происходившимъ во время пріемовъ, многое казалось страшнымъ. Онъ нашелъ нужнымъ заявить, что не испыталъ этого страха: "Когда при появленіи моемъ въ залѣ львы испустили рычаніе, а птицы стали пѣть различными голосами, сообразно породѣ каждой, я не испыталъ никакого страха, никакого удив-

----

1) In primis vero solium hujus modi arte erat compositum ut in momento humile exelsius modo quam mox videretur sublime tertio itaque Imperatorem pronus adorans, caput sustuli et quem prius moderata mensura a terra elevatum sedere vidi, mox alliis indutum vestibus penes domus laquear sedere prospexi. Ibid. p. 469-70.

ленія, такъ какъ обо всемъ этомъ былъ освѣдомленъ тѣми, которые хорошо это знаютъ"[1]. Не смотря на то, что въ приведенномъ ранѣе заголовкѣ къ общей главѣ говорится о "царяхъ" сидящихъ на тронѣ Соломона, подъ которымъ надо подразумѣвать Константина Багрянороднаго и его сына Романа, тѣмъ не менѣе изъ описанія пріемовъ Саракинскихъ пословъ и княгини Ольги видно, что принималъ пословъ и княгиню Ольгу въ Магнаврѣ одинъ Константинъ Порфирородный. Уставъ очень точенъ на этотъ счетъ и всегда упоминаетъ его, гдѣ принималъ и гдѣ сидѣлъ. Такъ во второмъ пріемѣ саракинскихъ пословъ, когда они были приняты въ Магнаврѣ, а въ хризотриклинѣ присутствовалъ уже и Романъ, сидя на тронѣ царя Аркадія, а Константинъ Багрянородный сидѣлъ на тронѣ Константина Великаго. Изъ описанія пріема Ольги видно, что съ трона встаетъ и выходитъ обычнымъ порядкомъ одинъ царь, а не цари /τοῦ τε βασιλέως κατὰ τὴν εἰωθυῖαν τάξιν εἰσελθόντος ἐν τῷ παλατίῳ/. Это указаніе является рѣшающимъ. Несомнѣнно княгиня Ольга была принята однимъ Константиномъ Багрянороднымъ, съ чѣмъ согласно извѣстіе нашей лѣтописи и нѣкоторыя другія данныя. Такъ на миніатюрѣ рукописи Іоанна Скилицы Куропалата

---

1) Cumque in adventu meo leones rugitum emitterent, aves secundum species suas perstreperent, nullo sum terrore, nulla admiratione commotus, quoniam quidem ea his omnibus eos qui bene noverant, fuerat percontatus. Ibid II, 469-472.

св. Ольга изображена стоящей предъ однимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ. Объ этой миніатюрѣ будетъ еще рѣчь впереди. Не менѣе важнымъ является и указаніе, что пріемъ Ольги былъ "во всемъ подобенъ предыдущему", т.е. пріему Саракинскихъ пословъ. Лѣтопись вполнѣ согласна съ этимъ даннымъ Придворнаго Устава, хотя ея данныя могли быть заимствованы изъ Скилицы Куропалата или иныхъ источниковъ.

Этими данными дополняются наши свѣдѣнія относительно обстановки, среди которой очутилась княгиня Ольга, вошедши въ залъ Магнавры со своею свитою. Приведенное ранѣе выраженіе Устава о томъ, что ..."слѣдующее затѣмъ произошло обычно, какъ въ вышеизложенномъ пріемѣ" можетъ быть легко возстановлено текстомъ общей главы:

"Когда логоѳетъ предлагаетъ свои обычные вопросы," сказано здѣсь, "то львы начинаютъ рычать, птицы, какъ на сѣдалищѣ трона ἐν τῷ σένζῳ /, такъ и на деревьяхъ начинаютъ гармонично пѣть, а звѣри, находящіеся на тронѣ /ἐν τῷ θρόνῳ/ подниматься на своихъ подножіяхъ /„ἀπὸ ἰδίων βαθμῶν" и „βαθμίδων"[1]. Въ то время, когда все это происходитъ, вносятся дары /κανίσκιον / протонатаріемъ дрома, спустя немного начинаютъ играть органы, а львы успокаиваются, птицы

---

1) Любопытно различіе, дѣлаемое между "σένζος" и „θρόνος" показывающее, что птицы находились въ верхней части трона, а звѣри на нижней части. Ср. тронъ въ рукоп. Григ. Наз. Парижская Нац. Библ. № 510, съ четырьмя головами птицъ на

перестають пѣть и звѣри садятся на свои мѣста. Когда же осмотрять дары, то чужестранецъ по знаку, данному логоветомъ, кланяется и удаляется, и въ то время, когда онъ слѣдуетъ къ выходу, его шествіе сопровождается звуками органовъ, ревомъ львовъ и пѣніемъ птицъ, поющихъ каждая сообразно своей породѣ, а всѣ звѣри снова поднимаются на своихъ ступенькахъ. Когда же чужестранецъ прослѣдуетъ за завѣсу, то органы перестаютъ играть, птицы пѣть, а звѣри садятся на своихъ мѣстахъ"[1].

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ Устава видно, что св. княгиня Ольга представившись царю, послѣ взаимныхъ привѣтствій, послѣ устроеннаго ей зрѣлища и выноса на показъ ея даровъ, которые она привезла съ собою, должна была прослѣдовать обратно изъ зала Магнавры съ поклономъ при звукахъ органовъ, ревѣ львовъ, и проч. Куда она прослѣдовала, и что затѣмъ совершилось, вполнѣ обстоятельно разъясняетъ дальнѣйшее описаніе пріема Ольги, которое мы прервали, чтобы

стѣнкѣ трона. Подъ словомъ "βαθμῶν" можно подразумѣвать и ступеньки трона, и базы, на которыхъ стояли фигуры животныхъ.

1) *De cerim.* I, 586-9. I-го января на св. Василія въ Магнаврѣ происходили церемоніи пріемовъ архонта Тара и болгарскихъ пословъ, повторявшихся ежегодно. Во время этихъ пріемовъ царь, однако, сидѣлъ не на тронѣ Салومона, а на особомъ тронѣ, приготовленномъ посреди зала Магнавры. *De cerim.* I. 136-9.

объяснить смыслъ ссылки на предыдущіе обряды. Ни у одного изъ нашихъ историковъ не принята въ соображеніе эта ссылка, вслѣдствіе чего въ изложеніи ихъ не только потерялся смыслъ пріема княгини Ольги въ Магнаврѣ, но и нарушилась полнота его.

II.

"Вышедши же опять черезъ самый Анадендрадій", продолжаетъ составитель Устава, "княгиня прослѣдовала черезъ Анадендрадій, залъ кандидатовъ и залъ, въ которомъ стоитъ камелавкій и происходятъ производства въ чинъ магистра, прошла черезъ Оноподъ въ Золотую Руку, или вестибулъ /портикъ/[1] Августея, и здѣсь сѣла. Послѣ того, какъ царь обычнымъ порядкомъ возвратился во внутренніе покои, / ἐν τῷ παλατίῳ / произошелъ другой /второй/ пріемъ /у императрицы/ слѣдующимъ образомъ. Въ залѣ Юстиніана стояла эстрада / πούλπιτον / покрытая шелковыми пурпурными тканями. На этой эстрадѣ стоялъ большой тронъ царя Өеофила, а сбоку - золотое царское кресло. Два серебрянныхъ органа двухъ партій

----

1) И здѣсь, какъ и ранѣе слова, заключенныя въ скобки обозначаютъ опущенныя для краткости выраженія самаго текста, или же подлинныя выраженія текста.

ипподрома стояли ниже за завѣсами, а духовые органы стояли передъ завѣсами. Княгиня /Ольга/ прослѣдовала изъ Августея черезъ Апсиду и внутренніе портики ипподрома, прилежащаго къ Августею и сѣла въ Скилѣ. /Между тѣмъ/ Императрица возсѣла на указанномъ тронѣ, а ея невѣстка заняла мѣсто на креслѣ; введенъ былъ весь кувуклій, а препозитъ и остіарій ввели по порядку чиновъ свиты /императрицы/. Первыя вошли Зосты, вторыя Магистриссы, третьи Патрикіи, четвертыя - Оффикаліи, пятыя - Протоспатариссы, 6 - остальныя Протоспатариссы, 7-я Спатариссы. Вслѣдъ затѣмъ препозитъ и два остіарія предоставили войти /въ залъ/ княгинѣ. Онъ шла, какъ и ранѣе, впереди въ сопровожденіи своихъ родственницъ княгинъ и наиболѣе важныхъ прислужницъ. Тогда произошелъ разговоръ отъ имени императрицы, при чемъ вопросы предлагалъ пропозитъ, /по окончаніи котораго/ княгиня прослѣдовала обратно изъ зала и сѣла въ Скилѣ. Царица, вставши съ трона удалилась черезъ Лавзіакъ въ Кенургій, а оттуда въ свою опочивальню. Княгиня /Ольга/ равнымъ образомъ со своими родственницами княгинями и прислужницами, пройдя черезъ Лавзіакъ, Трипетонъ, также вошла въ Кенурій и тамъ отдохнула /ἀνε-παύσατο / /сѣла отдыхать/. Послѣ этого царь /вошедши въ покои царицы/, сѣлъ вмѣстѣ съ царицей и багрянородными дѣтьми. Сюда приглашена была княгиня Ольга, которая, сѣвши по приглашенію /зову/

царя, бесѣдовала съ нимъ, о чемъ желала /ἐλάλησεν, ὅσα ἐβούλετο/.

Приведенное мѣсто представляетъ списаніе торжественнаго пріема княгини Ольги царицей въ залѣ Юстиніана Ринотмета, а затѣмъ болѣе интимнаго пріема въ средѣ царской фамиліи - семьи.

Залъ Юстиніана въ уставѣ часто называется "прекраснѣйшимъ", "самымъ блестящимъ", а продолжатель Өеофана называетъ его"удивительнымъ".[1] Императоръ Өеофилъ украсилъ этотъ залъ золотой мозаикой[2]. Мраморный полъ его имѣлъ порфировый кругъ, на который становился императоръ. Этотъ кругъ назывался "омфалій". По продольной оси пола находилось еще нѣсколько другихъ такихъ-же плитъ, на которыя становились чины двора[3]. Содержаніе мозаикъ зала Юстиніана осталось неизвѣстнымъ. Нѣтъ никакихъ данныхъ также для

---

1) Д. Ө. Бѣляевъ, *Byzantina* I, 56. У него приводятся свѣдѣнія объ украшеніи стѣнъ этого зала "разнообразными блестящими мраморами; потолокъ былъ украшенъ золоченою мозаикою. θαυμαστῷ τρικλίνῳ τοῦ Ἰουστινιανοῦ ῥινοτμήτου. Theoph. Cont. ed. Bonn. 458, 14

Этотъ залъ былъ построенъ Юстиніаномъ Безносымъ.

2) προσέτι δὲ μὴν καὶ τοῦ Ἰουστινιανοῦ, ἐκεῖνος (Θεόφιλος) ταῖς χρυσοειδέσι ψήφοις ἐκόσμησε. Theoph. cont. 147,9.

3) Д. Ө. Бѣляевъ, *Byzan.* I, 59.

того, чтобы возсоздать картину пріема Ольги во внутренних покоях царицы.[1] также точно данныя не изобилуют и относительно нѣкоторых других зал, по которым должна была прослѣдовать княгиня Ольга и в которых она ждала и отдыхала. Из послѣдовательности, в которой упоминаются Анадендрадій, зал кандидатов, Оноподъ, Августей, Скила, как в приведенном отрывкѣ, так и в описаніи пріемов Саракинских послов и во многих других мѣстах Устава, можно только судить о их смежности. Извѣстно также, что зал Кандидатов представлял собою большой зал Совѣта или Консисторій, а упоминаемый в нем камилавкій представлял собою балдахин или киворій, воздвигнутый на возвышенной эстрадѣ, на которую во время засѣданій для царя ставился трон. Трое дверей из слоновой кости вели в сосѣднія с ним залы. Августей представлял собою также тронный зал, в котором стояла статуя царицы св. Елены /Августы/. Скила или портик Августея было то помѣщеніе, недалеко от царских покоев, из котораго княгиня Ольга, уже одна, прошедши через зал Августея, имѣла возможность видѣть упрмянутую статую, и оттуда вошла в покои царицы[2]. В Лавзіакѣ упоми-

---

1) Д.Ѳ. Бѣляев, Byzan. I, 40.

2) Относительно всѣх этих помѣщеній и зал мы отсылаем читателя к указателям Лабарта и Бѣляева в приведенных ранѣе сочиненіях, а относительно Анадендрадія см. у Рейске примѣчанія во II томѣ De cerim. p.651. Трипетон встрѣтится далѣе.

наются волотыя мозаики[I]).

Гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія сохранились относительно Кенургія, въ которомъ отдыхала св. княгиня Ольга, и слѣдовательно могла видѣть его болѣе продолжительное время. Кенургій былъ построенъ императоромъ Василіемъ Македоняниномъ и украшенъ имъ со всею роскошью и царской пышностью. Кенургій собственно представляетъ собою отдѣльное дворцовое помѣщеніе со многими залами, но въ Уставѣ, въ данномъ описаніи имѣется въ виду тотъ дворецъ Кенургій, который описанъ внукомъ царя Василія, Константиномъ Багрянороднымъ, и котораго входъ въ царское помѣщеніе /китонъ/ украшенъ имъ фонтаномъ и мозаиками. Риторическое описаніе разбивается на двѣ части, въ которыхъ, можно думать описываются два разныхъ зала[2]). Первый залъ имѣлъ шестнадцать колоннъ изъ онихита и ѳессалійскаго мрамора. Тонкая рѣзьба покрывала колонны перваго ряда. Представлена была виноградная лоза, обвивавшаяся вокругъ колонны, а среди листьевъ, въ плетеніяхъ лозы видны были различныя изображенія животныхъ. Про-

---

I) Theoph. Contin. p. 14 p. Украшенъ ими еще Ѳеофиломъ
2) Theoph. contin. 331-5, Labarte Palais 78-9, Кондаковъ, Визант. церкви Констант. /Труды VI арх. съѣзда III/, стр. 58-59 Бѣляевъ Bizan. I, 40-I.

странство надъ колоннами и гемисферій /куполъ/ на восточной сторонѣ были украшены прекрасной мозаикой на золотомъ фонѣ. Здѣсь изображенъ былъ самъ строитель, окруженный своими полководцами и соратниками, подносившими ему въ видѣ даровъ покоренные города. На потолкѣ были представлены "геркулесовскіе"дѣла царя на пользу подданныхъ, военные подвиги, сдѣланные въ потѣ лица и данныя Богомъ побѣды.

Другой залъ, описанный подъ именемъ "китона" Кенургія, былъ украшенъ еще роскошнѣе. Полъ китона былъ украшенъ великолѣпной мозаикой. Въ серединѣ его былъ павлинъ въ кругломъ медальонѣ изъ карійскаго мрамора, отъ котораго шли лучи на подобіе звѣзды къ другому большему кругу. Этотъ послѣдній съ четырехъ сторонъ былъ ограниченъ полосами изъ зеленаго Ѳессалійскаго мрамора, похожими на четыре рѣки. Въ четырехъ углахъ пола были представлены орлы съ поднятыми крыльями, готовые какъ бы подняться и улетѣть. Нижняя часть стѣнъ была облицована разноцвѣтными стеклянными плитами, украшенными инкрустаціями въ формѣ различныхъ цвѣтовъ. Выше этой облицовки посредствомъ мелкой мозаической живописи на золотомъ фонѣ былъ изображенъ императоръ Василій съ супругой Евдоксіей въ царскихъ одѣяніяхъ, съ коронами на головахъ и сидящіе на тронѣ. По сторонамъ находились ихъ царственные дѣти, одѣтыя также въ царскіе столы и державшіе въ рукахъ, какъ женское такъ и мужское поколѣніе, книги священнаго закона,

ибо художникъ хотѣлъ показать, что та и другая отрасли царскаго дома одинаково получили наставленіе въ божественной премудрости. Эти изображенія находились на стѣнахъ, поднимающихся до самаго потолка, а самый потолокъ, блиставшій золотомъ, былъ украшенъ изображеніемъ побѣднаго креста, / νικοποιόν / сдѣланнаго изъ зеленаго стекла. Надписи вокругъ заключали моленія родителей за дѣтей и дѣтей за родителей.

По общему мнѣнію, именно, входъ къ этому китону украсилъ Константинъ Багрянородный фонтаномъ или фіалой съ серебрянной группой, представлявшей орла съ поднятой вверхъ головой, раздиравшаго ногами змѣю. Изъ клюва его билъ фонтанъ. Чаша фонтана была порфировая. Пропилеи эти онъ украсилъ также мозаической живописью, представлявшею различныя изображенія и орнаменты.[I)] Проходя черезъ рядъ этихъ залъ, св. княгиня Ольга сидѣла въ передней /вестибулѣ/ Августея, называвшейся Золотая Рука. Причина того, что Ольга со свитой была приглашена сюда не объясняется въ описаніи, но изъ главы, содержащей пріемъ Саракинскихъ пословъ, видно, что они, прослѣдовавши тѣмъ же путемъ какъ и Ольга въ Золотую Руку, ждали здѣсь съ опредѣленною цѣлью, которая тамъ и объясняется. Именно, саракинскіе послы сидѣли тамъ въ ожиданіи обратнаго шествія въ палаты царя, вышедшаго изъ зала Магнавры. Это обратное шествіе представляло особый обрядъ. Дѣйствительно, когда царь

I) Theoph. Cont. P. 451. c. 24.

проследовалъ въ свои покои, княгиня Ольга была отведена въ Скилу, гдѣ дожидалась пріема въ залѣ Юстиніана, а Саракинскіе послы были приглашены прямо въ залъ Юстиніана, но не для пріема, а для рекреаціи, куда имъ высланы были одежды для переодѣванія, чтобы присутствовать на царскомъ обѣдѣ, /I, 524-5/. Рекреація Ольгѣ и ея свитѣ была дана, очевидно, въ Кенургіи, гдѣ она сѣла отдыхать. Рекреація состояла въ томъ, что лицамъ предлагались умыванья, духи, новыя одежды для присутствованія за обѣдомъ.

Во внутренніе царскіе покои княгиня Ольга была приглашена одна безъ своей свиты. Во время этого пріема упоминается лишь самъ царь Константинъ Порфирородный, его супруга Елена /дочь Романа старшаго Лакапина/ и ихъ дѣти, подъ которыми надо разумѣть другихъ дѣтей Константина Порфиророднаго, кромѣ - Романа младшаго и его жены Θеофано, которыхъ не было при этой частной аудіенціи. Не упоминаются также соприсутствующіе царскимъ особамъ и посламъ чины двора. При такихъ обстоятельствахъ аудіенція, данная княгинѣ Ольгѣ въ царскихъ покояхъ, получаетъ особый интимный характеръ. Она бесѣдовала съ царемъ, очевидно, черезъ своего спеціальнаго переводчика, упомянутаго въ свитѣ, и это лицо - единственное, присутствіе котораго требуетъ строгое пониманіе пріема. Можно думать, что въ словахъ: "княгиня бесѣдовала съ царемъ,

о чемъ желала" - заключаетъ главнѣйшій моментъ пріема, и ихъ должно толковать не только въ смыслѣ простой бесѣды, а въ смыслѣ изложенія княгиней Ольгой важныхъ причинъ и цѣлей, приведшихъ ее въ Царьградъ. Но о содержаніи бесѣды княгини Ольги съ императоромъ Уставъ молчитъ, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ цѣли изложенія. Здѣсь Ольга уже не стояла, а была приглашена сѣсть самимъ императоромъ.

III.

"Въ тотъ же день", говорится далѣе въ Уставѣ, "въ залѣ Юстиніана, той же самой, гдѣ княгиня Ольга была принята царицей, происходилъ торжественный званый обѣдъ /κλητώριον/[1]. На указанномъ ранѣе тронѣ сѣли царица и ея невѣстка. Княгиня же стала сбоку. Послѣ того какъ "стольникъ" /ὁ τῆς τραπέζης/ ввелъ другихъ архонтиссъ /родственницъ княгини Ольги/ по обычному ритуалу, онѣ поклонились ницъ. Княгиня же только слегка наклонивъ голову, сѣла за отдѣльный столъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла /κατὰ τὸν τύπον/ вмѣстѣ съ востами. Слѣдуетъ указать, что пѣвчіе апостолиты и агіософиты присутствовали во время пира и пѣли царскія пѣсни /τὰ βασιλίκια/. Происходили также зрѣлища и игры шутовъ. Въ Золотой же Палатѣ между тѣмъ происходилъ другой почестной пиръ, где обѣдали всѣ послы /ἀποκρισιάριοι/ кня-

----
I) Собственно "почестной столъ" или "званый обѣдъ" отъ "κλῆσις", какъ безъ труда можно передать на русскій языкъ.

зей Россіи /τῶν ἀρχόντων Ρωσίας/, люди ихъ, родственники княгини Ольги и купцы. И анапсій /ὁ ἀνέψιος/ княгини Ольги получилъ 30 миліарисіевъ; родственники ея числомъ восемъ по 20 каждый; двадцать ея пословъ по 12; сорокъ три купца равнымъ образомъ по 12; священникъ /ὁ παπᾶς/ Григорій получилъ 8 миліарисіевъ, два переводчика по 12 каждый; люди Святослава /οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου/ по 15; люди пословъ числомъ шесть по 3, наконецъ, переводчикъ княгини Ольги получилъ 15 миліарисіевъ. Когда императоръ поднялся послѣ обѣда, то предложенъ былъ десертъ /δούλκιον = doulcium/ въ Аристиріи. Здѣсь стояла малая золотая трапеза/находившаяся обыкновенно въ Пентапиргіи /ἐν Πενταπυργίῳ/, а на ней предложенъ десертъ на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями. /За эту трапезу/ сѣлъ царь Константинъ Багрянородный и царь Романъ Багрянородный, ихъ Багрянородныя дѣти, невѣстка и княгиня Ольга. Княгинѣ поднесено было въ даръ золотое блюдо, украшенное драгоцѣнными камнями съ 500 миліарисіевъ, 6-ти ея свойственницамъ[1)] предложено по 20; восемнадцати ея прислужницамъ по 8".

Эта часть описанія пребыванія княгини Ольги во

---

1) ταῖς ἐξ ἰδίας р. 598 и ранѣе οἱ ἴδιοι αὐτῆς т.е. свойственники или родственники ея.

дворцахъ византійскихъ владыкъ чрезвычайно интересна по множеству отдѣльныхъ чертъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, въ которомъ описывается ритуалъ пира. Этотъ пиръ происходитъ въ описанномъ ранѣе залѣ Юстиніана. Цари и ея невѣстка сѣли вмѣстѣ на одномъ тронѣ царя Өеофила, а княгиня Ольга стала сбоку. По смыслу обряда, по даннымъ, которыя находятся въ послѣдующихъ описаніяхъ подобныхъ пировъ на весь годъ, слѣдуетъ заключать, что княгиня Ольга стала сбоку отъ трона Өеофила, и, такъ какъ далѣе говорится, что она сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, то изъ этого слѣдуетъ, что она по ритуалу стала за трапезой, находившейся сбоку отъ трона Өеофила, на которомъ сѣли обѣ царицы. Эта трапеза далѣе называется "отдѣльной" / ἀποκοπτὸν /, и часто упоминается въ различныхъ случаяхъ во время пировъ въ залѣ Юстиніана [I]. Въ залѣ Юстиніана, гдѣ приготовленъ былъ пиръ, княгиня Ольга вошла съ обѣими царицами изъ внут-

---

I) Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе "εἰς τὸ ἀποκοπτὸν относится въ данномъ случаѣ не къ самой трапезѣ, а къ ея расположенію отдѣльно и сбоку. Надо думать, что эта самая или подобная ей трапеза упоминается въ обрядахъ указываемыхъ Рейске, Софокломъ: 7. De cerim. 70, 95, 293, II; 531; Sophocles, Gloss 221; Рейске II, 168. τράπεζα ἀποκοπτή см. I. 762, I7; 769, 3 и др. въ описаніи пировъ въ залѣ Юстиніана.

ренних покоевъ, послѣ данной ей аудіенціи и послѣ приглашенія къ столу. Объ этомъ можно судить по тому обстоятельству, что въ описаніи аудіенціи въ покояхъ царицы не сказано, чтобы княгиня Ольга была отведена обратно и гдѣ нибудь ждала со своей свитой, а напротивъ, обрядъ застаетъ ее въ залѣ Юстиніана, одну съ царицами, безъ свиты занимающей свое мѣсто за отдѣльной трапезой, стоящей сбоку отъ трона Θеофила. Когда обѣ царицы заняли мѣстѣ на тронѣ, а княгиня Ольга стала на приготовленномъ ей мѣстѣ, стольникъ ввелъ свиту Ольги, но не всю, а лишь однѣхъ женщинъ, по ихъ чину и рангу, при чемъ онѣ привѣтствовали царицъ по обычному ритуалу паденіемъ ницъ, а княгиня, лишь слегка наклонивъ голову. Изъ послѣдовательности этого привѣтственнаго обряда слѣдуетъ, что княгиня Ольга не только не должна была кланяться ницъ, какъ казалось нѣкоторымъ изъ нашихъ историковъ, но къ ней не могло быть и не было предъявлено подобное требованіе по ея рангу и чину, и потому, что обрядъ застаетъ ее въ обѣденной залѣ вмѣстѣ съ царицами, а не входящей и представляющейся. Таким образомъ, легкое наклоненіе головы[1] въ сторону царицъ должно быть разсматриваемо какъ требованіе этикета или обряда передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, а не какъ эксцентричность

----

1) О наклоненіи головы см. De cerim. II, 63.

княгини Ольги, старавшейся, будто бы, такимъ дѣйствіемъ показать свое достоинство. Съ другой стороны, если княгиня Ольга стала сбоку отъ трона, за отдѣльной трапезой, а не сидѣла на тронѣ, какъ хотѣлось бы инымъ, то этому препятствовали тѣ же правила придворнаго этикета. Нигдѣ не извѣстно, чтобы византійскіе императоры сажали на свои царскіе троны иностранныхъ особъ[1]), а обрядъ подтверждаетъ это обстоятельство словами, что княгиня сѣла за трапезой по обычаю между Зостами, т.е. съ дамами перваго ранга. При описаніи того, какъ царицы и княгиня заняли свои мѣста, обрядъ не упоминаетъ никакихъ придворныхъ дамъ, но это потому, что самое появленіе царицъ должно было совершиться по общему обряду, т.е. чиновныя дамы царицъ должны были явиться вслѣдъ за тѣмъ, какъ онѣ заняли свои мѣста[2]). Зосты были ближайшія къ царицѣ придворныя дамы, ихъ спутни-

----

I) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ византійскіе императоры дозволяли сидѣть имъ на стульяхъ или креслахъ. Иногда послы требовали, чтобы ихъ сажали, а Боэмундъ Нормандскій даже поступилъ эксцентрично во время торжественнаго представленія: подостлалъ подъ себя свой плащъ и сѣлъ на него, чему послѣдовала его свита. Ничего подобнаго не было съ княгиней Ольгой. Ср. Рейске, Прим. къ De cerim. II, P. 75-76; 198-200. 700-I.

2) О приглашеніяхъ къ столу, о церемоніяхъ введенія чиновъ императрицы см. De cerim I, I, 9 p. 66-7; также р. 293-6; 703 сл.

цы и повѣренныя. Въ данное время, какъ полагаетъ Рейске, было двѣ Зосты: одна императрицы, другая ея невѣстки. Съ этими двумя дамами перваго ранга сѣла за столъ княгиня Ольга.

Такимъ образомъ изъ самаго обряда слѣдуетъ, что княгиня Ольга не должна была падать ницъ, такъ какъ Уставъ точно предписываетъ это дѣйствіе родственницамъ княгини, а ей самой - легкое наклоненіе головы. Изъ приведенныхъ указаній явствуетъ также, что свита княгини Ольги расположилась за другими столами, и не сидѣла вмѣстѣ съ зостами и княгиней Ольгой. Это въ свою очередь доказываетъ, что Ольгѣ дана была высшая честь, чѣмъ ея свитѣ, въ которой были ея родственницы - также княжеской крови. Изъ главы 52,I стр. 743-4, рисующей формальности царскихъ пировъ видно, что органы, стоявшіе въ залѣ Юстиніана служили къ подачѣ знаковъ садиться, вставать при самомъ обѣдѣ, при чемъ приглашаемымъ внушалось слѣдить за звуками органовъ, чтобы не нарушить правила пира и поступать сообразно общимъ требованіямъ пиршества. Кромѣ органовъ, слухъ пировавшихъ услаждали, какъ сказано въ Уставѣ, пѣвчіе изъ церкви св. Софіи и свв. Апостоловъ, пѣвшихъ царскія величанія. Кромѣ пѣвчихъ, однако, пиръ былъ осложненъ новой особенностью, которая нигдѣ въ Уставѣ подробно не описывается, но о которой дошли извѣстія разныхъ писателей. При царскихъ обѣдахъ упоминаются въ Уставѣ часто пляски партій димовъ вокругъ столовъ

/σάξιμον [1])/, и хороводы или танцы /χόρευσις/ для увеселенія императоровъ за обѣдомъ[2]). Во время пиршества, даннаго въ честь Ольги не упоминаются самостоятельно пляски танцы, но говорится, что представлены были всяческія игры шутовъ и зрѣлища /ἔπαιξαν δὲ καὶ θυμελικὰ πάντα παίγνια/. Нигдѣ въ Уставѣ не описываются эти скоморошьи игры, музыка, фокусы и пляски, но о нихъ оставилъ свидѣтельство упомянутый ранѣе Люитпрандъ, которому удалось видѣть все это также во время пира. Къ сожалѣнію, онъ отказался

отъ задачи описать всю программу видѣннаго имъ, а останавливается лишь на нѣкоторыхъ фокусахъ, которые его особенно поразили. Свидѣтельство Люитпранда тѣмъ болѣе важно, что его посольство состоялось въ эпоху, очень близкую ко времени пребыванія княгини св. Ольги въ Царьградѣ, и что одинъ изъ фокусовъ, описанный имъ изображенъ во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора. Онъ былъ посланъ къ императору Константину Багрянородному отъ царя Беренгара II въ 946 году[3]).Какъ наша св. Ольга, такъ и Люитпрандъ видѣли эти игры при дворѣ одного и того же императора и весьма возможно, что составъ игръ былъ одинъ и тотъ-же въ обоихъ

---

1) Бѣляевъ, Bizantina I, 31, гдѣ указаны мѣста устава говорящія о пляскахъ также.

2) De cerim. I, 781.

3) Соловьевъ, Русск. имп. I,145 относилъ къ 947 году

случаяхъ. Въ этомъ отношенiи фрески Кiево-Софiйскаго собора, возникшiя по всей вѣроятности, въ эпоху построенiя самаго собора, т.е. въ 1037 году, даютъ блестящее доказательство, что нѣкоторыя изъ гимнастическихъ упражненiй акробатовъ X вѣка перешли въ XI-й. Такими играми и зрѣлищами завѣдывали при дворѣ византiйскихъ императоровъ особые чины, которыхъ имена упоминаются въ Уставѣ. Это были "Доместикъ зрѣлищъ" /δομέστικος τῆς θυμέλης/ и "Архонтъ зрѣлищъ". Такiя игры и зрѣлища давались особенно по поводу прибытiя иностранныхъ пословъ, и во время обѣда саракинскихъ пословъ и двухъ Тарситовъ были представлены тѣ же игры, какъ и во время обѣда Ольги и ея свиты. Для обозначенiя этихъ игръ въ описанiи обѣда первыхъ /I,592/ повторено буквально то же выраженiе, что и въ описанiи обѣда вторыхъ, приведенное выше. Изъ различныхъ извѣстiй историковъ и отцовъ церкви узнаемъ, что эти игры заключали различныя представленiя 1) актеровъ - мимовъ, 2) музыкантовъ и 3) акробатовъ. Можно думать, поэтому, что извѣстiе Люитпранда, затѣмъ фрески Кiево-Софiйскаго собора и многочисленныя изображенiя подобныхъ игръ въ византiйскихъ рукописяхъ, въ высшей степени правдиво рисуютъ развлеченiя византiйскаго двора, предлагавшiяся иностраннымъ особамъ[1]. Вотъ

----

1) Рейске даетъ прекрасное примѣчанiе къ ἄρχοντης

что говоритъ о видѣнномъ Люитпрандъ:" Игры, которыя я тамъ видѣлъ, было бы долго описывать, но не лишнимъ считаю разсказать объ одной изъ нихъ, возбудившей мое удивленіе. Вошелъ нѣкій человѣкъ, неся на лбу своемъ шестъ вышиной въ 24, а то и болѣе шаговъ, безъ всякой поддержки руками. Шестъ имѣлъ вверху кубокъ, а на лбу опрокинутый другой двойной кубокъ. Приведены были два обнаженныхъ мальчика, но въ обуви, которые полѣзли по шесту и такъ на немъ сидѣли, какъ будто онъ впрямь утвержденъ былъ на землѣ. Затѣмъ, когда спустился первый, второй, который оставался внизу, одинъ выдѣлывалъ разныя штуки, чѣмъ повергъ меня еще въ большее изумленіе. Какое бы положеніе они не принимали и на какомъ бы мѣстѣ шеста не находились, всегда управляли они этимъ шестомъ, по которому поднимались. А одинъ изъ нихъ, оставшійся на верху шеста, такъ удивительно сохранялъ равновѣсіе, что представивъ /свои фигуры/, слѣзъ невредимо на землю, и въ такое привелъ меня изумленіе, что оно не укрылось отъ самого императора. Обратившись ко мнѣ черезъ переводчика, онъ спросилъ: "Кто болѣе меня удивляетъ - мальчикъ ли, который такъ умѣренно дѣйствовалъ, что шестъ оставался неподвиж-

---

θυμέλης II, 363 сл. Подробно объ этихъ играхъ въ русско-визант. быту см. у А.Н. Веселовскаго, Розыск. въ области русскаго духовнаго стиха. VIII Айналовъ и Рѣдинъ, Кіево-Соф. соборъ., 102-133.

нымъ, или тотъ, который, съ такимъ умѣніемъ удерживалъ шестъ, что ни тяжесть мальчиковъ, ни ихъ дѣйствія нисколько его не утомили . Такъ какъ я не зналъ, что именно меня болѣе удивило, и сказалъ объ этомъ, то онъ съ большимъ смѣхомъ сказалъ, что и онъ не знаетъ". Въ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора изображенъ Геркулесъ, поддерживающій за затылкомъ высокій шестъ, по которому взбирается вверхъ мальчикъ, и на верху котораго находится сосудъ. Въ одной миніатюрѣ Евангелія Гелатскаго монастыря представленъ просто столбъ, по которому взбираются вверхъ двое мальчиковъ.[1)]

Во фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора находятся и другія изображенія изъ того же цикла: 1) выходъ двухъ бойцовъ, стоящихъ другъ противъ друга со сжатыми кулаками и 2) сложная композиція, представляющая пляску подъ звуки музыки. Послѣдняя сцена любопытна тѣмъ, что пляска скомороховъ, изображенныхъ здѣсь, происходитъ внутри палатъ, так какъ изображенъ потолокъ. Музыканты играютъ на струнныхъ, духовыхъ и ударныхъ инструментахъ.[2)]

---

1) Н.П. Кондаковъ. Ист. виз. лек. 240.

2) Болѣе подробное описаніе этой композиціи предложено въ книг Кіево-Соф. соборъ, стр. 118. Здѣсь же указаны и аналогіи. Болѣе подробное изложеніе вопроса объ играхъ и музыкѣ при византійскомъ дворѣ и указаніе на музыкальные инструменты будутъ предложены въ моей статьѣ, готовящейся къ печати: "Исторія музыки въ среднія вѣка въ Византіи".

Въ то время, какъ происходилъ пиръ, такимъ образомъ, въ залѣ Юстиніана, въ золотой палатѣ, или Хризотриклинѣ, обѣдалъ Императоръ въ сообществѣ съ родственниками княгини Ольги и остальной ея свиты. Крайній интересъ представляетъ точное указаніе лицъ ея свиты. Изъ перечня денежныхъ даровъ, которые были розданы членамъ свиты явствуетъ, что Ольга прибыла во дворецъ, имѣя съ собою 20 человѣкъ отъ русскихъ князей. Эти послы въ текстѣ называются "апокрисіаріями" - терминъ, соотвѣтствующій русскому "поклисарь" съ глоссой на поляхъ "посолъ" въ повѣсти о Дракулѣ [1]. Кромѣ того родственниковъ княгини было 8 человѣкъ. Девятый, очевидно, наиболѣе важный родственникъ ея, названный въ текстѣ два раза "анепсій", упоминается каждый разъ отдѣльно и ранѣе указанныхъ 8 родственниковъ. Кто такой былъ этотъ "анепсій"? По общепринятой терминологіи - это долженъ быть племянникъ княгини Ольги, съ другой стороны это могъ быть и вообще родственникъ [2] и двоюродный братъ [3]. Уставъ не назы-

---

1) Ө. И. Буслаевъ, Историч. Хрест., стр. 212, прим. I.

2) Племянникомъ называетъ его и Карамзинъ Ист. Гос. Росс I., но не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ его имени. Въ Никоновск. лѣтописи 87, -"братній сынъ" : "Царь убо Михаилъ послушавъ его, анепсія своего, сирѣчь братня сына" и проч. См. Du Cange, Gloss. graecit. ἀνεψιός = consobrinus. Fr. Passow, Handwortebuch d. griech. sprache; ἀνεψιός = Geschwestersohn, Vetter. въ лѣтописяхъ нѣтъ лица, которое соотвѣтствовало бы этому тер-

ваетъ по именамъ этихъ родственниковъ княгини Ольги, обозначая ихъ словами "ἴδιοι" и "συγγενεῖς". Лишь одно имя князя Святослава упрмянуто по поводу награды, полученной его людьми /"ἄνθρωποι Σφενδοσθλάβου" /. Во всякомъ случаѣ, мужская свита Ольги представляла, очевидно, настолько знатную среду, что императоръ обѣдалъ вмѣстѣ со свитой, а не съ Ольгой. Золотая палата, въ которой происходилъ обѣдъ императора съ мужской свитой Ольги также была одна изъ знаменитыхъ залъ дворца. Она имѣла купольный верхъ, покрытый стеклами, черезъ который проникалъ въ нее свѣтъ. Восемь глубокихъ нишъ, обставленныхъ колоннами изъ дорогого мрамора, шли по стѣнамъ. Внутри однѣхъ находились золотыя сѣдалища, другіе представляли выходы въ сосѣднія залы и были завѣшаны дорогими завѣсами, украшенными изображеніями птицъ, животныхъ и разными орнаментами. Въ восточной нишѣ находился образъ Спасителя, подъ которымъ стоялъ императорскій тронъ. Самъ Константинъ Багрянородный возобновилъ великолѣпный мозаическій полъ Золотой палаты. Онъ сочинилъ для него рисунокъ. Полъ былъ выложенъ изъ разноцвѣтнаго мрамора и окруженъ со всѣхъ сторонъ серебряной каймой[4]. Всѣ

мину родства съ княгиней Ольгой.

3) Братъ или родственникъ Ольги Янъ изъ Пскова извѣстенъ въ легендарной исторіи объ упорядоченіи города Углича.

4) Theoph. Contin. p. 456 /ed. Bonn./.

ниши были также украшены мозаической живописью. Полилихній, или люстра висѣла подъ куполомъ для вечерняго освѣщенія. Судя по описаніямъ обѣдовъ въ Золотой Палатѣ, во время пира, даннаго въ честь пословъ русскихъ, императоръ сидѣлъ подъ куполомъ, въ центрѣ зала за особой трапезой[1], а свита княгини Ольги расположилась за столомъ, а можетъ быть и за нѣсколькими столами, поставленными въ залѣ.

По окончаніи обѣда въ обѣихъ палатахъ десертъ былъ поданъ въ роскошной столовой /Аристиріи/, богато украшенной мозаикою и мраморами: "Аристирій", говоритъ продолжатель хроники Ѳеофана, " имѣетъ стѣны украшенныя блестящимъ Виѳинскимъ мраморомъ, а полъ составленъ изъ блестящей разноцвѣтной мозаики-камешковъ различнаго цвѣта"[2]. "Царь Константинъ Багрянородный, большойлюбитель художества, приказалъ для украшенія столовой сдѣлать серебряный столъ /трапезу/ по своимъ рисункамъ и мыслямъ, украсивши его разноцвѣтной эмалью и инкрустаціями и придавши ему цвѣта багряные, родственные ему по рожденію, для того, чтобы приглашенные за столъ могли наслаждаться не только сладостію десерта, но и красотою стола"[3]. Въ Аристиріи обыкновенно давались обѣды небольшому числу близкихъ и избранныхъ особъ, или же родственниковъ.[4]

I) Бѣляевъ, Byz. I, 28 - 29.

2) Theoph. Contin. ed. Bonn. p. 145, 10.

3) Ibid. 450-I.

4) Бѣляевъ, Byz. I, 28, прим. 3.

Для десерта въ Аристирій была принесена изъ Пентапиргія, т.е. хранилища въ видѣ пятибашеннаго сооруженія[1] малая золотая трапеза, которая тамъ обыкновенно хранилась на ряду съ другими драгоцѣнностями. За эту золотую малую трапезу, на которой стоялъ приготовленный десертъ, разложенный въ золотыхъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями сосудахъ, сѣли слѣдующія особы: цари Константинъ и Романъ Багрянородные, ихъ багрянородныя дѣти, жена Романа и княгиня Ольга. Императрица отсуствовала по неизвѣстной причинѣ. Такимъ образомъ, и за десертомъ княгинѣ Ольгѣ была оказана высокая честь сидѣть за столомъ въ присутствіи царей и рядомъ съ ними. За десертомъ не упоминаются члены свиты Ольги. Очевидно, они не были приглашены къ нему. Послѣ десерта Ольгѣ поднесенъ былъ денежный даръ въ 500 миліарисій на золотомъ, украшенномъ драгоцѣнными камнями блюдѣ. Такой же даръ въ 500 миліарисій получили каждый изъ двухъ саракинскихъ пословъ[2].

Таковъ былъ первый пріемъ св. княгини Ольги при византійскомъ дворѣ. Вторично она была во дворцѣ 18-го октября въ Воскресеніе, при чемъ Уставъ не упоминаетъ о томъ, была ли она принята царемъ не.

---

1) О Пентапиргіи см. примѣчанія Рейске II, I I, 683-5.

2) Первый разъ саракинскіе послы получили по 500 миліарисій на золотыхъ блюдахъ, второй разъ на серебряныхъ также по 500, а Ольга второй разъ получила 200.

аудіенціи, а кратко описываетъ обѣдъ въ двухъ торже-
ственныхъ залахъ дворца[1].

Вотъ описаніе этого обѣда. "Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ 18 день, въ воскресеніе данъ былъ царскій обѣдъ въ Золотой Палатѣ, гдѣ императоръ обѣдалъ съ русскими /μετὰ τῶν Ῥῶς /, а другой столъ происходилъ въ

---

1) Вѣроятно, и этотъ обѣдъ состоялся послѣ торжественнаго пріема, такъ какъ нѣтъ данныхъ предполагать, чтобы Ольга со свитой была приглашена къ столу просто для почета, какъ лицо, проживавшее въ Константинополѣ. Такія лица иностранныхъ державъ приглашались къ столу въ теченіи цѣлаго года по указаніямъ императора. Однако, торжественность этого второго пріема, хотя и меньшая, чѣмъ въ первомъ случаѣ, присутствіе всей свиты княгини Ольги какъ мужской, такъ и женской, дары всей свитѣ, доказываетъ, что обѣдъ былъ спеціально данъ въ честь посольства Ольги, и что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ предполагать опущенные Уставомъ для краткости пріемы и аудіенцію аналогичныя съ первыми. На счетъ вторичнаго пріема саракинскихъ пословъ мы можемъ сказать съ точностью, что они требовали его. Въ виду же того обстоятельства, что описанія пріемовъ Ольги заканчиваются описаніемъ указаннаго обѣда съ раздачею денежныхъ подарковъ можно думать, что это былъ послѣдній прощальный пріемъ предъ отъѣздомъ княгини Ольги изъ Царьграда.-

Пентакувуклiи св.Павла.И сѣла царица съ ея парфирородными дѣтьми, съ невѣсткой и княгиней Ольгой и данъ былъ княгинѣ даръ въ 200 милiарисiй, ея анепсiю - 20, попу Григорiю - 8, семнадцати ея свойственницамъ по 12, 18 прислужницамъ - по 6, 22 посламъ по 12, 44 купцамъ - по 6, и двумъ переводчикамъ по 12".

Пентакувуклiй св. Павла, въ которомъ вторично обѣдала княгиня св. Ольга былъ построенъ Василiемъ Македоняниномъ и представлялъ огромный /μέγιστος τρίκλινος / залъ, украшенный всяческой красотой и великолѣпiемъ[1] Къ нему примыкалъ храмъ апостола Павла /τοῦ ἀϑλοφόρου Παύλου/ названный описателемъ "изящнымъ" /„περικαλλές" /. Формальности придворнаго этикета, очевидно, на этотъ разъ были иныя, чѣмъ раньше, такъ какъ въ описанiи составителемъ отмѣчены отклоненiя. Одно изъ подобныхъ отклоненiй указано. Оно состояло въ томъ, что съ царицей обѣдали ея порфирородныя дѣти, которыхъ Ольга впервые увидала во внутреннихъ покояхъ царицы. О другихъ можно догадываться по точному смыслу выраженiй. Оно касается размѣщенiя царскихъ особъ за столомъ. Царица, сказано здѣсь, сѣла /за столъ/ вмѣстѣ / μετά / съ дѣтьми, невѣсткой и княгиней. Во время этого послѣдняго обѣда, слѣдовательно, Ольга сидѣла за однимъ столомъ въ обществѣ императорской семьи, а не за отдѣльной трапезой съ зо-

----

1) Theoph. Contin. p. 335. Н.П. Кондаковъ, Виз. ц. 59.

стами. Третье отличіе заключается въ меньшемъ количествѣ даровъ, въ отсутствіи спеціальнаго переводчика княгини Ольги, въ отсутствіи людей Святослава, въ присутствіи двухъ новыхъ пословъ, такъ какъ во второй разъ ихъ было уже 24 и въ появленіи одного новаго купца.

IУ. Заключеніе.

Наблюдая тонкости этикета, съ которыми была принимаема Ольга, нельзя не указать на тотъ фактъ, что она была приглашена сѣсть въ присутствіи императора, императрицы и ихъ дѣтей всего одинъ разъ во время частной аудіенціи въ покоѣ китонѣ царицы. Во время десерта, когда княгиня Ольга должна была сѣсть за золотую малую трапезу также въ присутствіи всей императорской семьи, царица по неизвѣстной причинѣ отсутствовала. Наконецъ, въ послѣдній разъ Ольга садится за столъ при отсутствующемъ императорѣ, но въ кругу царской семьи за однимъ столомъ. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленія византійскаго двора поставить извѣстную границу между богоравными императорами и чужестранкой княгиней. Однако, въ сравненіи съ пріемами саракинскихъ пословъ, пріемы, оказанные княгинѣ Ольгѣ отличаются чрезвычайно важными особенностями. Княгинѣ Ольгѣ была оказана такая честь, по сравненію съ которой пышность и блескъ пріемовъ саракинскихъ пословъ являются чисто оффиціальны-

Ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ въ интимномъ кругу императора, царицы, невѣстки ея и царскихъ дѣтей. Ихъ принимали только Константинъ и Романъ. Кромѣ того въ пріемахъ саракинскихъ пословъ ни разу не упоминается о десертѣ, за которымъ бы объединилось царское семейство и императоры, невѣстка и дѣти сидѣли бы за одной трапезой такъ, какъ съ княгиней Ольгой. Требуя вторичнаго пріема саракинскіе послы черезъ нѣсколько дней послѣ перваго пріема были вторично приняты и изложили свое дѣло[1] стоя передъ трономъ царя, между тѣмъ какъ княгиня Ольга для изложенія своихъ дѣлъ была приглашена во внутренніе покои царицы.

Во время перваго пріема все посольство Ольги состояло изъ 108 человѣкъ, не считая людей Святослава, число которыхъ не указано. Во время второго - изъ 106 человѣкъ. Это была лишь та свита, которая была допущена во дворецъ для представительства, изъ чего слѣдуетъ, что Ольга должна была имѣть значительный экипажъ на своихъ судахъ.

Во время обоихъ пріемовъ въ свитѣ княгини Ольги упоминается попъ Григорій, - данное, подтверждаемое и нашей лѣтописью въ словахъ: " бѣ бо имущи презвутеръ". Такимъ образомъ, какъ въ Константинопо-

---

1) „συνέτυχον μετὰ τοῦ βασιλέως ὅσα ἐβούλοντο". De Cerim. p. 588.5 Выраженіе аналогичное тому, которое употреблено и при указаніи дѣлового характера бесѣды царя съ княгиней Ольгой.

лѣ, такъ и въ Кіевѣ Ольга имѣетъ при себѣ священника. Священникъ Григорій лицо неизвѣстное исторіи, равно какъ и племянникъ Ольги. Наша лѣтопись наравнѣ съ нѣкоторыми византійскими источниками утверждаетъ, что княгиня Ольга приняла христіанство въ Константинополѣ и была наставляема въ вѣрѣ самимъ патріархомъ. Въ Уставѣ упоминаются παπάδες τοῦ πατριάρχου /I, 761/. "παπᾶς Γρηγόριος" могъ быть однимъ изъ числа ихъ. Что этотъ попъ Григорій состоялъ, именно, при особѣ Ольги, а не при ея свитѣ, само собою вытекаетъ изъ того обстоятельства, что если бы княгиня Ольга была ярая язычница, то въ свитѣ ея нельзя было бы ожидать присутствія священника.

Въ Уставѣ нигдѣ не сказано, чтобы св. Ольга посѣтила какію либо церковь при дворѣ, не смотря на то, что подробно перечисляются всѣ выходы ея въ другія залы дворца. Церковь св. Павла упомянута лишь для опредѣленія зала, въ которомъ происходилъ обѣдъ, такъ какъ этотъ залъ носитъ названіе упомянутой церкви. Однако, отсутствіе этихъ данныхъ въ обрядѣ еще ничего не доказываетъ, такъ какъ въ немъ ничего не говорится и о выходахъ въ церкви императора, которые тѣмъ не менѣе всегда происходили въ назначенное время каждаго дня, какъ это явствуетъ изъ обрядовъ ежедневныхъ выходовъ царя.

Русскій паломникъ Антоній, архіепископъ Новгородскій видѣлъ въ ризницѣ церкви св. Софіи "блюдо велико злато" служебное, "Ольгы русской, когда взяла дань, ходивше Царюгороду"... "Въ блюдѣ же Олжинѣ камень драгый, на томъ же камени написанъ Христосъ, и отъ того камени емлютъ печати людіе на все добро, у того же блюда по верхови жемчугомъ учинено"[I]. Блюдо это, слѣдовательно, было украшено жемчугомъ, а въ серединѣ имѣло рѣзное на камнѣ изображеніе Христа. Служебнымъ это блюдо названо потому, что оно наряду съ другими такими же блюдами употреблялось во время церковныхъ службъ, какъ объ этомъ говоритъ далѣе Антоній: "Ту есть въ алтарѣ... и иныхъ служебныхъ золотыхъ блюдъ съ каменіемъ драгимъ и зъ жемчугомъ, и серебряныхъ множество разноличныхъ, яже износятъ на службу во всяку недѣлю и въ господьскіе праздники". Въ виду того обстоятельства, что обрядъ поднесенія дара церкви императоромъ обставленъ былъ различными процессіями и особенностями обрядовой стороны, можно думать, что и даръ княгини Ольги принесенъ ею лично при соблюденіи опредѣленныхъ правилъ, сопряженныхъ съ выходомъ

I) П. Савваитова, Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія. Изд. Археогр. Коммит. С.П.Б. 1872,59-8.

ея въ церковь св. Софіи. Слѣдуетъ вспомнить также и о томъ, что св. Ольга долго прожила въ Константинополѣ и, слѣдовательно, должна была видѣть достопримѣчательности его, которыя охотно показывались иностранцамъ, какъ это слѣдуетъ изъ указаній нашей лѣтописи относительно пословъ Олега, а затѣмъ пословъ Владиміра и путешествія Антонія Новгородскаго. Изъ далѣе сдѣланнаго мною очерка памятниковъ Константинополя въ X вѣкѣ можно представить себѣ, что, именно, должна была видѣть и могла видѣть княгиня Ольга въ Царьградѣ Внѣ всякаго сомнѣнія такія мѣста какъ церковь св. Мамонта, гдѣ жила обыкновенно Русь, и памятники языческіе и христіанскіе этихъ мѣсть также видѣла св. княгиня Ольга.

Недавно Н.П. Кондаковъ издалъ интересную миніатюру, представляющую княгиню св. Ольгу во время пріема ея императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ. Эта миніатюра представляетъ одну изъ нѣсколькихъ картинокъ, иллюстрирующихъ событія изъ древней русской исторіи рукописи Іоанна Скилицы Куропалата въ Мадридѣ. Св. Ольга стоитъ передъ императоромъ, рядомъ съ переводчикомъ или логоѳетомъ[1]. Императоръ Константинъ Багрянород-

---

1) Обращаетъ на себя вниманіе то, что костюмъ фигуры, стоящей рядомъ съ Ольгой тотъ же самый, что и у людей свиты. Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе, что эта фигура представляетъ особу изъ свитскихъ княгини Ольги.

ный въ высокой и широкой стеммѣ, соотвѣтствующей по всей вѣроятности большой стеммѣ Устава /μέγα στέμμα/, въ хламидѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ сидитъ на царскомъ тронѣ. Это обыкновенный тронъ безъ спинки, а не тронъ Соломоновъ зала Магнавры. Сзади княгини Ольги стоитъ ея мужская свита въ видѣ толпы людей со сложенными на груди накрестъ руками. Лѣвая рука Императора лежитъ у него на груди. Дѣйствіе происходитъ внутри дворца, представленнаго въ разрѣзѣ, съ крышей, колоннами внутри, сводами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ крышей, башнями, св двумя входами внѣшними и съ балкономъ. 2) Надъ княгиней Ольгой надпись "Ὄλγα". Въ текстѣ надъ миніатюрой она названа "Ἔλγα", какъ и въ Уставѣ. Она одѣта въ хламиду, затсегнутую на правомъ плечѣ. Чрезвычайную близость къ описанной миніатюрѣ обнаруживаетъ извѣстная фреска лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Здѣсь также представленъ императоръ на тронѣ безъ спинки, въ нимбѣ, въ широкой стеммѣ и хламидѣ. Передъ императоромъ стоитъ женская фигура, а за ней наполовину видна муж-

---

I) О способѣ представленія дворцовъ см. мое сочиненіе. Эллинистическія основы виз. искусства, стр. 150.

ская. Потолокъ зала, въ которомъ происходитъ пріемъ, раздѣленъ на кассеты. Двѣ колонны по сторонамъ и сводъ соотвѣтствуютъ колоннамъ и сводамъ на миніатюрѣ Мадридской рукописи. Въ слѣдующемъ отдѣленіи, украшенномъ висящими тканями и завѣсами, представлена толпа, соотвѣтствующая свитѣ княгини Ольги на миніатюрѣ. Повторяются головные уборы, подпоясанныя одежды, сложенныя на груди руки. Внизу квадрата съ изображеніемъ императора находится любопытная сцена приглашенія свиты въ залъ по знаку, который даетъ церемоніарій съ жезломъ въ рукѣ. Этотъ жезлъ называется въ Уставѣ золотымъ. Свита, размѣстившаяся въ извѣстномъ порядкѣ, стоитъ слѣва. Въ красномъ квадратѣ справа, подъ сводомъ, между двухъ колоннъ, представляющихъ, очевидно, одну изъ аркадъ какого то портика, изображены три фигуры. Въ углу надъ колонной, справа, находится изображеніе херувима, и мѣсто дѣйствія, такимъ образомъ, переносится въ храмъ. Ниже въ послѣднемъ квадратѣ, находится окно, въ которое глядитъ какая то фигура. Отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій относительно содержанія разобранной фрески, не дозволяетъ сдѣлать опредѣленнаго заключенія относительно особы, принимаемой императоромъ. Однако, сходство Мадридской миніатюры и фрески требуютъ сопоставленія памятниковъ[1]. Уже Карамзинъ дѣлалъ остроумное замѣ-

---

1) Объясненіе фрески, предложенное въ сочиненіи Айналова и Рѣдина, "Кіево-Софійскій соборъ", 128 ст., не можетъ считаться вѣрнымъ въ виду близкой аналогіи этой фрески и миніатюрой.

чаніе, что лѣтописецъ, описывая пребываніе княгини св. Ольги въ Царьградѣ, могъ имѣть въ виду какую либо икону, представлявшую княгиню Ольгу, стоящей передъ патріархомъ, такъ какъ выраженіе его: "она же /Ольга/, поклонивши главу, стояше, акы губа напаяема, внимающи ученію", напоминаетъ живописныя изображенія. Дѣйствительно, поза Ольги со скрещенными руками на груди, стоящей передъ императоромъ, подтверждаетъ это. Лѣтописцу могли быть извѣстны такія изображенія, какія встрѣчаются въ рукописи Скилицы Куропалата или во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора. Но эти памятники, сами по себѣ - копіи и заставляютъ предполагать болѣе ранніе оригиналы. Такъ, полагаетъ Н.П. Кондаковъ относительно нѣкоторыхъ миніатюръ Мадридской рукописи. Появленіе аналогичныхъ сюжетовъ въ росписяхъ стѣнъ, лѣстницъ также предполагаетъ копированіе болѣе раннихъ оригиналовъ.

Ни въ Уставѣ, ни въ нашей Лѣтописи мы не[x] встрѣчаемъ такихъ чертъ и данныхъ, которыя указали бы на какое либо нарушеніе правилъ почетнаго пріема княгини Ольги при дворѣ Константина и Романа Багрянороднаго. Это тѣмъ болѣе важно, что такія отклоненія дѣйствительно бывали съ нѣкоторыми иностранными посольствами. Робертъ Нормандскій не пожелалъ стоять передъ царемъ во время торжественнаго пріема и, снявши съ себя плащъ, бросилъ его

на полъ и сѣлъ на него, что повторила и свита его. Другіе требовали сѣдалищъ. Чрезвычайно грубо былъ принятъ упомянутый ранѣе Люитпрандъ при дворѣ Никифора Фоки. Ничего подобнаго не было съ княгиней Ольгой. Въ Уставѣ мы находимъ цѣлый рядъ фактовъ, которые блестяще подтверждаютъ извѣстіе Лѣтописей о чести, оказанной Ольгѣ въ Царьградѣ. У Іоанна Скилицы также сказано, что княгиня Ольга была "достойнымъ образомъ почтена" императоромъ, послѣ чего возвратилась въ Кіевъ /ἀξίως τιμηθεῖσα /. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что лѣтописи наши, вполнѣ находя почетнымъ для Ольги ея пребываніе въ Царьградѣ и во дворцѣ, отмѣчаютъ другой фактъ, непріятно подѣйствовавшій на самолюбіе Великой русской княгини: она долго ждала въ Судѣ на своихъ корабляхъ, прежде чѣмъ ступила на ту почву, которую еще такъ недавно попирали дружины ея свекра и ея мужа. Въ Новгородской лѣтописи находятся любопытныя добавленія сравнительно съ краткимъ текстомъ Лаврентьевской лѣтописи о прибытіи княгини Ольги въ Царьградъ: "Иде Ольга въ Греки и пріиде Царюграду... они уже /т.е. Греки/ повѣдаша царю приходъ ея; і абіе царь возва ю къ себѣ, она же иде къ нему ничтоже мѣдлящи". Въ этихъ словахъ находится указаніе о предувѣдомленіи царя относительно пріѣзда княгини Ольги и о согласіи царя видѣть ее у себя. Въ главѣ, посвященной

описанію встрѣчи пословъ еще за предѣлами государства, о разспросахъ цѣлей ихъ посольства и пріемахъ, назначавшихся по прибытии ихъ въ Царьградъ, находятся разъясненія болѣе точныя, относящіяся къ приведенному мѣсту лѣтописи. По смыслу Устава порядокъ прибытія Ольги въ Царьградъ и появленія ея при дворѣ долженъ былъ въ общихъ чертахъ походить на тотъ, который описываетъ Лѣтопись. Быть можетъ и справедливо господствующее мнѣніе, что Ольгѣ пришлось долгое время прождать въ виду Константинополя, благодаря подозрительности византійскаго двора и его боязни. Уставъ, перечисляя свиту Ольги, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что Ольга появилась передъ Константинополемъ съ значительнымъ флотомъ.

Такимъ образомъ наша старина X вѣка не такъ ужъ бѣдна интересными эпизодами и фактами культурной жизни. Княгиня св. Ольга привезла съ собою изъ Царьграда не только роскошные дары, но и огромный запасъ видѣннаго и слышаннаго. Такія пышныя поѣздки должны были имѣть огромное значеніе для тогдашней Руси въ особенности по своимъ культурнымъ послѣдствіямъ. Великолѣпіе Царьграда, его волшебные дворцы, различныя статуи, стоявшія на площадяхъ, его святыни и церкви, кончая той, близъ которой должна была по договорамъ жить Русь, т.е. "у св. Мамы", церкви обставленной различными статуями античной древности, наконецъ, различныя хитрости Царьграда, были хорошо

извѣстны тогдашней Руси.

Припомнимъ, какъ внукъ Ольги, Владиміръ, воспитывавшійся подъ надзоромъ Ольги вмѣстѣ со своими братьями Ярополкомъ и Олегомъ, старался объ украшеніи стольнаго города Кіева. Онъ поставилъ въ немъ, подражая греческимъ городамъ, "двѣ капили мѣдяны и 4 кони мѣдяны", вывезенные для этой цѣли изъ Корсуни. Ярославъ строитъ церковъ св. Софіи и Золотыя ворота, подражая Цареградскимъ монументальнымъ сооруженіямъ.

Однако, для того, чтобы представить себѣ все значеніе культурныхъ заимствованій изъ Византіи, необходимо подробно остановиться на состояніи Кіева въ эту раннюю эпоху его существованія.

Драгоцѣнныя свѣдѣнія на этотъ счетъ сохранились въ нашихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ. Эти данныя въ свою очередь дополняются памятниками искусства.

О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ въ Византіи.

Въ придворномъ Уставѣ византійскаго двора, въ 15 главѣ второй книги, два раза подробно перечисляются денежныя подношенія княгинѣ Ольгѣ и ея свитѣ. Эти подношенія не совсѣмъ правильно принимаются въ нашей наукѣ за д а р ы въ собственномъ смыслѣ слова Начальная лѣтопись, между тѣмъ, дѣйствительно говоритъ о многихъ дарахъ, полученныхъ княгиней Ольгой: "и дастъ ей /Царь/ дары многы, злато и серебро, паволокы и съсуды разноличные и отпусти ю" /подъ 955 годомъ Лавр. Л./. Въ первый пріемъ княгиня Ольга получила на золотомъ блюдцѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями 500 миліарисіевъ; въ описаніи второго пріема не указано, какъ поднесены были ей 200 миліарисіевъ, а говорится, что ей была дана, или выдана эта сумма /ἐδόθη /. Золотое блюдце - существенный предметъ, который можно было бы сопоставить съ "сосудами разноличными" нашей лѣтописи, но такъ какъ лѣтописецъ описываетъ еще и другіе предметы, то является вопросъ, не есть ли лѣтописное перечисленіе даровъ преувеличенная легендарная подробность, относящаяся къ числу тѣхъ несомнѣнно легендарныхъ примѣсей, которыя на лицо въ нашихъ лѣтописяхъ.

Соловьевъ склоненъ былъ считать извѣстія лѣтописей о дарахъ за преувеличенія, и пришелъ къ такому заключенію, сопоставивъ лѣтописный перечень даровъ

княгинѣ Ольгѣ съ данными Придворнаго Устава церемоній "Извѣстія о подаркахъ Ольгѣ" говоритъ онъ, "очень важны, онѣ могутъ показать намъ, какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ и множествѣ золота, серебра и проч."1/ Вообще денежныя суммы, полученныя Ольгой и ея свитой признаны за ничтожные и даже оскорбительные для русскаго самолюбія дары. Карамзинъ замѣчаетъ по этому поводу "Хотя Государи россійскіе не могли быть весьма богаты металлами драгоцѣнными, но одна учтивость безъ сомнѣнія заставила великую княгиню Ольгу принять въ даръ 16 червонцевъ"2/. Погодинъ шелъ дальше, предположивъ, что вольная и гордая княгиня Ольга осталась недовольной константинопольскимъ пріемомъ, оскорбленная ничтожествомъ даровъ, полученныхъ отъ Императора3/

Списки денежныхъ суммъ, полученныхъ Ольгой и ея свитой и внесенные въ Придворный Уставъ, повліяли такимъ образомъ, на воззрѣнія историковъ въ томъ смыслѣ, что ими заподозрѣна была правильность лѣтописныхъ свѣдѣній о дарахъ, и во вторыхъ, эти списки повліяли даже на освѣщеніе политическихъ сношеній Руси к Византіи, служа какъ бы коррективомъ для нашихъ лѣтописей.

1/ Исторія. I, 134. Онъ исчисляетъ получки Ольги въ 40 и 20 червонцевъ, ссылаясь на Карамзина который, однако, говоритъ о 32 и 16 червонцахъ.

2/ Исторія Р.Г.I. стр. 102.

3/ Исторія домонгольскаго ига, стр. 48.

Голубинскій старался указать на то, что эти денежные дары вовсе не были ничтожны и не должны служить къ умаленію достоинства Ольги[1], но въ виду того, что цифры списковъ слишкомъ краснорѣчивы, если признать полученныя Ольгой и ея свитой подношенія денежныя за дары, этотъ взглядъ, повидимому, не раздѣляется.

Выраженія нашей лѣтописи, посредствомъ которыхъ описываются дары, полученные въ разное время русскими послами и князьями въ Царьградѣ, могутъ считаться почти стереотипными

"Царь же Леонъ почти послы русскіе /отъ Олега/ дарми, златомъ и паволоками и фофудьями".

Пословъ Владиміра цари Василій и Константинъ "отпустиша съ дары велики и съ честью". Святославу греческій царь посылаетъ дары "злато и паволокы", а затѣмъ "оружіе".

Если такіе предметы, какъ паволоки, фофудьи, сосуды, оружіе не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что дары представляли, именно, вещественные подарки, то злато и сребро отличается неопредѣленностью. Способъ выраженія лѣтописца только отчасти проливаетъ свѣтъ на эти дары златомъ и серебромъ. Такъ, описывая царьградскія золотыя палаты "и сущая въ нихъ богатства", которыя видѣли послы Олега, лѣтописецъ гово-

---

1/ История церкви, I, стр. 88, прим. 5. Онъ исчисляетъ миліарисій въ 35 к. /Паппаригопуло/, или немного болѣе франка /Ск. Византія, Κωνσταντινουπ. III, 267/.

ритъ, что это было "злато много и паволокы, и каменье драгое, и страсти Господни, и вѣнецъ, и гвозди, и хламида багряная". Ясно, что подъ"златомъ" разумѣются въ данному случаѣ не деньги и не монеты, а золотые предметы, такъ какъ золото упоминается наряду съ предметами убранства - паволоками, каменьемъ драгимъ и наряду съ предметами страстей Господнихъ. Что подъ словомъ "злато" надо подразумѣвать золотыя украшенія показываетъ названіе "златыя палаты", которыя по понятію лѣтописца, совершенно правильному и вѣрному исторически I/, должны были быть украшены золотомъ. Такое же, не совсѣмъ опредѣленное значеніе имѣютъ слова "злато и сребро" въ извѣстномъ разсказѣ о серебряныхъ ложкахъ, которыя приказалъ выковать для своей дружины Владиміръ, говоря: "сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже и дѣдъ мой, и отецъ доискалъ дружиною злата и сребра", /стр. 54/. Слова Владиміра могутъ быть поняты въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ онъ говоритъ собственно о военной добычѣ и дани, которыя могли состоять какъ изъ предметовъ золотыхъ и серебряныхъ, такъ и изъ монетъ. Что подъ золотомъ часто подразумѣвались предметы показываетъ извѣстное мѣсто

I/"Златыя палаты",упоминаемыя лѣтописцемъ,повидимому, тѣ самыя "золотыя палаты",которыя посѣтилъ въ 1200 году Антоній Новгородскій,т.е. знаменитый "Χρυσοτρίκλινος" Юстиніана. О немъ подробно будетъ сказано въ изслѣдованіи о пріемахъ кн Ольги въ Царьградѣ.

въ договорѣ Игоря 945 года: "А некрещеная Русь полагаетъ щиты своя и мечи наги, обручи своѣ и прочая оружія, да кленутся всѣмъ, яже суть на харатьи сей". Описывая далѣе, самую клятву Руси предъ Перуномъ, лѣтописецъ говоритъ: "Покладоша оружіе свое и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ". Въ договорѣ Святослава объясняется, повидимому, и причина, почему они должны были класть на землю золотые обручи. Они клянутся "да будемъ золоти, яко золото", т.е., слѣдовательно, золото есть предметъ клятвы, какъ и оружіе и "мечи наги", т.е. обнаженные мечи[1/].

Говоря о дани, которую царь Романъ обѣщалъ Игорю, лѣтописецъ прибавляетъ, что царь послалъ и печенѣгамъ "паволоки и злато много."а дружина говоритъ Игорю: "аще глаголетъ царь, то что хочемъ болѣ того не бившеся имати злато и сребро, и паволокы"... "и взя злато, и сребро, и паволокы на вся зои". Это была мирная дань, но золото и серебро добываются и грабежемъ. Олегъ послѣ набѣга и послѣ полученія дани везетъ награбленное и полученное добро: "золото и паволоки, и овощи, и вина, и всяко узорочье". Игоревы воины также "имѣнья не мало обою страну взяша". Такимъ образомъ ясно, что подъ словомъ "злато и сребро" разумѣются золотыя и серебряныя деньги и предметы до-

---

1/ Ср. у А.В. Лонгинова, о договорахъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т.XXУ,стр. 502.

бычи и полученной дани. Такъ часто упоминаемыя паволокы, которыя получаютъ Олегъ и Игорь "на вся вои" позволяютъ предполагать, что лѣтопись сохранила ясныя и точныя понятія о практиковавшейся въ Византіи уплатѣ денежной пени, даже жалованья матеріями, по преимуществу шелковыми /объ этомъ см. дальше/, вмѣсто монетъ. Отсюда не исключается возможность думать, что подъ златомъ и серебромъ подразумѣваются деньги и въ тѣхъ случаяхъ, когда упоминаются рядомъ паволокы, но по преимуществу для дани /а не для военной добычи/, какъ въ случаяхъ полученія дани Олегомъ и Игоремъ. Рисовальщикъ миніатюръ Радзвиловской лѣтописи изображаетъ дары Ольгѣ въ Царьградѣ подъ видомъ сосуда, продолговатыхъ неопредѣленнаго вида предметовъ вродѣ ларцевъ, и что самое любопытное, подъ видомъ чаши, наполненной, повидимому, монетами /Листъ 32/. Иногда дары изображаются въ точномъ соотвѣтствіи тексту: поляне даютъ козарамъ п о м е ч у отъ дыма /Л. 7 обор./, или бѣличьи шкурки, дѣвицу, при чемъ за предѣлы текста выходитъ поднесеніе сосуда /Л. 8/; иногда вмѣсто упоминаемыхъ въ текстѣ черныхъ куницъ изображены сосуды, какъ въ случаѣ поднесенія дани Олегу древлянами /Л. II обор./, подобные же сосуды изображены и въ дани Олегу грековъ, причемъ вмѣсто гривенъ, которыя онъ требовалъ, греки несутъ стаканъ, вазу и большой съ двумя ручками сосудъ. Эти сосуды не упоминаются ни въ дани полученной Олегомъ /еще и

паволоки кромѣ денегъ/, ни въ его добычѣ.

Съ другой стороны подъ златомъ разумѣется и вѣсовая единица золота и серебра /литръ серебра и золота и золотникъ/ и монеты, какъ въ договорахъ съ греками, т.е. собственно деньги. Это обстоятельство должно быть связано съ тѣмъ, что на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ надпись гласитъ: "Владимiръ" или "Ярославъ на столѣ, а се его злато".

Такимъ образомъ, въ понятiе о дарахъ золотомъ и серебромъ входило представленiе какъ о золотыхъ и серебряныхъ предметахъ, такъ и о деньгахъ, въ частности монетахъ. Если къ этимъ вещественнымъ и денежнымъ дарамъ присоединить паволоки, фофудьи, то и получатся тѣ "дары велики", "дары многи", о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, подразумѣвая подъ ними то-же самое, что въ среднiе вѣка въ Византiи разумѣлось подъ словами: "δῶρα δαψιλῆ", „δῶρα πολυτελῆ" I/, т.е. дорогiе и драгоцѣнные предметы и деньги. Съ этой точки зрѣнiя полученныя княгиней Ольгой и ея свитой денежныя суммы и одинъ золотой сосудъ, конечно, по справедливости, могутъ казаться ничтожными дарами. Но были ли это дары?

Дѣло въ томъ, что въ Уставъ занесены не только два списка денежныхъ полученiй Ольги и ея свиты, но также и два списка саракинскихъ пословъ, при чемъ

I/ Такъ выражается о дарахъ Данелиды Θеофанъ Theophanes contin. p. 317-18.

оба саракинскіе посла получили также по 500 миліарисіевъ, и на такихъ же золотыхъ блюдцахъ /ἐν σκουτελλίοις /, какъ и княгиня Ольга, а свита ихъ по три миліарисія на душу. Но и эти списки не единственные въ Уставѣ. О нихъ говорится много разъ, и наиболѣе ясно въ главѣ о пріемѣ и отпускѣ итальянскихъ пословъ. Здѣсь сказано[1]:

"Когда Императоръ желаетъ отпустить пословъ /Италіи/, то магистръ заранѣе долженъ составить съ вѣдома императора списокъ /γνῶσιν /,что долженъ получить каждый изъ нихъ и что получаетъ каждый изъ ихъ людей, и передать этотъ списокъ комиту ларгиціоновъ /τί ἕκαστος ὀφείλῃ λαβεῖν καὶ πάντων τῶν ἀνθρώπων τί ἕκαστος λαμβάνει /. И когда этотъ/списокъ/ будетъ готовъ, то Императоръ даетъ аудіенцію, и все остальное происходитъ, какъ во время пріемовъ, и входятъ послы..., и по приказанію Императора вводитъ декуріонъ ихъ людей..., возглашаютъ имена/людей/ и даетъ Императоръ каждому его плату /ῥόγαν /, рогу. И когда люди выйдутъ, тогда и посламъ императоръ даетъ столько, сколько приказано приготовить по уговору съ ними /εἰς λόγον αὐτῶν/[2]

1/Эта глава можетъ считаться какъ бы образцовой для формальностей составленія подобныхъ списковъ и выдачи по нимъ денегъ.

2/ *De cerim.* I, 397-8.

Въ этомъ текстѣ особенно важными являются выраженія "сколько кто изъ пословъ долженъ получить и сколько получаетъ каждый изъ ихъ людей", наряду съ выраженіемъ "по ихъ слову" /εἰς λόγον αὐτῶν/. Ясно, что послы и люди ихъ указываютъ магистру цифру должнаго полученія, а императоръ только разрѣшаетъ выдачу и выдаетъ получку. Эта получка представляется не единовременнымъ даромъ, а платой "рога" /ῥόγα/, сколько кто получаетъ, сколько кто долженъ получить. Количество этой платы въ Уставѣ не указывается, такъ какъ оно обусловливалось договорными статьями, различными, надо думать, въ разное время. Изъ главы 56 второй книги Устава слѣдуетъ также, что списокъ /γνῶσις/ составлялся акростихомъ /ἀκρόστιχον τῆς ῥόγας/, т.е., повидимому, въ отдѣльности для каждаго лица или же лицъ извѣстнаго ранга, что самая "рога" устанавливалась за службу каждаго /πρὸς τὴν δουλείαν αὐτοῦ - - ——— - I, 807/. Было два рода "роги", одна воинская, другая чиновъ двора или комитовъ. Обѣ представляли ежегодную плату подъ видомъ подарка или царской милости, и потому отличались отъ обычнаго жалованья чинамъ двора, которое было постояннымъ и называлось συνήθεια /consuetudo I, 459/. Другая "рога" шедшая на содержаніе арміи и флота, занесена въ Уставъ въ такихъ подробныхъ спискахъ ассигновокъ, которыя не оставляютъ сом-

нѣнія въ томъ, что "рога" была, именно, плата за службу стратигамъ, солдатамъ и матросамъ въ военное время, именно, во время Критскаго похода. Эти списки, или γνώσεις, Императора Льва представляютъ подробныя и точныя указанія цифръ съ исчисленіемъ суммъ итога. Въ одномъ изъ этихъ списковъ, между прочимъ сказано: "Русскихъ 700; рога одинъ кентенарій. Всему флоту съ русскими рога кентенаріевъ I7, литровъ 59, нумисмъ 42" /De cerim. I, 654/. Рога, говоритъ Райске, выдавалась обыкновенно золотомъ, а когда не было золота, то замѣнялась шелковыми одеждами[1/]. Бывала "рога" и единовременная, въ отличіе отъ постоянной, стоявшей въ зависимости отъ продолжительности военной службы.

Изъ этихъ поясненій слѣдуетъ, что итальянскіе послы получили "рогу", т.е. плату при отпускѣ по уговору, а не дары, но получали ее подъ видомъ царской милости, въ особой спеціальной аудіенціи отъ самого Императора. Что эта плата не представляла даровъ видно изъ показаній о дарахъ того же Устава. Дары въ Уставѣ называются "ξένια" и "δῶρα". Ихъ привозили послы иностранныхъ государствъ, и при доставленіи ихъ императору происходилъ особый пріемъ, одинъ изъ актовъ котораго "συμπλήρωσις τοῦ κανισκίου (De cerim. I, 138; II, 226.)

I/ Д.Ѳ. Бѣляевъ, Bizantina I, 2470 о жалованьѣ папіи. прим. I.

2/ См. также у А.В. Лонгинова, о.с. 472 - о цѣнѣ въ двѣ паволоки за бѣжавшаго челядина.

состоялъ въ представленіи ихъ Императору самими послами. Дары оцѣнивались, заносились въ особые списки, чтобы въ случаѣ отдариванія Императоръ зналъ,какіе надо послать равносильные отвѣтные дары. Въ числѣ даровъ можно указать не только ткани, сосуды, драгоцѣнные камни, но и лошадей. Кромѣ царскихъ даровъ, послы иногда подносили дары и отъ себя, т.е. личные посольскіе дары самому Императору, но кромѣ того въ сношеніяхъ съ придворными чинами, они обязаны были подносить дары, т.е. дѣлать подарки, и этимъ чиновникамъ[1].

Количество и качество ихъ зависѣло отъ усмотрѣнія подносящаго, что и выражается въ Уставѣ словами: "если имѣетъ, если хочетъ, что хочетъ". Не лишнимъ будетъ упомянуть, что извѣстная владѣтельная особа Пелопоннисса Данелида принесла въ даръ Роману великолѣпные шитые ковры, изготовленные ея женщинами[2].

Обращаясь къ спискамъ денежныхъ полученій Ольги и ея свиты, должно прежде всего указать, что эти полученія совершенно не имѣютъ характера даровъ, и въ текстѣ Устава дарами не называются. Въ способѣ выраженія Устава относительно этихъ полученій лежитъ

1/ Дары пословъ царю и чиновникамъ описаны въ I,408-9 Устава.

2/ Theoph. contin. ed. Bonn. p. 317-18 Также: Грегоровіусъ,Истор.города Аѳинъ,СПБ.1900,стр.66-7 и тамъ приведенная литература.

отчасти и характеристика ихъ. Относительно членовъ мужской свиты сказано, что они получили - "ἔλαβον, а княгинѣ Ольгѣ было выдано или дано, столько то: ἐδόθη τῇ ἀρχοντίσσῃ ἐν χρυσῷ διαλίθῳ σκουτελλίῳ μιλιαρ. φ." /500/. Также точно и двумъ саракинскимъ посламъ: "ἐδόθησαν ἐν χρυσοῖς διαλίθοις σκουτελλίοις" по 500 миліарисіевъ каждому. Такія выраженія, какъ δίδωσι συνήθειαν, δίδωσι χρυσοῦ λίτρας ζ'ο [1] и λαμβάνουσι [2], въ смыслѣ выдаютъ и получаютъ жалованье, встрѣчаются очень часто и вполнѣ однородны съ выраженіями о выдачѣ и получкѣ жалованья стратигами, воинами, и, какъ указано ранѣе, съ выдачею и получкою "роги" итальянскими послами по заранѣе составленному списку.

Княгиня Ольга была принята при дворѣ Константина Порфиророднаго два раза: 9 сентября и I8 октября. Во второй пріемъ денежная выдача была значительно меньше, и въ этомъ надо видѣть одну изъ важнѣйшихъ особенностей списковъ, такъ какъ предполагается, что при прощальномъ пріемѣ дары должны были быть болѣе щедрыми. Вотъ оба списка. Я привожу ихъ полностью, такъ какъ до сихъ поръ они приведены цѣликомъ только Шлецеромъ и Геснеромъ [3], другіе же

I/ De cerim. I, 803 и др.

2/ Ibid стр.803 ὀφελοῦσι λαμβάειν 668 и 675.

3/ Шлецеръ, Несторъ IУ,I00 сл.; Gesner, Kleine deutsche Schriften. Göttingen. I756,I68-I84.

историки приводятъ ихъ въ выдержкахъ и не совсѣмъ правильно. Наблюденія надъ нѣкоторыми цифрами въ связи съ крайне важными показаніями договоровъ Руси съ греками, приводятъ къ соображеніямъ, не лишеннымъ историческаго интереса:

Первый пріемъ:		Второй пріемъ:	
Анепсій Ольги	30		20
8 родственниковъ ея по	20	опущены или отсутствовали	
20 пословъ по	12	22 по	12
43 купца по	12	44 по	6
Священникъ Григорій . . .	8		8
2 переводчика по	12		12
Люди Святослава по . . .	5	опущены или отсутствовали.	
6 людей пословъ по . . .	3	опущены или отсутствовали.	
переводчикъ Ольги	15	Опущенъ или отсутствовалъ.	
Княгиня Ольга	500		200
6 родственницъ ея по . . .	20	16 по	12
18 служанокъ по	8	по	6

Въ этихъ спискахъ особенное вниманіе привлекаютъ цифры получекъ: двухъ переводчиковъ, попа Григорія и пословъ. Оба раза всѣ они получаютъ одну и ту же цифру денегъ. Относительно переводчиковъ и священника Григорія должно сказать, что онѣ могутъ считаться за предст

вителей тѣхъ "мужей царевыхъ", которые получали назначеніе состоять при посольствахъ, и по существу были чиновники византійскаго двора[1]. Обязанности этихъ чиновниковъ подробно описаны въ Уставѣ (*De cerim.* I, 396 - 410, т.е. 88 -90 главахъ) и съ ними мы встрѣтимся еще при изложеніи сношеній Руси и Византіи. "Царевъ мужъ" и "мужъ царства нашего", т.е. греческаго, упоминаемые въ договорѣ Олега въ общихъ чертахъ обозначаютъ подобныхъ чиновниковъ (Лавр. Л. 31, 48). Вслѣдствіе этого можетъ стать понятнымъ и отсутствіе колебанія въ ихъ получкахъ, которыя могли быть простымъ жалованьемъ. При этомъ попъ Григорій могъ быть тѣмъ священникомъ, котораго обязанность заключалась въ совершеніи ежедневной молитвы до и послѣ обѣда, и онъ могъ быть приставленъ для этой и иныхъ цѣлей[2] самимъ патріархомъ (*Παπάδες τοῦ πατριάρχου*). Равнымъ образомъ, получка пословъ, одинаковая въ обоихъ случаяхъ, можетъ быть объяснена также, какъ родъ посольскаго жалованія, о которомъ имѣются подробныя и точныя свѣдѣнія, какъ въ Уставѣ, такъ и въ договорахъ Олега и Игоря съ греками. Но прежде чѣмъ указать на подробности договоровъ, касающіяся статей посольскаго и мѣсячнаго полученія Руси, приходившей въ Царь -

---

I) Такъ полагалъ уже *Wilken, Über die Verhältnisse d. Russen zum byzant. Reiche etc.* p. 107.

2) Ш л е ц е р ъ съ правдоподобіемъ считалъ его за путеводителя по Царьграду, приставленнаго къ Ольгѣ. *Nestor,* IУ, 105 сл.

градъ съ мирными цѣлями, должно обратить внимание на то, что въ приведенныхъ спискахъ, получения второго приема, всѣ, кромѣ указанныхъ трехъ, уменьшены съ какимъ-то особымъ разсчетомъ. Сущность этого разсчета можетъ быть определена лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ нѣкоторыя частности не поддаются объясненіямъ.

Княгиня Ольга, отправляясь въ Царьградъ, должна была руководиться статьями договора Игоря, а также лежащимъ въ основѣ его договоромъ Олега, болѣе раннимъ. По договору Олега 907 года Русь, приходящая въ Царьградъ должна была останавливаться близъ церкви св. Маманта. Здѣсь, а можетъ быть и ранѣе, судя по сношеніямъ съ другими народами, имена пословъ и ихъ свиты должны были быть переписаны. Иногда посольства бывали встрѣчаемы на границѣ, и даже ранѣе границы, и перепись совершалась изъ предосторожности заранѣе, при встрѣчѣ, какъ это бывало въ сношеніяхъ съ восточными народами, саракинами, печенѣгами и проч. Статья договора Олега, устанавливающая необходимость переписи русскихъ посольствъ очень краснорѣчива и непосредственно касается разбираемыхъ списковъ....."и послетъ царство наше да испишютъ имена ихъ и тогда возьмутъ мѣсячное свое, первое отъ города Кіева и паки отъ Чернигова и Переяславя и прочіи городи".

Эта статья болѣе подробно и ясно и съ новыми добавленіями редактирована въ договорѣ Игоря:

"А великій князь русскій и боляре его да посылають въ греки къ великимъ царемъ греческимъ корабли, елико хотятъ со слы и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли печати златы, а гостье серебрени. Нынѣ же увѣдѣлъ князь вашъ (нашъ) посылати грамоту ко царству нашему (вашему) иже посылаемы бываютъ отъ нихъ слы и гостье, да приносятъ грамоту, пишуче сице: яко послахъ корабль селько. И отъ тѣхъ да увѣмы и мы, яко съ миромъ приходятъ.... Аще придутъ Русь безъ купли да не взымаютъ мѣсячина... И приходящимъ имъ да витаютъ у церкви св. Мамы, да послетъ царство наше и испишютъ имена ваша, и тогда возьмутъ мѣсячное свое, сли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Кіева, паки отъ Чернигова и Переяславля".

Изъ этой статьи договора уже прямо слѣдуетъ, что предувѣдомленіе о посольствѣ на корабляхъ должно было происходить заранѣе посредствомъ особой грамоты. По прибытіи въ Царьградъ и по размѣщеніи въ особомъ кварталѣ у церкви св. Маманта, посольство должно было быть переписано для того, чтобы поступить на полное содержаніе государства съ особымъ жалованіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, надо искать первое происхожденіе двухъ списковъ, приведенныхъ въ уставѣ. Соотвѣтствующая глава о пріемѣ пословъ въ Уставѣ только ближе поясняетъ статью

договора Игоря, и особенно слова: "якоже имъ уставлено есть", такъ какъ подробно разъясняетъ вопросы о царскомъ мужѣ (магистрѣ), о приготовленіи квартиръ, о размѣщеніи пословъ и проч.[1].

Крайне важнымъ для пониманія посольскаго и мѣсячнаго содержанія является статья договора Олега, въ которой находимъ выраженія, соотвѣтствующія вышеприведеннымъ словамъ „εἰς λόγον αὐτῶν" употребленнымъ въ Уставѣ для опредѣленія "роги" итальянскимъ посламъ. Здѣсь сказано: "да приходятъ Русь слебное емлютъ, елико хотятъ, а иже придутъ гостье, да емлютъ мѣсячину на 6 мѣсяцевъ и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творятъ имъ мовь, елико хотятъ". Изъ этой статьи слѣдуетъ, что посольское жалованье получали послы и что количество "слебнаго" и "мѣсячнаго" устанавливалось по желанію пословъ и купцовъ. Нельзя не видѣть, что въ словахъ "елико хотятъ" на лице тотъ же смыслъ, что и въ выраженіи "по слову ихъ", т.е. "по ихъ назначенію", употребленному относительно итальянскихъ пословъ. Изъ этихъ выраженій слѣдуетъ, что количество посольскаго и мѣсячнаго жалованья не было установлено заранѣе, а вытекало изъ соглашенія сторонъ. Въ договорѣ Игоря эта статья редактирована менѣе уступчиво: "возьмутъ мѣсячное свое, сли слебное, а гостье мѣсячное" Я не могу согласиться съ многоуважаемымъ изслѣдователемъ договоровъ Лонгиновымъ относительно того, что "мѣ-

---

1) *De cerim.* I, cap. 87, p. 393.

сячное" состояло только изъ предметовъ натурой: хлѣба, вина, мяса, рыбы, овощей и бани [1]. Текстъ договора Олега ясно говоритъ о посольскомъ и мѣсячномъ на шесть мѣсяцевъ, и кромѣ того еще о натурѣ: хлѣбѣ, винѣ и проч., что подтверждается главой о послахъ въ Уставѣ, только что указанной [2]. Что касается шестимѣсячнаго срока для полученія "слебнаго" и "мѣсячнаго", то онъ поясненъ договоромъ Игоря, въ которомъ сказано, что Русь не имѣетъ права оставаться въ Царьградѣ на зиму, т.е., слѣдовательно, лишается и жалованья и содержанія на зимніе мѣсяцы. Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что персидскому послу при передвиженіи его къ столицѣ полагалось 5 вередовъ денегъ и 30 муловъ. Кромѣ того на путевыя издержки восточныхъ пословъ полагались особыя суммы, списки которыхъ хранились въ "скринѣ варваровъ" (ἐν σκρινίῳ τῶν βαρβάρων). По пріѣздѣ въ Царьградъ персидскіе послы поступали на полное иждивеніе государства. Имъ отводилась квартира съ обстановкой, а въ 946 году они были помѣщены въ Хризеонѣ на полномъ довольствіи и съ баней въ томъ же домѣ, или

----

1) О. с., стр. 471.

2) Всѣ предметы обстановки и стола прекрасно разъяснены въ этой главѣ.

по сосѣдству. Баня оговорена и въ русскихъ догово - рахъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что по условіямъ договоровъ и русскимъ посольствамъ составлялисъ списки, или "γνώσεις", что под - тверждается двумя приведенными въ Уставѣ списками смѣтъ. Что такіе списки были поименными указываютъ три имени, вошедшія въ эти смѣты: Ольга, Святославъ, Григорій. Эти списки, представляютъ, несомнѣнно одобренные императоромъ смѣты, въ основѣ которыхъ ле - житъ общій поименный списокъ. Затѣмъ, всѣ остальные свитскіе вошли въ смѣту по рубрикамъ, а второе по рангу лице послѣ княгини Ольги вошло подъ именемъ Анепсія, или племянника ея[1]. Суммы, обозначенныя въ смѣтахъ были раздаваемы оба раза послѣ пира, въ видѣ царской милости, по обычаю византійскаго двора, что видѣлъ и описалъ въ это же приблизительно время Ліутпрандъ, присутствовавшій при такой раздачѣ де - негъ. Для яснаго пониманія способа составленія этихъ списковъ имѣетъ важное значеніе и то, что мужчины и женщины выдѣлены въ особыя группы, что въ свою оче - редь связывается съ требованіями придворнаго строя, такъ какъ мужская и женская половины посольства пи- ровали отдѣльно: Княгиня Ольга пировала въ общест- вѣ Императрицы, а ея племянникъ съ Императоромъ. Кромѣ денегъ, никакихъ предметовъ никому не было ни выдано, ни подарено, а это обстоятельство прямо ука-

---

I) Указываю пока на сочиненіе: Krug, Kritische Ver-

зываетъ на то, что денежная выдача имѣла специальный характеръ и не представляла даровъ. Правда, самой Ольгѣ 500 миліарисіевъ были поднесены на золотомъ, украшенномъ драгоцѣнными камнями блюдцѣ, но самое блюдце представляло обычный и необходимый предметъ для поднесенія денегъ. Въ такихъ же блюдцахъ были поднесены по 500 миліарисіевъ двумъ сарацинскимъ посламъ, и Райске многими примѣрами подтвердилъ существованіе этого обычая въ глубокой древности. Такъ еще Геродотъ, передаетъ онъ, описываетъ даръ Демокеду, состоявшій изъ золотого фіала, наполненнаго статерами. Олимпіодоръ, въ описаніи свадьбы Агилульфа съ Галлой Плацидіей, говорить о дарѣ золота и драгоцѣнныхъ камней, поднесенныхъ женихомъ своей невѣстѣ. Пятнадцать юношей несли каждый по два золотыхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ былъ наполненъ золотомъ, а другой драгоцѣнными камнями, но такихъ случаевъ можно было бы указать множество. Повидимому этотъ же обычай изображаетъ миніатюристъ Радзивилловской лѣтописи, давая въ руки одного изъ юношей вазу съ круглыми предме-

---

such zur Aufklärung d. Bizantinischen Chronologie, S. Petersburg, 1810, p. 210 - 214, гдѣ подробно разобрана этимологія слова ἀνέψιος

тами внутри (Монетами?), которую онъ несетъ въ даръ княгинѣ Ольгѣ, идя за другими, несущими сосуды (Л. 32). Указанное блюдце, такимъ образомъ, представляя обычный предметъ для поднесенія денегъ, не нарушаетъ общаго денежнаго содержанія двухъ разбираемыхъ смѣтъ и не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть показателемъ того, что Ольга и ея свита получили дары, а не спеціальную плату, подъ видомъ царской милости.

Такая плата могла быть только посольскимъ и мѣсячнымъ жалованьемъ, какъ самой княгинѣ Ольгѣ, такъ и ея племяннику, посламъ, купцамъ и всей свитѣ. При такомъ взглядѣ на двѣ смѣты совершенно устраняется возможность видѣть во второй изъ нихъ какое-либо предумышленное униженіе посольства, выразившееся въ уменьшеніи даровъ. Такъ какъ деньги эти представляли не дары, а плату за извѣстное время помѣсячно, то совершенно ясно, что плата уменьшена сообразно съ разсчетомъ времени, за которое выдана. Такъ какъ по смыслу договора княгиня Ольга съ посольствомъ не могла оставаться въ Царьградѣ на зиму, то второй пріемъ надо считать послѣднимъ предъ ея отъѣздомъ. Доживши до 18 октября и оставаясь долѣе, она не только могла нарушить условія договора, но и рисковала ѣхать домой въ бурный періодъ глубокой осени по морю, особенно негостепріимному въ это время года. Поэтому, можно

думать, что смѣта второй выдачи составлена за время, прошедшее отъ 9 сентября по 18 октября, или даже по день отъѣзда. Отсюда самъ по себѣ вытекаетъ крайне важный выводъ, что смѣта перваго пріема составлена за время болѣе продолжительное, чѣмъ одинъ мѣсяцъ и 9 дней, а это въ свою очередь показываетъ, что Ольга значительное время прожила въ Царьградѣ, прежде чѣмъ была принята при дворѣ первый разъ. Наша лѣтопись неожиданно подтверждаетъ это обстоятельство, передавая отвѣтъ Ольги посламъ Константина, требовавшаго даровъ и войска: "аще.... такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду, тогда ти дамъ". Изъ этого неудовольствія Ольги слѣдуетъ, что она долго стояла на корабляхъ въ гавани въ ожиданіи пріема при дворѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, числа двухъ мѣсяцевъ - 9 сентября и 18 октября въ связи съ указанными соображеніями даютъ прочное основаніе усомниться въ правильности лѣтописной даты, т.е. 955 года, къ которому пріурочена поѣздка княгини Ольги въ Царьградъ. Такъ какъ старый годъ начинался съ сентября[1], а изъ общаго показанія цифръ первой смѣты вытекаетъ, что Ольга получила посольское и мѣсячное содержаніе за значительный промежутокъ времени, протекшій со дня пріѣзда до перваго полученія, т.е. до 9 сентября, то ясно,

---

1) Въ дипломатическихъ сношеніяхъ по индиктамъ. См. Mas Latrie, Le trésor de chronologie. Paris. 1889, p. 28.

что годъ 955 ошибоченъ. Ограничиваясь пока этимъ простымъ указаніемъ на неправильность лѣтописной даты, долженъ сказать, что описаніе пріемовъ княгини Ольги, внесенное въ Уставъ, даетъ еще и другія частности для правильнаго опредѣленія даты, но эти частности стоятъ въ связи съ редакціей всей 15 главы второй книги Устава, а разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса о редакціи 15 главы, увлекло бы меня далеко за предѣлы настоящей замѣтки.

Такимъ образомъ, денежныя суммы, полученныя оба раза княгиней Ольгой и ея свитой, представляли не дары, а посольское и мѣсячное жалованье подъ видомъ царской милости, полученное оба раза согласно договору Игоря, а не дары, которые она должна была получить особо, въ отвѣтъ на привезенные ею дары. Что княгиня Ольга должна была прибыть въ Царьградъ съ дарами, о томъ свидѣтельствуетъ не только весь строй дипломатическихъ сношеній тогдашняго времени, но и самый Уставъ. Княгиня Ольга была принята въ великолѣпномъ залѣ Магнавры и удостоилась высшаго и наиболѣе почетнаго пріема царемъ, который сидѣлъ на золотомъ Соломоновомъ механическомъ тронѣ. Весь церемоніалъ пріема прошелъ согласно общему обряду, который требовалъ предъявленія даровъ посла царю, т.е. такъ называемаго "συμπλήρωσιν τοῦ κανισκίου ", а текстъ описанія не указываетъ въ этомъ отношеніи никакого отступленія отъ общаго обряда, заявляя,

что "все произошло какъ въ предыдущемъ обрядѣ". Въ лѣтописи, правда, нѣтъ никакихъ указаній на то,что Ольга повезла съ собою дары, но въ Четьяхъ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго подъ II іюля находимъ любопытное свѣдѣніе, неизвѣстно откуда почерпнутое,что Ольга "появши съ собою нѣкіе отъ россійскихъ нарочитыхъ боляръ[I)] и дворянъ, поиде со многимъ имѣніемъ въ Царьградъ и пріята бысть тамо съ великою честью отъ царя и патріарха, имже и д а р ы м н о г ы, таковыхъ лицъ достойныя принесе"...Это свѣдѣніе тѣмъ болѣе интересно, что рядомъ съ нимъ сообщается и о великомъ пирѣ послѣ крещенія Ольги и по поводу его. Пиры, какъ извѣстно, описаны и въ текстѣ Устава.

Принести дары императору, она не могла не получить даровъ отвѣтныхъ. Лѣтопись перечисляетъ эти дары. Это были: "злато, сребро, паволокы, сосуды разноличные, и уменьшать значеніе этого показанія лѣтописи, какъ видно изъ предыдущего, нѣтъ надлежащихъ основаній. Правда, оно можетъ быть легендарнымъ, шаблоннымъ, какъ и другія свѣдѣнія о дарахъ русскимъ посламъ и князьямъ, но въ немъ заключается вѣрный историческій смыслъ. Оно утверж-

---

I) Ср. въ договорѣ Игоря: Князь великый и б о л я р е его да посылаютъ въ грекы къ великимъ царемъ и т.д.

даетъ, что Ольга получила отвѣтные дары, а это показаніе лѣтописи не менѣе цѣнно, чѣмъ показаніе договора Игоря о"слебномъ и мѣсячномъ", которое она должна была получить, разъ ѣхала на основаніи этого договора, хотя бы въ Уставѣ и не сохранилось драгоцѣнныхъ смѣтъ денежныхъ полученій ея самой и ея свиты. Дары понимаются лѣтописцемъ совершенно такъ-же, какъ и другими историками болѣе ранними, говорящими о дарахъ халифамъ, Карлу Великому, о дарахъ упомянутой уже Данелиды и имъ подобныхъ, и какъ понимаетъ Уставъ, называя ихъ ξένια, δῶρα.

ИСКУССТВО КІЕВСКАГО ПЕРІОДА. -

Предисловіе.

Незнаніе древняго русскаго искусства повело уже издавна къ ложному представленію о немъ не только у насъ, но и въ западной наукѣ. Въ древне-русскомъ искусствѣ видѣли, да и теперь еще кое-гдѣ видятъ лишь одно проявленіе грубыхъ, неопредѣлившихся формъ, восходящихъ къ варварскому стилю. Оно казалось мало поучительнымъ для русскаго человѣка, а изученіе искусства древней Греціи и эпохи Возрожденія въ Европѣ погружало умы и художественное воззрѣніе въ опредѣленныя узкія рамки ходячей эстетической теоріи о прекрасномъ, единственно воз-

можномъ лишь и допустимомъ въ искусствѣ Греціи и Италіи. Эта пора, однако, прошла и для европейскаго и для русскаго сознанія и художественнаго воззрѣнія. Въ древнихъ и старыхъ формахъ архитектуры, живописи и пластики народовъ Европы отысканы и раскрыты новыя самостоятельныя усилія творчества. Романскій и готическій стили теперь заняли свое мѣсто въ воззрѣніяхъ народовъ какъ великіе, самостоятельные художественные стили. Византійское искусство выразилось въ не менѣе опредѣленномъ и великомъ художественномъ стилѣ, вполнѣ самостоятельнымъ съ мощнымъ внутреннимъ развитіемъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на образованіе стилей европейскихъ искусствъ, искусствъ славянскихъ земель и Россіи.

Въ настоящее время нѣтъ страны и народа, который не зналъ бы о существованіи "русскаго стиля". Его историческое образованіе постепенно выясняется наукой, но составившіеся ложные взгляды на русское искусство и русскій стиль еще до сихъ поръ отражаются на общихъ понятіяхъ и взглядахъ ученыхъ. До самыхъ послѣднихъ дней невѣрныя представленія о древнерусскомъ искусствѣ обыкновенно бываютъ основаны на совершенномъ незнаніи его формъ. Къ числу такихъ, болѣе чѣмъ странныхъ взглядовъ принадлежатъ, напримѣръ, указанія извѣстнаго историка искусства Карла Вермана на то, что Черниговскій соборъ-однокупольное зданіе, что Десятинная церковь была деревянная, что

пятикупольная система храмовъ привилась на Руси только послѣ татарскаго ига и т.п., вплоть до того, что въ древнемъ Кіевѣ не было Кремля или Дѣтинца.

Еще въ 1866 году знаменитый Буслаевъ опровергалъ ложныя представленія о древне-русскомъ искусствѣ какъ западныхъ, такъ и отечественныхъ ученыхъ, почерпавшихъ свои свѣдѣнія изъ отзывовъ иностранцевъ о національномъ русскомъ искусствѣ. Такъ напримѣръ, въ общераспространенномъ трудѣ Карла Шнаазе "Исторія образовательныхъ искусствъ," сдѣлавшемся классическимъ въ извѣстное время во всей Европѣ, равно какъ и у насъ въ Россіи, и переведенномъ на русскій языкъ, отзывъ о русскомъ искусствѣ стремился вызвать прямо враждебное недовѣріе и боязнь къ Россіи. Здѣсь мы находимъ и первобытную дикость нравовъ и неспособность къ воспринятію христіанскихъ понятій, и необозримыя степи и болота, и трескучій морозъ, и полярныя ночи безъ разсвѣта, и титаническую борьбу съ суровой природой, и съ дикими звѣрями, однимъ словомъ все звѣрское дикое и безотрадное сгруппировано вмѣстѣ, чтобы дать слѣдующую характеристику нравовъ: "отсюда смѣсь какъ бы противорѣчивыхъ качествъ: наклонность къ покойному досугу и къ возбудительнымъ чувственнымъ удовольствіямъ, способность къ механической работѣ при недостаткѣ собственныхъ идей и возвышенныхъ порывовъ, почти сентиментальная мягкость чувствъ

при грубой безчувственности, колебаніе между благодушіемъ и суровостью, между раболѣпіемъ и патріархальнымъ чувствомъ равенства". Монголы дали окончательную отдѣлку этому племени, которое отличается свойствами номадовъ. "Номады", говоритъ авторъ, "не сооружали храмовъ, довольствуясь своими палатками, но они принесли въ Россію плоды азіатской культуры изъ Китая, Индіи, Персіи. Такимъ образомъ, при варварскомъ дворѣ монгольскихъ хановъ должна была образоваться пестрая смѣсь разныхъ формъ, въ которой господствовалъ духъ востока и особенно сѣверной Азіи, съ ея пестрою, затѣйливою и пышной роскошью. Не могло безъ того быть, чтобы русскіе князья и вельможи, вынужденные тогда по цѣлымъ годамъ находиться при дворѣ хановъ. не позаимствовались такимъ вкусомъ и чтобы не распространили его въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, монгольскій вкусъ съ примѣсью китайскаго, индійскаго, персидскаго былъ водворенъ въ Россію и характеръ русскаго стиля готовъ. Русскіе города кажутся Шнаазе безобразной смѣсью куполовъ и башенъ, а русская архитектура даже хуже магометанской. Архитектурныя зданія отличаются своею пышностью, пестротой, произволомъ и вліяніемъ чуждыхъ формъ и воззрѣній; церковные образа ужасаютъ своею мрачностью, они боязливо придерживаются первобытнаго преданія, въ силу деспотизма князей, которые приказали писать иконы такъ, какъ писалъ ихъ монахъ

XIУ в. Андрей Рублевъ. Въ русскомъ искусствѣ не нашло себѣ соотвѣтствующей формы глубокое настроенiе духа, проникающее всю жизнь и запѣчатлѣнное чувствомъ Божества. Божество является русскому въ чувственныхъ ужасающихъ формахъ. Въ Новгородѣ на одномъ изображенiи читалось: "смотри какъ ужасенъ Господь твой" - этимъ вполнѣ выражается чувство этого народа. Его благоговѣнiе основывается на страхѣ; ужасающее въ его глазахъ подобаетъ Божеству и замѣняетъ красоту". Затѣмъ онъ проводитъ параллель между русскими и армянами, и, отдавая предпочтенiе послѣднимъ, распространяется о рабствѣ и свободѣ, прилагая эти идеи къ религiозному русскому искусству, которое оказывается рабскимъ и высказывая мысль, что только свобода способствуетъ развитiю искусствъ.

Этотъ отзывъ и характеристика не требуютъ дальнѣйшихъ комментарiевъ, но нельзя не отмѣтить, что въ немъ у К. Шнаазе вмѣсто древнѣйшаго періода Руси является варварство и дикость, вмѣсто эпохи роста XIУ - XУI стол. - татарщина и китайщина, а вмѣсто культурныхъ заимствованiй - рабство.

Другой, не менѣе авторитетный ученый, Кулеръ, также переведенный на русскiй языкъ, полагаетъ, что русскiе поклоняются не Божеству, а иконамъ, и потому одѣваютъ ихъ въ дорогiя ризы, что иконописцы соблюдаютъ въ своихъ иконахъ однажды навсегда установленные типы, причемъ рус -

ское искусство примыкаетъ у него не къ византійскому, а къ магометанскому и индійскому, какъ и сами русскіе примыкаютъ тоже къ магометанамъ по своей культурѣ, а Василій Блаженный слѣдуетъ за турецкими и персидскими мечетями.

Третій - Эрнстъ Ферстеръ. Этотъ ученый полагаетъ, что "русскій стиль представляетъ отклоненіе отъ византійскаго, или, вѣрнѣе искаженіе его. Въ этомъ стилѣ наблюдается скопленіе неправильныхъ формъ, нагроможденныхъ одна на другую и произволъ въ сочетаніи частей соединяется съ безобразнымъ рядомъ куполовъ, въ видѣ луковицы, помѣщаемыхъ на церквахъ и башняхъ".

Приводя подобные взгляды, основанные на невѣжествѣ западныхъ историковъ искусства, Буслаевъ замѣчаетъ:

"Я вовсе не имѣлъ безполезнаго намѣренія доказывать общеизвѣстную истину, что иностранцы мало насъ знаютъ, но полагалъ, что принять къ соображенію эти мнѣнія будетъ не безполезно для того, чтобы по достоинству оцѣнить ихъ отголоски въ нашемъ отечествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить ихъ кому слѣдуетъ, по принадлежности (Сборн. древне-русск. иск. 1868 г., стр. 89).

Съ тѣхъ поръ много возвращено обратно, много

установлено незыблемыхъ основаній для сужденія о русскомъ древнемъ искусствѣ.

Въ 1878 г. вышла извѣстная книга Віолле - ле Дюка о русскомъ искусствѣ. Это былъ знатокъ архитектуры, стилей, обладавшій прекрасно развитымъ вкусомъ и особенно занимавшійся орнаментомъ. Въ его книгѣ, однако, повторяется все, что раньше мы слышали объ Индіи, монголахъ и т.п. Разница лишь та, что Віолле-ле-Дюкъ, живя въ Россіи, близко ознакомившись съ русскимъ стариннымъ стилемъ иконописи, архитектуры, орнаментики, былъ пораженъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и красотой формъ, роскошью, единствомъ мысли и гармоніей тоновъ русскаго орнамента и потому думалъ, что можетъ уже написать исторію русскаго искусства. Мы увидимъ далѣе, какія требованія должно предъявить къ тому, кто захотѣлъ бы написать научную исторію хотя бы одного древнѣйшаго періода русскаго искусства, но по отношенію къ Віолле-ле-Дюку эти требованія предъявилъ уже Буслаевъ. Шагъ за шагомъ разбираетъ онъ не только воззрѣнія Віолле-ле-Дюка на исторію русскаго искусства, но и на связи его съ иноземными искусствами и въ концѣ концовъ устанавливаетъ пути движенія художественныхъ стилей изъ Болгаріи и Византіи, откуда шла и наша образованность и письменность. Результатъ критическаго разбора Буслаевымъ книги Віолле-Дюка ложится въ основу исторіи русскаго искусства, созидаемой на научныхъ основаніяхъ. Въ исторіи

русскаго древняго искусства теперь нельзя сдѣлать шагу, не принимая въ расчетъ византійскаго и средневѣковаго европейскаго искусства. Буслаевъ пришелъ къ этому результату послѣ основательнаго изученія западнаго искусства X, XI, XII вѣковъ, находившагося подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ византійскаго, послѣ самаго кропотливаго и тщательнаго сопоставленія и сравненія формъ, т.е. на основаніи сравнительно-историческаго метода, а не только одной эстетической оцѣнки, какъ у Віолле-ле-Дюка. Этотъ историко-сравнительный методъ, примѣненный къ изслѣдованію русскихъ древностей и искусства есть важное пріобрѣтеніе нашей науки. Въ самомъ дѣлѣ изящно образованный вкусъ можетъ и даже долженъ избирать одно и отбрасывать другое. То, что не удовлетворяетъ этого вкуса , то будетъ не эстетично, грубо, дико, наоборотъ то, что подходитъ подъ условія этого образованнаго вкуса, то прекрасно. Иначе поступаетъ объективная наука. Она сравниваетъ, устанавливаетъ и доказываетъ преемство и родство формъ, объясняетъ, слѣдовательно, исторію формъ того искусства, которымъ занимается. Теперь, уже только по прошествіи какихъ нибудь 20-30 лѣтъ невозможны такіе отзывы о древне-русскомъ искусствѣ, какіе высказывались ранѣе, наоборотъ, теперь въ той же самой западной наукѣ господствуетъ иная оцѣнка и памятники древне-русскаго ис -

кусства связываются съ исторіей обще-европейскаго искусства. Русское искусство для Буслаева не было той сферой, гдѣ пресыщенный вкусъ ищетъ непремѣнно изящныхъ и удовлетворяющихъ его формъ; это была область, рисовавшая бытъ, жизнь, стремленія, всѣ самыя завѣтныя думы и чувства древняго русскаго человѣка. Онъ слѣдилъ, по мѣрѣ силъ своихъ, за исторіею русскаго искусства отъ самыхъ первыхъ, доступныхъ для него, шаговъ, начиная съ X, XI вѣковъ, когда Русь жила подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи, вплоть до сооруженія памятника тысячелѣтія Россіи и картинъ Рѣпина. Сопоставляя, напримѣръ, старинную русскую рукопись Псалтыри боярина Годунова 1602 г. съ Псалтырью Угличской, а затѣмъ съ Хлудовской IX вѣка, онъ вскрылъ такое важное явленіе, которое не было доступно ни одному европейскому ученому, интересовавшемуся византійскимъ и русскимъ искусствомъ. Дѣло въ томъ, что на поляхъ этихъ рукописей можно видѣть множество картинокъ или миніатюръ, поясняющихъ текстъ или толковыхъ рисунковъ. Среди этихъ рисунковъ, соотвѣтствующихъ картинкамъ въ нашихъ печатныхъ книгахъ, попадаются такіе, которые представляютъ различныя стихіи, какъ напр., четыре вѣтра, или изображеніе рѣкъ, или солнца и луны подъ видомъ человѣческихъ фигуръ. Русскіе мастера, изображавшіе

эти аллегоріи были вполнѣ освоены съ подобнаго рода аллегорическими представленіями и вполнѣ понимали ихъ значеніе. Буслаевъ не только доказалъ, что въ древней Руси эти аллегорическія изображенія были обычны, но что они были единственными въ своемъ родѣ по близости, по свѣжести представленія къ аллегоріямъ, созданнымъ геніемъ древней Греціи и вошли въ сознаніе русскаго народа черезъ посредство Византіи. Такимъ обра - зомъ,въ складѣ воображенія древне-русскаго человѣка вскрываются черты античной миѳологіи и культуры, вскрываются слѣды культурно-историческаго воспитанія, однороднаго съ западно европейскимъ.

Но это только начало. Цѣлымъ рядомъ монографій Буслаевъ возсоздаетъ передъ нами картину единства древней Руси въ области искусства съ запад - ной Европой. Онъ изслѣдуетъ настолько же симво - лическій языкъ нашей иконописи въ связи съ ви - зантійскими, какъ и европейскими началами, которыя однѣ и тѣ-же для Европы среднихъ вѣковъ,какъ и для Россіи.

Въ то время, когда Ѳ. И. Буслаевъ посвятилъ себя изученію русскаго народнаго искусства, этимъ искусствомъ интересовались очень мало. Въ русской ученой литературѣ не было ничего руководящаго въ этой области, не было ни средствъ ни умѣнья приступить къ научному изслѣдованію русскихъ древно-

стей и русскаго искусства. Эта область нашего знанія влачила проблематическое существованіе и даже со стороны славянофиловъ и западниковъ высказывалось отрицательное отношеніе къ русскому древнему искусству и творчеству. Лишь нѣкоторые люди съ любовью къ старинѣ, какъ напр., Прохоровъ, графъ Строгановъ, занимались изученіемъ рельефовъ Дмитровскаго собора, Корсунскихъ вратъ и т.п., но въ русской наукѣ не было тогда сознательной цѣли, къ которой должны были направляться подобнаго рода занятія. Буслаевъ единственный понялъ, что древне-русской искусство не можетъ быть возсоздано безъ изученія Византіи, какъ основы древней русской жизни. Самъ о себѣ онъ говорилъ: "не стану я вмѣстѣ съ Чаадаевымъ позорить Византію, потому что знаю высокое ея призваніе въ средне-вѣковой исторіи просвѣщенія не только России, но и въ остальной Европѣ, потому что восхищаюсь великими произведеніями византійскаго художества, базиликами временъ Юстиніана въ Равеннѣ, Палатинской капеллой въ Палермо, соборомъ апостола Марка въ Венеціи и т.д. до безконечности". Эти слова писалъ онъ незадолго до смерти, когда въ русской наукѣ уже существовала школа ученыхъ византологовъ, частью вышедшая изъ его аудиторіи.

Но въ продолженіе всей своей жизни Буслаевъ не переставалъ изучать византійское искусство и вдохнулъ свой интересъ въ цѣлую плеяду уче-

ныхъ, разрабатывавшихъ разныя стороны русскаго искусства и литературы. Лучшая исторія византійскаго искусства написана ученикомъ его, нынѣ общеизвѣстнымъ на западѣ ученымъ академикомъ Н. П. Кондаковымъ. На западѣ, встрѣтясь однажды съ молодымъ ученымъ Ж. П Рихтеромъ, Буслаевъ совѣтовалъ ему заняться изученіемъ живописи равеннскихъ церквей, и такимъ образомъ на нѣмецкомъ языкѣ появилось первое научное изслѣдованіе древней живописи V VII вѣковъ, связанное съ именемъ Буслаева, и посвященное благодарнымъ ученикомъ своему учителю. Студіи въ области византійскаго искусства вызвали на свѣтъ появленіе нѣкоторыхъ выпусковъ Русск. Древн. И. Толстого и Н. Кондакова и особенно труда Кондакова "Русскіе клады", крайне важнаго въ методологическомъ отношеніи.

Въ этомъ сочиненіи рамки изслѣдованія древне-русскаго искусства раздвинуты до ихъ естественныхъ границъ. Эти границы опредѣляются сосѣдними странами съ которыми въ непрестанныхъ сношеніяхъ находилась Русь. Если главнымъ вліяніемъ приходится признать все же византійское, то не меньшее значеніе имѣли для древней Руси и сношенія съ Персіей, Сиріей, Средней Азіей, Кавказомъ, Болгарами, греческими поселеніями въ Крыму, особенно съ Херсонесомъ и Керчью, имѣвшими

племенами и на сѣверѣ со скандинавами, имѣвшими смѣшанную культуру. Изученіе русскихъ художественныхъ древностей поставлено въ этомъ сочиненіи въ связь съ древностями запада, востока и сѣвера. Русское древнее искусство при самомъ своемъ образованіи отличается такимъ сложнымъ составомъ, что требуетъ изученія, прежде всего, вѣтвей, входящихъ въ него, или самостоятельныхъ отдѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ трудѣ мы находимъ и указанія критическаго характера на состояніе древней Руси. Періодъ великокняжескій считается темнымъ періодомъ русской исторіи "не только по отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствующему, будто-бы, варварству; историкъ заранѣе отказывается изучать бытъ этой темной безличной однообразной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣролововъ и кочевниковъ. Между тѣмъ", прибавляетъ онъ, "нельзя принимать безъ критики и даже рѣшительнаго отпора тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которыя сдѣланы нашими историками только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца". Вамъ извѣстна эта характеристика Нестора славянскихъ племенъ, въ которой онъ языческія племена древней Руси считаетъ погаными, живущими звѣринскимъ образомъ, ядущими все нечистое, имѣющими особые брачные обычаи и обряды. Онъ противупоставляетъ эту языческую жизнь христіанской жизни и морали. Но значитъ ли это, что древне славянскіе племена не

имѣли никакой культуры, и были примитивны въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимается въ наукѣ. „Еще менѣе, говоритъ Кондаковъ, можно характеристику промысловъ древней Руси начинать съ звѣриныхъ ловов, рыболовства, бортничества, т.к. рядомъ съ земледѣліемъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подъ условіемъ торговли всевозможные промыслы и ремесла... и кустарная промышленность въ домонгольскій періодъ стояла даже выше, чѣмъ въ московское время".. Дѣйствительно, изслѣдованіе курганныхъ древностей и кладовъ доказываютъ это съ полной ясностью. Русь знакома была съ издѣліями своихъ культурныхъ восточныхъ и западныхъ сосѣдей и сама имѣла высоко-художественныя ремесла. Изучая стили тѣхъ предметовъ, которые обращались въ быту древней Руси, мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о разнообразныхъ культурныхъ и художественныхъ вліяніяхъ на племена древней Руси въ ея начальную эпоху: изслѣдованіе формъ восточнаго стиля поведетъ науку къ разсмотрѣнію того, какое вліяніе шло съ Волги, изъ Персіи, Сиріи, Средней Азіи; изученіе русско-виз. стиля должно дать въ будущемъ точныя указанія всего запаса, который русскіе вынесли изъ Византіи и своихъ съ нею связей. (стр. 8).

Итакъ, вотъ какимъ образомъ только можетъ быть написана исторія древне-русскаго искусства. Вы видите, какъ видоизмѣнились воззрѣнія на это ис-

кусство въ полъ столѣтія, какія требованія предъявляются въ нашей наукѣ къ изслѣдованію его и какіе горизонты открылись на будущее этой науки. Отсюда ясно само по себѣ, что въ дальнѣйшей судьбѣ своей эта наука о древне-русскомъ искусствѣ должна будетъ занять видное мѣсто въ системѣ преподаванія съ университетской каѳедры и стать самостоятельнымъ предметомъ рядомъ съ русской исторіей и исторіей русской литературы.

Я указалъ пока только на тотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на древне-русское искусство, который произошелъ въ очень короткое время въ нашей ученой литературѣ. Понятно, само по себѣ, что такіе перевороты могутъ происходить только на основаніи новыхъ изслѣдованій и научныхъ работъ, а ихъ можно указать уже великое множество. Всѣ эти изслѣдованія и работы по существу имѣютъ одну конечную цѣль: освѣтить и выяснить исторію образованія того стиля, который всѣми согласно признается за самостоятельный и оригинальный „русскій стиль". Его начала коренятся въ доисторической и исторической древности областей Кіевской и Черниговской, связанныхъ между собою близостью географическою, а затѣмъ прилегающихъ съ одной стороны къ югу Россіи, къ Таврическому полуострову и Византіи, а съ другой къ Галиціи и западно-европейскимъ странамъ. Но здѣсь опредѣляются не всѣ грани этого стиля. Новгородская область, близкая къ странамъ съ романо-готическимъ

стилемъ и всегда сохраняющая связи съ греками, а затѣмъ области Владимірская и Суздальская, сохраняющія связи съ Кіевомъ и проложившія новые пути въ сношеніяхъ съ западной Европой и востокомъ опредѣляютъ новыя грани этого стиля, слитого въ единый, общій и всѣмъ извѣстный намъ „русскій стиль" Москвой.

Приведенныя мною во введеніи данныя относительно состоянія языческаго русскаго искусства и роскошная картина сложныхъ сношеній древней Кіевской Руси съ Византіей позволяютъ легко перейти къ изслѣдованію древняго искусства Кіева и Чернигова.

К І Е В Ъ.

Многочисленныя данныя нашихъ лѣтописей, извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей, показываютъ, что древняя Русь знакомилась съ искусствомъ своихъ сосѣдей, восточныхъ и западныхъ народовъ при посредствѣ торговыхъ, политическихъ сношеній и войнъ. Различные предметы народнаго художественнаго быта Византіи, Болгаріи у Итиля привозились на Русь купцами или же появлялись здѣсь въ видѣ даровъ посламъ и князьямъ, или, наконецъ, появлялись здѣсь въ видѣ военной добычи и дани. Роскошныя шелковыя ткани (паволоки) шли изъ Византіи, Китая, Персіи торговыми путями и какъ дань. Русскіе, бывавшіе въ Царьградѣ имѣ-

ли право покупать эти паволоки на основанiи дого - воровъ Руси съ греками. Съ востока и запада приходили въ Русь золотыя и серебряныя ювелирныя издѣлiя, служившiя для украшенiя мужскихъ и женскихъ костю - мовъ, шла золотая, серебряная и поливная посуда, восточная арабская и византiйская монета, частью скандинавская. Раскопки древнихъ русскихъ могилъ и городищъ (т.е. нѣкогда населенныхъ и укрѣпленныхъ со стратегическою цѣлью мѣстъ) показываютъ, что древняя Русь въ IX - X столѣтiяхъ не только была знакома съ разнообразными художественными ремеслами своихъ людей, но и сама имѣла свои мастерскiя и своихъ мастеровъ[I]. Эти раскопки показали, что и позднѣе, въ XI - XII столѣтiяхъ въ главныхъ горо - дахъ домонгольской Руси, въ Кiевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Рязани, существовали самыя утонченныя производства изъ золота, серебра, что художественными ремеслами занимались русскiе мастера и притомъ въ широкихъ размѣрахъ. Ихъ мастерскiя изготовляли драгоцѣнныя ожерелья, украшенныя эмалью, сканью и филигранью (filum granum- нить изъ зеренъ, зернь), дiадемы, браслеты, кольца, запястья, серебряные и золотые сосуды, посуду, конскую сбрую, художественно украшенную, оружiе: мечи, стрѣлы, которыми Кiевъ

I) Н. П. К о н д а к о в ъ, Русскiе клады.
СПБ. -

славился еще и въ XIУ - XУ вѣкахъ. Кіевскія серебряныя издѣлія съ чернью, т.е. наведеннымъ на серебряные предметы чернымъ эмалевымъ рисункомъ, славились въ западной Европѣ въ XII вѣкѣ и позднѣе. Множество предметовъ этого рода найдено въ видѣ кладовъ, другіе встрѣчены въ курганахъ и могилахъ. Кромѣ этихъ художественныхъ ремеселъ въ древней Руси процвѣтала рѣзьба на рыбьей кости, на деревѣ. Извѣстна и рѣзьба на графитѣ, на камнѣ и мраморѣ. Картина быта, рисуемая этими художественными ремеслами заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія тѣмъ болѣе, что первыя начала русскаго историческаго художественнаго стиля здѣсь выступаютъ съ особенной яркостью и обрисовываютъ одну изъ его сторонъ.

Съ другой стороны наша лѣтопись говоритъ о Кіевѣ, какъ о славномъ и большомъ великокняжескомъ городѣ, съ развитой культурной жизнью, находящемся издавна въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Византіей, востокомъ и западомъ. Войны Игоря, Олега, Святослава сдѣлали древнюю Русь извѣстной всему тогдашнему міру. Пѣвецъ слова о полку Игоревѣ говоритъ съ увлеченіемъ о славѣ Святослава, донесшейся до нѣмцевъ, венеціанцевъ, грековъ и моравовъ послѣ побѣды его надъ Кобякомъ, а митрополитъ Илларіонъ, современникъ Ярослава, вспоминая объ Игорѣ, Владимірѣ и Святославѣ восклицаетъ: "не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ русьской, яже вѣдома и

слышима есть всѣми концы земли".

Дѣйствительно, Кіевъ, распространившій свою власть на сосѣднія племена сѣвера, сѣверо-запада, юга и востока, велъ обширную торговлю съ иностранными государствами, былъ наполненъ выходцами изъ европейскихъ странъ и развивался на подобіе большихъ средневѣковыхъ городовъ тогдашняго міра. Расположенный на живописныхъ возвышенностяхъ Днѣпра, окруженный лѣсами, Кіевъ представлялъ собою естественно укрѣпленный пунктъ. Кіевскіе холмы представляли для тогдашняго времени мало доступныя твердыни, какъ и холмы Рима, Царьграда, Александріи, Іерусалима и другихъ средневѣковыхъ городовъ. Какъ и эти міровые города - крѣпости, Кіевъ имѣлъ свой средній или главный холмъ, представлявшій крѣпость. Со времени Олега, повидимому, главнымъ центромъ города сталъ холмъ Кія, или та часть современнаго Кіева, которая извѣстна подъ именемъ стараго города. Этотъ холмъ защищалъ нижнюю часть города или Кіево-подолъ, сначала по свидѣтельству нашей лѣтописи, лишенный жителей и отгороженный отъ верхняго города защитной деревянной стѣной (кольями), но затѣмъ, со времени укрѣпленія холма Кіева, заселенный людьми. Отсюда шелъ въ гору подъемъ, извѣстный подъ именемъ "Боричева взвоза"[1]. Земляныя насыпи или валы съ де-

---

1) Быть можетъ теперешній Андреевскій спускъ.

ревянными стѣнами и башнями огибали крѣпость. Изъ одной части города въ другую вели также спуски и были перекинуты черезъ "дебри", или рвы деревянные мосты.

Холмъ Кія одинъ изъ первыхъ на Руси сталъ украшаться великолѣпными храмами. Вмѣстѣ съ христіанствомъ, воспринятымъ изъ Византіи, на Русь проникло и византійское зодчество съ его роскошью украшеній и религіозная живопись. Формы и стиль наиболѣе древняго русскаго искусства, существовавшаго въ языческую эпоху вступаютъ въ борьбу съ новыми формами.

Все, сказанное ранѣе (во введеніи) о Владимірѣ свидѣтельствуетъ, что заботы его объ украшеніи Кіева были велики, разносторонни и касались не только украшенія въ собственномъ смыслѣ города, но и въ введеніи новыхъ формъ христіанскаго культа и, въ просвѣщеніи: И вотъ Владиміръ задумалъ создать величественную церковь въ Кіевѣ! Была-ли это первая церковь? Еще въ 947 году въ договорѣ Игоря упоминается церковь св. Иліи, въ которой клялась княжеская варяжская христіанская дружина Игоря, такъ какъ многіе варяги были христіане.. Извѣстны также церкви въ селѣ Васильевѣ, на Берестовѣ, выстроенныя Владиміромъ, и кромѣ того Кіевскій Патерикъ приписываетъ Олмѣ (владѣтелю Олмина двора) построеніе церкви св. Николая на Аскольдовой могилѣ, а св. Ольгѣ построеніе ц. св. Софіи. Ничего неизвѣстно объ этихъ церквахъ.

Мы не знаемъ даже, были ли онѣ деревянныя или каменныя. Съ другой стороны лѣтопись вполнѣ опредѣленно удостовѣряетъ, что Владиміръ, принявъ крещеніе, приказалъ повсюду уничтожать идоловъ, капища и требища и на ихъ мѣстахъ строить церкви: „п о в е л ѣ р у б и т и ц е р к в и и п о с т а в л я т и п о м ѣ с т о м ъ, и д ѣ ж е с т о я х у к у м и р и, и п о с т а в и ц е р к о в ь св. В а с и л ь я и д ѣ ж е с т о я ш е к у м и р ъ П е р у н ъ и п р о ч і и, и д ѣ ж е т в о р я х у п о т р е б ы к н я з ь и л ю д і е. И н а ч а с т а в и т и п о г р а д о м ъ ц е р к в и и п о п ы".

Изъ этихъ выраженій должно заключать, что церкви эти были деревянныя, рубленныя изъ дерева и что онѣ заняли собою мѣста капищъ и требищъ. Не касаясь пока разбора терминовъ "рубити" церкви и "ставити" церкви, о которыхъ будетъ сказано при изложеніи исторіи русскаго деревяннаго водчества, укажу только на то, что лѣтописецъ ни словомъ не упоминаетъ о вызовѣ греческихъ мастеровъ для построенія этихъ церквей, изъ чего можно сдѣлать прямое заключеніе о томъ, что эти церкви возникали при посредствѣ своихъ собственныхъ мастеровъ.

Припоминая, что Владиміръ въ языческую пору своей жизни поставилъ идоловъ, что, затѣмъ, принявши христіанство онъ строитъ церкви, украшаетъ городъ привезенными мѣдными конями „Бабинъ торжокъ", на-

конецъ, строитъ великолѣпную Десятинную церковь, мы станемъ передъ эпохой, ярко освѣщенной дѣятельностью этого князя. Владимiръ вообще отличался широкимъ почином въ строительной дѣятельности. У него было нѣсколько загородныхъ дворцовъ, гдѣ онъ любилъ проводить время.

I/ Десятинная церковь.-

Обстановка, среди которой является лучшее сооруженiе Владимiра въ Кiевѣ - Десятинная церковь, выстроенная изъ камня и очень значительныхъ размѣровъ, показываетъ, что этой церкви надлежало выполнить главнѣйшую роль разсадника христiанскаго культа и просвѣщенiя. Въ житiи свв. Бориса и Глѣба, составленномъ Несторомъ, Десятинная церковь названа "нашей каѳолической церковью", т.е. соборной /"каѳоликани клисiа"/[1/]. Вотъ какъ говоритъ лѣтописецъ о построенiи этой церкви, выдвигая ея значенiе среди другихъ кiевскихъ храмовъ: "Посемъ же Володимеръ/т.е. послѣ крещенiя/живяше въ законѣ хрестьяньсцѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица. Пославъ, приведе мастеры отъ грекъ. И наченшю же ему здати и яко сконча зижа украси ю иконами и поручи Наста-

---

I/ См. наше изслѣдованiе: Миниатюры "Сказанiя о свя. Борисѣ и Глѣбѣ Сильвестровскаго сборника. Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ 1910, ТХУ, книжка 3-я, стр. 46

су Короунянину, и попы корсунскіе приставя служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни, иконы, и сосуды и кресты" /Лавр. л. 52/

Въ этомъ повѣствованіи лѣтописца важно отмѣтить, что Владиміръ призываетъ мастеровъ отъ грековъ. Церковь была каменная, выстроена по греческому архитектурному плану и богатствомъ своихъ украшеній превзошла все извѣстное до сихъ поръ въ Кіевѣ убранство церквей. Церковь простояла въ цѣлости до 1224 года и пала во время нашествія Батыя, не выдержавъ тяжести скопившагося въ ней народа съ имуществомъ. Въ маломъ видѣ она была возстановлена на части своихъ развалинъ Петромъ Могилой, а въ 1848 году остатки ея были открыты генераломъ Анненковымъ, выстроившимъ также на части ея плана теперь существующую церковь. Изъ развалинъ ея извлечены части мраморныхъ досокъ, цвѣтного шифера, обломки мозаики и фресокъ, части большой греческой надписи. Изъ этого должно заключать о роскоши и богатствѣ ея внутренняго убранства. Обиліе мраморныхъ украшеній повело къ тому, что въ одной изъ лѣтописей /см. раньше Введеніе стр. /она названа „мраморной".

Какъ видно изъ отчета о раскопкахъ Десятинной церкви, предпринятыхъ Императорской Археологической Коммисіей въ 1908 году, эта, конечно, не первая, но наиболѣе знаменитая церковь, была выстроена на такъ называемой теперь рушенной землѣ. Фундаменты церкви были положены хотя и на материковой землѣ, но нарушенной погребеніями болѣе древними и какимъ-то деревяннымъ срубомъ устроеннымъ ниже фундаментовъ церкви. Неустой-

чивость почвы потребовала особыхъ пріемовъ въ устройствѣ фундаментовъ, т.е.въ ихъ укрѣпленіи. Важнымъ обстоятельствомъ является то, что могилы не были разрушены и костяки оставлены въ цѣлости. Построеніе церкви на неустойчивой почвѣ, бережное отношеніе къ могиламъ здѣсь бывшимъ и особенныя пріемы въ укрѣпленіи фундаментовъ двумя слоями деревянныхъ бревенъ и рядами кольевъ залитыхъ известью, причемъ укрѣпляемая такимъ образомъ площадь простиралась и за алтарной частью церкви, показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то нарочитымъ требованіемъ тогдашняго времени воздвигнуть храмъ именно на этомъ мѣстѣ, не смотря на его неудобства въ строительномъ отношеніи. Найденная въ одной изъ могилъ монета византійскихъ императоровъ Василія I и Константина /869-870/ ясно доказываетъ, что на этомъ мѣстѣ существовало кладбище болѣе чѣмъ за столѣтіе до построенія церкви Владиміромъ. Можно думать что, именно, эта неустойчивость рушенной почвы была основной причиной ранней гибели зданія, упавшаго при перегруженіи его народомъ, прятавшимся здѣсь со своимъ имуществомъ во время осады Кіева Батыемъ. Деревянныя бревна, служившія укрѣпленіемъ площади постройки, чтобы облегчить корпусу храма равномѣрную осадку, найдены истлѣвшими, а самый слой извести во многихъ мѣстахъ раздавленнымъ тяжестью стѣнъ/I/.

I/См. Отчетъ Императорской Археолог.Коммиссіи за I908г., стр. I32-I58.

Въ лѣтописи находимъ свѣдѣніе, что Десятинная церковь была выстроена на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ варяговъ Іоанна и сына его Ѳеодора, погибшихъ мученической смертью, такъ какъ оба они были принесены въ жертву тому Перуну, который былъ поставленъ Владиміромъ близъ двора теремнаго.

Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не усмотрѣть обычной христіанской традиціи ставить церкви на мѣстахъ мученической кончины святыхъ или надъ тѣлами, могилами мучениковъ: „Бяше варягъ единъ и бѣ дворъ его, идѣ же есть церкви Святыя Богородица, юже сдѣла Володимеръ; бѣ-же варягъ той пришелъ изъ грекъ, держалъ вѣру хрестеанску" /Лавр. л. 35/. Весьма знаменательнымъ въ данномъ случаѣ является то обстоятельство, что Владиміръ, стремясь искоренить язычество въ Кіевѣ, поставилъ церковь св. Василія на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, т.е. на мѣстѣ требища, а Десятинная церковь была поставлена на мѣстѣ убіенія варяговъ Ѳеодора и Іоанна, первыхъ русскихъ христіанскихъ мучениковъ. Выборъ мѣста для построенія церкви былъ опредѣленъ мѣстомъ мученія, и, такимъ образомъ, лѣтопись косвенно подтверждаетъ данныя раскопокъ. Мѣсто это по лѣтописи было жилое, а это подтверждается найденнымъ срубомъ, хотя о кладбищѣ лѣтопись не сообщаетъ ничего. Во всякомъ случаѣ построеніе Десятинной церкви на неудобной для строенія землѣ должно было быть

вызвано серьезными причинами, и мы ихъ находимъ въ указаніи на смерть первыхъ русскихъ мучениковъ на этомъ мѣстѣ. Слѣдуетъ также помнить и о томъ, что Софійскій соборъ, выстроенный на полѣ, гдѣ произошла битва съ печенѣгами, устоялъ и не разрушился не смотря на то, что былъ повидимому переполненъ народомъ не менѣе Десятинной церкви. Причину этого можно видѣть въ томъ, что Софійскій соборъ былъ выстроенъ на цѣльной, не рушенной почвѣ.

На эту церковь Владиміръ далъ десятую часть своихъ доходовъ, отчего она и получила названіе Десятинной.

Разборъ совокупности всѣхъ данныхъ, касающихся Десятинной церкви показываетъ, что въ Кіевѣ явилось роскошное зданіе византійской архитектуры, отличной отъ формъ мѣстной-деревянной архитектуры, зданіе выстроенное византійскими зодчими и украшенное греческими же художниками. Какъ бы ни были ничтожны остатки этихъ украшеній, найденныхъ въ развалинахъ ея при раскопкахъ, но и они заслуживаютъ вниманія, такъ какъ церковь была выстроена въ такое время, которое отстоитъ отъ нашего почти на тысячу лѣтъ. Десятинная церковь была заложена въ 989 году, а окончена 12 мая 996 г.

Мы не можемъ судить теперь о внѣшнемъ архитектурномъ видѣ Десятинной церкви. Открытыя части ея фундаментовъ показываютъ только, что она имѣла на востокѣ обычныя три выступающія абсиды, изъ которыхъ средняя абсида-алтарная больше боковыхъ, т.е. жертвенника слѣва и діаконика справа. Всѣ три абсиды съ внѣшней стороны представляютъ выступающія полукружія, сомкнутыя вмѣстѣ, а не раздѣленныя другъ отъ друга. Съ внутренней стороны эти полукружія имѣютъ видъ, нѣсколько напоминающій подкову, что встрѣчается въ византійскомъ зодчествѣ по преимуществу восточнаго происхожденія. По сторонамъ этихъ трехъ абсидъ справа и слѣва примыкаютъ какія-то пристройки , образовавшія на восточной сторонѣ родъ заплечій. По-видимому, это были боковые притворы. Эти особенности даютъ понятіе о томъ, что открытыя до сихъ поръ части плана Десятинной церкви продолжались на востокъ, къ восточному притвору, образуя въ планѣ типъ, близкій къ базиличному и купольному, съ которымъ мы встрѣтимся еще въ Черниговѣ.

О внутреннихъ украшеніяхъ храма можно сказать только то, что онъ былъ украшенъ фресковой и мозаической живописью, какъ и Кіево-Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь т.е. что въ немъ соединены были оба рода живописи,

а не одинъ. О содержанiи этой живописи мы можемъ себѣ составить нѣкоторое представленiе на основанiи общихъ данныхъ, свойственныхъ вообще росписи византiйскаго храма Х столѣтiя, а также на основанiи нѣкоторыхъ косвенныхъ указанiй лѣтописи.

Византiйское церковное искусство Х вѣка, недавно еще пережившее потрясенiя иконоборческаго движенiя, въ это время переживало свой вторичный расцвѣтъ. Стѣны храмовъ вновь одѣлись въ свои роскошныя священныя формы живописи. Въ зодчествѣ византiйскаго храма соединялись издавна всѣ роды искусства, чтобы создать изъ него цѣльное, единое по замыслу художественное произведенiе. Въ это время особенной любовью пользуется купольный видъ храма, разрабатываемый на тѣхъ же общихъ архитектурныхъ принципахъ, которыя явились въ строительныхъ формахъ купольной базилики времени Юстинiана - въ знаменитомъ цареградскомъ храмѣ св. Софiи. Внутри стѣны и полы покрывались дорогими разноцвѣтными мраморами, инкрустацiями, мозаической и фресковой живописью. Мраморныя изъ карiйскаго и ѳессалiйскаго мрамора колонны поддерживали своды. Купола, алтарныя абсиды и стѣны покрывались священными изображенiями на синихъ и золотыхъ фонахъ. Въ вѣкъ Василiя Македонянина /867-886 /, отмѣченный въ исторiи особеннымъ подъемомъ въ строительствѣ Царьграда, является „Новая базилика", знаменитый храмъ, въ ко-

торомъ уже узаконенъ новый пріомъ церковной росписи. Патріархъ Фотій описываетъ въ этой базиликѣ въ куполѣ образъ Христа Вседержителя, а въ главной абсидѣ образъ Пречистой Дѣвы, поднявшей за насъ свои чистыя руки-т.е. образъ молящейся Богородицы, въ типѣ древней оранты. На стѣнахъ церквей вновь явились событія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, т.е. иначе говоря, уже сложился обычный типъ росписи, основную мысль которой послѣдующее искусство развивало съ разныхъ сторонъ примѣнительно къ посвященію храма имени святого. Эта мысль должна была выражать исторію человѣчества въ Ветхомъ Завѣтѣ, искупленіе его въ Новомъ жертвой Христа и подвигами мучениковъ. Поэтому въ каждомъ храмѣ независимо отъ его посвященія обычно встрѣчаются изображенія ветхозавѣтныя, затѣмъ страсти Христовы, изображенія Христа Вседержителя въ куполѣ /а иногда Вознесеніе Христово/ и образъ молящейся Богородицы въ алтарной абсидѣ. Столбы, поддерживавшіе своды украшались изображеніями святыхъ и мучениковъ, съ крестами въ рукахъ. Изображенные на столбахъ, они какъ бы сами служили опорой и столпами церкви.

Что въ Десятинной церкви находились эти изображенія, выполненныя мозаикой и фреской мы можемъ частью заключать изъ словъ лѣтописца, влагающаго въ уста Владиміру слѣдующую молитву, выражающую его настроеніе по окончаніи строенія храма.

„Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню помолися Богу, глаголя: „Господи Боже призри съ небесе и виждь и посѣти винограда своего и сверши, яже насади десница Твоя, новыя люди си, имъ же обратилъ еси сердце въ разумъ, познати Тебе, Бога истиннаго, и призри на церковь Твою си, юже создалъ недостойный рабъ Твой въ имя рожьшая Тя Матере Приснодѣвыя Богородица. Аже кто помолится въ церкви сей, то услыши молитву его, молитвы ради Пречистыя Богородица"/Лавр. л. подъ 996 годомъ/.

Эта молитва крайне поучительна въ томъ отношеніи, что первая часть: Господи, Боже призри съ небесе и т.д. обыкновенно встрѣчается въ надписи въ куполѣ.I/ Владиміръ, вошедши въ храмъ и поднявъ взоры, какъ бы видитъ Господа Бога и читаетъ надпись. Далѣе въ молитвѣ упоминается Пречистая Дѣва Богородица, молитвами которой - будутъ услышаны моленія всякаго вѣрующаго. Владиміръ, произнося свою молитву, какъ бы обращаетъ взоръ въ абсиду и видитъ тамъ Приснодѣву Марію, поднявшую за насъ свои чистыя руки по выраженію патріарха Фотія.

Десятинная церковь была посвящена празднику Успенія Богородицы, а это возводитъ первый важнѣйшій Кіевскій храмъ къ цареградскому

I/ Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ, Кіево-Соф. соборъ,стр.

Влахернскому храму и къ почитанію этого знаменитаго храма, столь извѣстнаго на первыхъ страницахъ русской исторіи. По указанію нѣкоторыхъ русскихъ источниковъ, напримѣръ, „Слова о томъ, како крестися Владиміръ возъмя Корсунь," Владиміръ и дружина его приняли крещеніе въ храмѣ Богородицы въ Корсуни, называемомъ въ другихъ источникахъ, „Влахернскимъ". Десятинный храмъ, начатый строеніемъ непосредственно вслѣдъ за крещеніемъ Владиміра, могъ сохранить воспоминаніе о Влахернскомъ храмѣ Корсуни.[1]

Куски фресокъ, и особенно одинъ обломокъ съ изображеніемъ части головы какого-то святого, свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи искусства X вѣка. Эта утонченная и изящная живопись должна будетъ, хотя бы въ ничтожныхъ остаткахъ начать собою исторію русскаго искусства кіевской области.

Мраморные остатки, по преимуществу отъ перилъ точно также своими нѣжными и изящными линіями рѣзьбы говорятъ о стилѣ X вѣка византійскаго искусства.

Владиміръ, повидимому, не успѣлъ закончить всѣхъ своихъ строительныхъ плановъ, завершеніе которыхъ онъ оставилъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ. Владиміръ умеръ 76 лѣтъ отъ роду въ 1015 году, а при сынѣ его

1/ См. мою статью: Меморіи св. Климента и св. Мартина въ Херсонесѣ. Москва 1915, стр. 20-24.

Ярославѣ Мудромъ возникъ знаменитый Кіевскій Софійскій соборъ, до сихъ поръ существующій, какъ рѣдкій обломокъ нашей художественной древности.

Владиміръ и супруга его Анна были погребены въ Десятинной церкви въ двухъ мраморныхъ гробницахъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Церковь св. Софіи и другія сооруженія Ярослава.

Дѣятельность Владиміра, направленную къ украшенію и возвышенію Кіева продолжалъ сынъ его Ярославъ Мудрый.

Въ княженіе Ярослава Мудраго холмъ Кія принимаетъ видъ настоящаго уголка Царьграда, и наиболѣе важное сооруженіе этого мудраго князя, церковь Св. Софіи, стало впослѣдствіи національной русской святыней. Дѣятельность Ярослава прекрасно оцѣнена, современникомъ его, очевидцемъ его построекъ, митрополитомъ Илларіономъ. Въ торжественной рѣчи, сказанной въ Десятинной церкви въ присуствіи самого Ярослава, жены его Ирины и всего княжескаго дома, Илларіонъ обращаясь мысленно къ умершему Владиміру, сказалъ:

„Прекрасный свидътель твоему благовѣрію, о блаженный князь, -эта церковь /т.е. Десятинная/, которую ты создалъ не на языческой основѣ, а на

основѣ истинной вѣры. Также прекрасенъ и другой свидѣтель твоей вѣры, сынъ твой Георгій /Ярославъ/, котораго Богъ назначилъ наслѣдникомъ твоей власти, который не только не нарушаетъ твоихъ завѣтовъ, но еще крѣпче ихъ утверждаетъ. Онъ какъ Соломонъ, сынъ Давида, недоконченное тобою привелъ въ исполненіе ибо онъ создалъ великій храмъ Премудрости Божіей /церковь Св. Софіи/ на святость и освященіе городу твоему и украсилъ его всякою красотою:золотомъ,серебромъ,драгоцѣнными камнями,честными сосудами. Церковь,созданная имъ стала славной и дивной во всѣхъ окружныхъ странахъ, и на всемъ сѣверѣ земномъ отъ востока и до запада не найдется храма,подобнаго этому. Онъ и знаменитый городъ твой Кіевъ окружилъ стѣнами,какъ величественнымъ вѣнцомъ и предалъ городъ твой и людей твоихъ святой Богородицѣ, скорой помощницѣ христіанъ, ибо онъ создалъ церковь на верху Великихъ воротъ /ведущихъ въ городъ/ во имя перваго праздника Господняго Благовѣщенія, чтобы то привѣтствіе, съ которымъ Ангелъ обратился къ Пресвятой Дѣвѣ, обратилось къ городу:
Ей Ангелъ сказалъ:„Радуйся обрадованная,Господь съ тобою",а городу ангелъ какъ бы говоритъ:„Радуйся, благовѣрный граде,Господь съ тобой."

Какъ бы въ дополненіе и поясненіе словъ митрополита Илларіона о дѣятельности Ярослава Мудраго, наша первоначальная лѣтопись говоритъ:

„Заложи Ярославъ городъ великій, у него же града суть Златыя врата; заложи-же и церковь Святая Софья, митрополью, и по семъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородицы Благовѣщенье, посемь святого Георгія монастырь и Святыя Ирины."

Ярославъ, такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ выстроилъ каменныя, и подражая Царьграду, главныя или великія ворота назвалъ Золотыми воротами. Золотыя, серебряныя и мѣдныя ворота были въ обычаѣ средневѣковой архитектуры. Надъ Золотыми воротами Ярославъ построилъ церковь Благовѣщенія, т.е. увѣнчалъ массивныя башни воротъ вверху церковью Благовѣщенія также въ подражаніе Константинопольскимъ Золотымъ воротамъ, имѣвшимъ поверхъ ихъ такую же церковь. Огромныя развалины Золотыхъ воротъ, построенныхъ Ярославомъ еще и теперь стоятъ въ Кіевѣ, но церковь Благовѣщенія на ней не сохранилась до нашего времени. Эти развалины свидѣтельствуютъ, что Ярославъ дѣйствительно, построилъ свои Золотыя ворота по образцу цареградскихъ, и, быть можетъ при посредствѣ византійскихъ мастеровъ.

Подражая столицѣ Византіи, Ярославъ по завѣту Владиміра, выстроилъ и церковь Св.Софіи въ Кіевѣ. Начальная лѣтопись такъ описываетъ это событіе подъ: 1036 и 1037 годами:

Въ 1036 году печенѣги обложили Кіевъ. Яро-

славъ выступилъ противъ нихъ съ войскомъ: „Печенѣзи приступати почаша, и сступишася на мѣстѣ, идѣ же стоитъ нынѣ святая Софья, митрополья руськая; бѣ бо тогда поле внѣ града"....

Изъ этого извѣстія лѣтописи слѣдуетъ, что церковь св. Софіи въ Кіевѣ была выстроена на мѣстѣ побѣды Ярослава надъ печенѣгами, на полѣ, лежавшемъ внѣ града или огражденнаго Дѣтинца или Вышгорода, и, слѣдовательно, на нерушенной землѣ.

Первую церковь св. Софіи выстроилъ въ Царьградѣ еще Константинъ Великій. На мѣстѣ этой церкви, уничтоженной пожаромъ въ 404 году, Юстиніанъ Великій въ 537 году построилъ великолѣпный храмъ во имя Премудрости Божіей, или св. Софіи, ставшій святыней всего христіанскаго востока. Въ подражаніе имени этого знаменитаго храма Ярославъ построилъ свой Кіевскій храмъ. Однако, ни планъ, ни украшенія кіевскаго храма не соотвѣтствовали цареградской знаменитой святынѣ. Кіевскій храмъ лишь однимъ именемъ своимъ напоминалъ о храмѣ Юстиніана.

Въ вѣкъ Ярослава византійскіе архитекторы строили иначе, чѣмъ въ вѣкъ Юстиніана. Такъ какъ начальная лѣтопись ничего не говоритъ о призваніи греческихъ мастеровъ для построенія церкви св. Софіи, то возникаетъ вполнѣ возможное предположеніе, что церковь св. Софіи строили мастера, призванные еще Владиміромъ, или ихъ

школа, основавшаяся въ Кіевѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что митрополитъ Илларіонъ ясно указываетъ на преемственность строительной дѣятельности Ярослава отъ начинаній Владиміра. На это ясно указываютъ слова Илларіона: „иже недоконьчаньная твоя доконча, акы Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости созда".

Прямой смыслъ этихъ словъ тотъ, что церковь св. Софіи задумалъ строить еще Владиміръ, но замыселъ его выполнилъ сынъ его Ярославъ, какъ Соломонъ, выстроившій іерусалимскій храмъ, задуманный отцемъ его Давидомъ.

Отъ такого взгляда на возникновеніе церкви св. Софіи, который еще никѣмъ не былъ проводимъ въ наукѣ, зависитъ и самая оцѣнка церкви св. Софіи, какъ художественнаго древняго памятника.

Архитектурный типъ храма кіевской Софіи отличается отъ св. Софіи Юстиніана тѣмъ, что вмѣсто одного купола имѣетъ 12: купола эти стоятъ на высокихъ фонаряхъ или барабанахъ, съ окнами въ главномъ куполѣ. Внутри цѣлые ряды столбовъ /а не четыре только зиждительныхъ/ держатъ арки и своды. Пропорціи въ высоту иныя, болѣе узкія и стройныя. Храмъ Ярослава имѣетъ въ планѣ видъ почти четыреугольника съ пятью первоначальными абсидами и по внутреннему виду скорѣе напоминаетъ церковь Пантократора /Вседержителя/ въ Царьградѣ, близкую по времени по-

строенія къ церкви св. Софіи кіевской. Ярославъ употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать этотъ храмъ важнымъ центромъ нарождающагося на Руси христіанства, храмомъ достойнымъ быть „митрополіей русской". Онъ былъ богато отстроенъ и украшенъ. Кромѣ того, Ярославъ, заботившійся о русскомъ просвѣщеніи основалъ при храмѣ св. Софіи библіотеку. Несторъ такъ говоритъ объ этомъ и объ украшеніи храма вообще: „Ярославъ-же, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, много написавъ, положи въ церкви св. Софіи, юже созда самъ, украси ю златомъ и сэребромъ и сосуды церковными и иконами многоцвѣтными".

Еще въ XYI вѣкѣ Кіево-Софійскій соборъ сохранялъ облицовку изъ различныхъ камней на своихъ внѣшнихъ частяхъ. Въ 1595 году католическій бискупъ Верещинскій видѣлъ эту облицовку и писалъ: „храмъ этотъ отстроенъ роскошно и не имѣлъ цѣны. Не только самое зданіе было возведено изъ камня, похожаго на халцедонъ, но и внутри вмѣсто живописи красками онъ былъ украшенъ изображеніями святыхъ лицъ изъ золотыхъ и смальтовыхъ камешковъ разныхъ цвѣтовъ". Описывая внѣшность храма Верещинскій, повидимому, считалъ, что каменная облицовка изъ камня, похожаго на халцедонъ представляла и самый матеріалъ, изъ котораго были выстроены стѣны. Онъ, конечно, ошибся, но его ошибка еще яснѣе показываетъ, что онъ видѣлъ наружныя стѣны храма не въ томъ видѣ, какъ онѣ находятся теперь, а покрытыми камнемъ, въ которомъ нельзя усмотрѣть иной породы, кромѣ краснаго шифера, обычно употреблявша -

гося въ Кіевской области для разныхъ нуждъ. Яснѣе говоритъ объ этомъ Гейнденштейнъ /1596 г./: „Это прекрасное зданіе, притворы и колонны котораго изъ порфира, мрамора, алебастра, въ такомъ находится запустѣніи, что на немъ нѣтъ кровли и оно все больше приходитъ въ запустѣніе." Изъ этого свидѣтельства кромѣ того вытекаетъ, что съ наружной стороны софійскій храмъ въ это время еще сохранилъ притворъ съ колоннами разныхъ породъ камня.

Павелъ Алепскій съ восхищеніемъ описываетъ храмъ св. Софіи въ эпоху Алексѣя Михайловича.
„Умъ человѣческій не въ силахъ обнять ее /т.е.церковь Св. Софіи/ по причинѣ разнообразія цвѣтовъ ея мраморовъ и ихъ сочетаній, симметричнаго расположенія частей ея строенія, большого числа и высоты ея колоннъ /повидимому столбовъ, т.к. внутри колоннъ нѣтъ за исключеніемъ хоровъ/, возвышенности ея куполовъ, ея обширности, многочисленности ея портиковъ и притворовъ. Та /т.е. цареградская св. Софія/ была по имени и въ подлинности, а эта по имени и подобію "/стр. 67/
„Со стороны западнаго нарѳика она наполовину въ развалинахъ. Разсказывали, что татары въ давнее время ее разрушили и сожгли и она оставалась въ разрушеніи около ста лѣтъ, служа убѣжищемъ для скота и вьючныхъ животныхъ. Потомъ она была отстроена, но ее разрушили гуньяты /уніаты/, т.е. русскіе послѣдователи

папы; они выломали всѣ плиты ея пола и мозаику и помѣстили въ своихъ церквахъ...Петръ Могила ее реставрировалъ и привелъ въ теперешній видъ/стр.68/

"Справа отъ входящаго въ западныя двери въ настоящее время находятся два покинутые алтаря: одинъ во имя Богоявленія, т.е. Крещенія, гдѣ стоитъ купель для почетныхъ людей изъ твердаго камня, похожаго на порфиръ, а внутри другого алтаря сохранились какія-то сооруженія.

Когда входишь въ храмъ черезъ западныя двери, то глазамъ твоимъ открывается полъ церкви. сдѣланный изъ удивительной многоцѣнной мозаики съ разнообразными тонкостями искусства. Такой-же полъ внутри алтарей и передъ ними.. Надъ поломъ находится высокій куполъ со многими стеклянными окнами: ихъ кругомъ 12. Въ верхней части его изображенъ Господь Христосъ съ ангелами, а по окружности 12 учениковъ Его: въ четырехъ же углахъ купола четыре Евангелиста - все это изъ прекрасной позолоченной мозаики съ удивительными орнаментами и греческими надписями. Такъ-же украшены четыре арки и портики съ этой стороны /стр. 69./

"Величественный алтарь подобенъ прославленному алтарю св. Софіи по своей длинѣ, обширности, ширинѣ и подбору цвѣтовъ мозаики на его стѣнахъ и на полу. Въ немъ отъ верху абсиды до низу, по всей ея длинѣ, въ высшей степени прекрасное изображе-

ніе Владычицы во весь ростъ, которая стоитъ, съ платомъ у пояса, съ раскрытыми дланями поднявъ руки Она сдѣлана изъ разноцвѣтной блестящей мозаики съ позолотой. . . "Здѣсь-же подъ Непорочной Дѣвой изображенъ столъ Тайной Вечери окруженный ангелами; Господь передаетъ направо Петру и его содругамъ божественный хлѣбъ, говоря /а существенныя слова исходятъ изъ Его устъ большими греческами буквами/ "Примите, ядите сіе есть Тѣло Мое" и до конца: и вторично Его изображеніе Онъ даетъ пить изъ чаши налѣво, говоря "Пійте отъ нея вси" до конца Ниже упомянутаго божественнаго стола находятся три большихъ окна Между окнами изображены древніе святые Алексій и Петръ, митрополиты кіевскіе, въ своихъ облаченіяхъ и бѣлыхъ клобукахъ расшитыхъ золотомъ При нихъ написаны по гречески ихъ имена. Направо отъ нихъ изображены: архідіаконъ Стефанъ съ кадильницей, и, какъ подабаетъ архіереямъ, въ свѣтлыхъ облаченіяхъ; Григорій Чудотворецъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ и Василій /Великій/.-Налѣво подлѣ окна изображены: діаконъ Лаврентій, Николай Мирликійскій, Григорій Богословъ, Климентъ папа римскій и Епифаній Кипрскій Всѣ ихъ изображенія сдѣланы изъ позолоченной мозаики съ греческими надписями".

"Весь полукругъ каѳедры /т е. горняго мѣста/

ст тремя высокими ступеньками, а посерединѣ его тронъ съ шестью такими же ступеньками. Вокругъ него на высотѣ около полуроста выложено /по стѣнѣ/ всевозможными породами мрамора и чудеснѣйшей цвѣтной мозаикой. Чудныя арки алтарей и высокаго купола всѣ украшены позолоченною мозаикой и изображеніями святыхъ."

"Кругомъ святой абсиды начертано мозаикой по гречески, какъ мы списали, слѣдующее:" ὁ Θεὸς ἐν μέσῳ Αὐτῆς καὶ οὐ σαλευθήσεται βοηθήσει Αὐτῇ ὁ Θεός ...., ..., что значитъ на нашемъ языкѣ: "Богъ посредѣ Ея и Она не поколеблется; поможетъ Ей Богъ отъ утра до утра." Разсказываютъ касательно сооруженія св. Софіи, что царь Юстиніанъ написалъ то-же на всѣхъ кирпичахъ ея. /стр. 70/.

"Затѣмъ мы поднялись во второй ярусъ церкви по лѣстницѣ одной изъ ея внѣшнихъ башенъ. Это восхитительное мѣсто, съ котораго отовсюду открывается видъ на хоросъ /т. е. полъ церкви/ и алтари. Оно имѣетъ два нефа; одинъ съ пятью куполами /алтарь св. Николая/, другой нефъ также съ 5-ю куполами, и въ передней сторонѣ его второй алтарь во имя св. Димитрія.

Перила здѣсь передъ арками состоятъ изъ одного куска краснаго камня и идутъ отъ основанія одной арки до другой; на нихъ изображены

кресты и фигуры по точному образцу перилъ св. Софіи /стр. 71-2/ [1]

Много видѣвшій и знавшій Павелъ Алепскій крайне внимательно описалъ всѣ древности, которыя видѣлъ въ церкви св. Софіи, а онъ, оказывается, видѣлъ больше, чѣмъ до сихъ поръ сохранилось. Такъ, онъ описываетъ ангеловъ въ куполѣ вокругъ Христа, а теперь сохранилась лишь полуфигура одного изъ нихъ. Онъ описываетъ также мозаическіе полы въ самой церкви и въ алтарѣ. Теперь они не существуютъ и лишь недавно открыты остатки мозаическихъ половъ въ главномъ алтарѣ. Его приподнятый тонъ при восхваленіи храма св. Софіи ничуть не долженъ считаться фальшивымъ, такъ какъ въ то время храмъ сохранилъ въ цѣлости многія свои украшенія, теперь погибшія. Онъ, какъ и другіе, указываетъ на существованіе западнаго притвора, въ его время находившагося еще въ развалинахъ.

Внѣшнія украшенія и облицовка храма со временемъ погибли, исчезли также мраморныя порфировыя и алибастровыя колонны западнаго

I/ Путешествіе Англійскаго патріарха Макарія въ Россіи въ половинѣ ХУII столѣтія, описанное его сыномъ Павломъ Алепскимъ. Перев. Муркоса Москва I897.

притвора, исчезъ мозаическій полъ и нѣкоторыя мозаическія фигуры, но не смотря на многія бѣдствія, постигавшія храмъ въ разныя времена,[1] онъ сохранилъ много настѣнныхъ мозаическихъ изображеній и фресковую роспись въ нѣкоторыхъ придѣлахъ оставшуюся безъ поновленій по распоряженію императора Николая I.

Мозаическія изображенія находятся въ куполѣ и въ алтарѣ, фресковая живопись покрываетъ остальныя пространства церковныхъ стѣнъ и сводовъ. Въ куполѣ, внутри радужнаго круга-медальона находится величественный образъ Христа Вседержителя погрудь съ закрытымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и съ благославящей правой рукой. Его окружали четыре архангела въ роскошныхъ царственныхъ одѣяніяхъ со оферами /они -же печати Господни/ въ рукахъ и съ лабарумами, т.е. знаменами на высокихъ древкахъ. На знаменахъ греческія надписи Святъ, святъ, святъ.

Ниже, въ простѣнкахъ между окнами были изображены двѣнадцать апостоловъ, изъ которыхъ сохранилось лишь одно изображеніе ап. Павла. Въ парусахъ купола находились изображенія

I/ Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ, Кіево Софійскій соб., СПБ. 1889, стр. 4-7.

четырехъ Евангелистовъ, пишущихъ свои Евангелія сидя за столиками, а внутри четырехъ подпружныхъ арокъ , держащихъ куполъ 40 мучениковъ. Изъ числа этихъ изображеній до нашего времени сохранилось изображеніе Ев. Марка и небольшія части фигуръ другихъ Евангелистовъ, и 15 изображеній свв. мучениковъ погрудь, въ медальонахъ.

Въ алтарѣ обращаетъ на себя вниманіе величественное изображеніе Богородицы стоящей на особомъ подножіи съ молитвенно поднятыми къ небу руками. Этотъ колоссальный образъ /около 7 арш. въ вышину/ извѣстенъ подъ именемъ „Богородицы - Нерушимой стѣны." На ней изсиня голубыя одежды, украшенныя по краямъ бахромой на ногахъ красная царская обувь, за поясомъ бѣлый платокъ, а на плечахъ и на головѣ три звѣзды.

Ниже представлено Причащеніе апостоловъ подъ двумя видами, композиція мистическаго содержанія. Она отличается отъ изображенія Тайной Вечери по Евангелію тѣмъ, что всѣ ея особенности указываютъ на догматъ а не на жизненное воспроизведеніе послѣдней - вечери Христовой съ учениками. Посрединѣ изображенъ престолъ съ сѣнью или коворіемъ. По сторонамъ престола находятся два ангела съ рапидами и

орарями, представляющіе собою какъ бы діакановъ / чинъ діакона есть ангельскій чинъ/, прислуживающихъ во время Таинства Евхаристіи. Съ правой и съ лѣвой стороны Христосъ /изображенный два раза/ преподаетъ подходящимъ апостоламъ по шести съ каждой стороны чашу и хлѣбъ. Ниже Евхаристіи изображены святители.

На главной алтарной аркѣ, обрамляющей алтарное помѣщеніе, и издавна носящей названіе „тріумфіальной", изображено Благовѣщеніе, причемъ на лѣвомъ /сѣверномъ/ столбѣ изображенъ Архангелъ Гавріилъ, а на правомъ святая Дѣва съ пурпурной /красной/ пряжей въ рукахъ и веретеномъ. По разсказу нѣкоторыхъ апокрифическихъ Евангелій Архангелъ засталъ Пресвятую Дѣву за пряжей пурпурной ткани для храма Соломонова. Вверху тріумфіальной арки сохранились кромѣ того три мозаическіе медальона съ изображеніемъ Іисуса Христа въ среднемъ и Богородицы и Іоанна Предтечи въ двухъ боковыхъ, а на боковой внутренней части арки изображеніе первосвященника Аарона.

Мозаическая роспись, такимъ образомъ, занимаетъ центральную часть храма. Она выполнена на ровныхъ золотыхъ фонахъ и отличается своимъ монументальнымъ видомъ. Стиль этихъ мозаикъ отличается чрезвычайнымъ архаизмомъ формъ, восходящимъ еще къ X столѣтію.

фигуры отличаются очень широкими пропорціями а не узкими, какъ въ послѣдующее время, лица правильны, и что особенно характерно, глаза очень велики и широко открыты, чтобы быть замѣченными на разстояніи. Замѣчательнымъ совершенствомъ отличается изображеніе Іоанна Златоуста, выполненное портретно, способное напомнить древнюю портретную технику восковыхъ иконъ, столь похожую на нашу масляную живопись. Равного этому образу я не знаю въ другихъ современныхъ мозаическихъ росписяхъ, но подобные ему можно указать въ росписи церкви св. Георгія въ Солуни. Не менѣе архаичны и изображенія свв. мучениковъ въ медальонахъ, передающіе древніе типы, но образъ Пресвятой Дѣвы - Нерушимой стѣны отличается болѣе новымъ стилемъ. Эти архаизмы можно объяснить тѣмъ, что мозаики церкви св. Софіи могли быть выполнены той школой греческихъ мастеровъ, которые были призваны еще Владиміромъ и украсили мозаиками Десятинную церковь.

Фрескова живописъ покрывала остальныя пространства храма. Въ среднихъ пространствахъ церкви изображены страсти Христовы, какъ символы крестообразнаго пространства храма; на хорахъ изображены нѣкоторые прообразы Евхаристіи и Воскресенія /Три странника у Ав-

раама, Бракъ въ Канѣ и Три отрока въ пещи и т.п./, въ боковыхъ придѣлахъ Іоакима и Анны, Архистратига Михаила обширные циклы картинъ изъ ихъ жизни, а въ придѣлѣ св. Георгія, патрона самого Ярослава, жизнь и мученичество св. Георгія. На столбахъ храма написаны святые и мученики въ ростъ и погрудь въ медальонахъ. Какъ извѣстно внутрь такихъ столбовъ клались на освященіе частицы мощей свв. мучениковъ.

Византійская живопись XI столѣтія не отличалась высокими техническими совершенствами современной. Фигуры часто неестественно удлинены, движенія лишены свободы, отдѣльныя части фигуръ нарисованы неумѣло, подъ ногами идущихъ фигуръ часто нѣтъ почвы и онѣ ступаютъ по воздуху, но взамѣнъ этихъ несовершенствъ въ нихъ открывается нравственное величіе и строгое цѣломудренное выраженіе. Какъ изможденныя худыя лица подвижниковъ, такъ и полныя цвѣтущія лица юныхъ мучениковъ спокойны, строги, углублены въ созерцаніе. Эти лики съ большими, широко открытыми глазами обращены къ зрителю, встрѣчаютъ его взоръ и какъ бы входятъ въ интимную связь съ настроеніемъ молящагося Лики І. Христа, Богородицы и святыхъ пишутся въ христіанской церкви какъ портреты ихъ, дошедшіе до нашего времени путемъ художествен-

наго преданія. На нихъ нѣтъ поэтому никакихъ мимолетныхъ житейскихъ настроеній, и входящаго въ храмъ охватываетъ особое строгое молитвенное настроеніе. Блестящіе золотые и глубокіе синіе фоны , красота и разнообразіе орнаментовъ чаруютъ взоръ и смягчаютъ техническія несовершенства живописи. Эти черты составляютъ характеръ или стиль византійской живописи. Русская церковная живопись и иконопись навсегда сохранила этимъ стиль, переработовъ его сообразно своему національному характеру.

Любопытна также фресковая роспись лѣстницъ, ведущихъ на хоры и устроенныхъ въ сѣверной и южной башняхъ. Много было сдѣлано попытокъ объяснить содержаніе этихъ фресокъ, но всѣ предположенія объ ихъ смыслѣ оказывались произвольными и не выдерживающими строгой критики. Только теперь, основываясь на ближайшемъ изученіи самыхъ изображеній и на литературныхъ извѣстіяхъ, можно предположить достаточно вѣроятное толкованіе этихъ любопытныхъ сценъ. Живописное украшеніе лѣстницъ собора представляетъ различные эпизоды, охоты, игры скомороховъ и какихъ-то процессій, царственныхъ особъ и разнообразные орнаментальные мотивы. Эти изображенія исполнены, по всей вѣроятности, по княжескому заказу и объясняются сильною лю-

бовью нашихъ древнихъ князей къ охотѣ и показаніями лѣтописей и иныхъ памятниковъ старинной русской письменности. Но подлежитъ, однако сомнѣнію, что художники, воспроизведшіе эти сцены, были не русскіе, а византійцы, такъ какъ многія частности въ ихъ композиціяхъ указываютъ не на русскую, а совершенно иную жизнь и обстановку. Такъ, напр., молодой охотникъ, концомъ копья натравливающій барса /животное неизвѣстное на Руси/ на олениху, написанъ совсѣмъ въ стилѣ византійскаго искусства и одѣтъ въ костюмъ, издревле свойственный Востоку. Въ числѣ фресокъ, мы видимъ сцены охоты на волка, на кабана и на медвѣдя, котораго поражаетъ всадникъ; но это - ни княжіе ловы, а сцены, близко напоминающія цирковую травлю звѣрей, извѣстную Риму и Византіи, гдѣ она сопровождала преимущественно , такъ называемыя, Врумаліи, Воты и Каланды, составлявшія циклъ рождественскихъ празднествъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь рядъ представленій цирка: охотникъ выпустилъ барса на козулю и подстрекаетъ его копьемъ; два ученыхъ медвѣдя заполевали козулю; охотникъ съ собакою заполевалъ кабана; отрядъ джигитовъ гонится за дикою лошадью; охотникъ на лошади убиваетъ копьемъ волка, другой медвѣдя; двое охотниковъ съ копьемъ и лукомъ пре-

слѣдуютъ векшу на деревѣ и пр. Костюмъ, въ который одѣты нѣкоторыя изъ изображенныхъ лицъ, тождественный съ гладіаторскимъ, подтверждаетъ увѣренность, что дѣйствіе происходитъ въ ипподромѣ. Этого мало: представлена даже самая стамма, или зданіе ипподрома въ видѣ буквы П : за четырьмя рѣшетками видны четыре геніоха на квадригахъ-представители цирковыхъ партій, голубой, зеленой, бѣлой и красной; надъ ними-ихъ значки съ изображеніемъ рога луны; въ окна смотрятъ зрители. Ниже этой сцены, былъ изображенъ кулачный бой гладіаторовъ, а напротивъ, огибая столбъ лѣстницы, воспроизведена весьма интересная сцена поздравительнаго поднесенія свиной головы и окорока, происходящая, очевидно, въ царскихъ палатахъ. Этотъ способъ поздравленія, напоминающій обычай дѣлать подобные подарки на Васильевъ вечеръ у русскихъ, у сербовъ, у болгаръ, не оставляетъ сомнѣнія, что сцены принадлежатъ къ циклу рождественскихъ празднествъ. Бородатый колядникъ, со свиной головой на плечѣ и окорокомъ въ рукѣ, вступаетъ въ палаты въ сопровожденіи слугъ и человѣка съ блюдомъ въ рукахъ для сбора подачки, извѣстнаго въ русскомъ биту подъ названіемъ "мѣхоноши" или "волочинника". Слѣдующая сцена представляетъ цѣлый рядъ скоморошьихъ игръ; мы

видимъ здѣсь двухъ силачей, собирающихся вступить въ бой, плясуновъ, водящихъ хороводъ, музыкантовъ, играющихъ на арфѣ, трубахъ, доморѣ и флейтѣ, - словомъ, увеселенія, противъ которыхъ такъ сильно возставало церковное поученіе, и о которыхъ говорится, напр., въ житіи преподобнаго Нифонта: "овы гусельныя гласы испущающе , друзіи же органныя гласы поюще, а тѣмъ замарьная пискы глащающе"; или "ови біяху въ бубны, друзіи въ козицы и въ сопѣли , сопяху, иніи же возложиша на я скураты, дѣяху на глумленіе человѣкомъ и нарекоша игры тѣ русалія".

Пополненіемъ къ этой сценѣ служатъ нѣкоторыя изображенія, помѣщенныя въ медальонахъ; гудочникъ, шуточная борьба двухъ ряженыхъ, изъ которыхъ одинъ одѣтъ воиномъ, а другой фантастическимъ животнымъ; раскрытыя и, очевидно, щелкающія челюсти его маски, равно какъ и его костюмъ состоящій изъ вывороченной мѣхомъ вверхъ шкуры, весьма близко напоминаютъ маску со щелкающими челюстями - ту "козу", которая еще недавно сопровождала странствующихъ ученыхъ медвѣдей и является въ русскихъ святочныхъ обрядахъ.

Кромѣ забавъ и охотничьихъ сценъ, въ разсматриваемой росписи мы находимъ изображеніе

императора и императорицы съ ихъ свитою. Императоръ сидитъ на большомъ креслѣ, у высокой двери съ занавѣсью по сторонамъ его стоятъ по два протоспатарія - евнухи съ большими парадными щитами и копьями. Императрица, въ стеммѣ, хламидѣ и лоронѣ, сидитъ среди придворныхъ патриціанокъ и, подобно императору, любуется на происходящія передъ ними въ ипподромѣ игры и ристанія: къ этой царственной четѣ, очевидно, направлялась процессія, отъ которой сохранились лишь два фрагмента: ѣдущій верхомъ на конѣ юноша, съ нимбомъ вокругъ головы, и женская фигура, также въ нимбѣ, сопровождаемые толпою. Эта процессія, повидимому, представляла одинъ изъ императорскихъ выѣздовъ въ рождественскій праздникъ, согласно этикету, существовавшему при византійскомъ дворѣ.

Весьма любопытна по содержанію сцена, представленная такъ, что видны зданія, и то, что въ нихъ происходитъ. Изображенъ императоръ, собирающійся смотрѣть на ристанія въ ипподромѣ: онъ уже сидитъ на тронѣ, въ своей ложѣ, каѳисмѣ, одѣтый по церемоніалу, въ стемму и плащъ, отороченный золотомъ; ниже, силенціарій подаетъ знакъ для начала игръ. Вверху, среди аркадъ, увѣшанныхъ шитыми тка-

нями и коврами, представлены зрители; внизу, смотритъ изъ окна также человѣческая фигура.

Кромѣ сценъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ изъ игръ святочнаго цикла, фрески лѣстницъ нашего Собора представляютъ остатки бывшей здѣсь прежде богатой орнаментики. Въ орнаментальныхъ плетеніяхъ, образующихъ медальонъ, или просто въ медальонахъ, изображены ученые ястреба и соколы въ ошейникахъ, грифоны, двухголовыя чудовища, крылатые львы, бѣгущій волкъ, орелъ, царь, ѣдущій на дикомъ звѣрѣ.

Этотъ фонтастическій животный жанръ является однимъ изъ отдѣловъ византійской орнаментики, вошедшимъ въ нее изъ орнаментики вообще искусства Востока. Вмѣстѣ съ появленіемъ бестіаріевъ, получившихъ широкое распространеніе на востокѣ и западѣ, произошелъ наплывъ звѣриныхъ формъ въ искусствѣ, что особенно замѣчается въ орнаментикѣ запада въ XI - XIII стол. Звѣриныя формы, имѣя часто символическое значеніе, указываемое и христіанскими бестіаріями, пороковъ, добродѣтелей и силъ враждебныхъ человѣку, когда соотвѣтствуютъ тексту рукописей, какъ толковая иллюстрація[1], въ большинствѣ случаевъ

I/ Напр. въ рукописи Григорія Богослова Парижск. Нац. Библ. I262 г., Кондаковъ Ист. виз.иск., 200 - 201.

представляютъ просто обыденныя орнаментальныя формы или украшенія. Внѣ всякаго сомнѣнія, что эта орнаментика нашихъ лѣстницъ не имѣетъ никакого символическаго значенія; скорѣе она можетъ заключать нѣкоторыя бытовыя данныя: ручные соколы и ястребы, извѣстные на востокѣ, а также и въ Россіи, гдѣ ихъ приманивали или "вабили" употреблялись для любимой царской охоты.[2/]

На южной лѣстницѣ представлены два грифона по сторонамъ монограммы, которая въ данномъ случаѣ является простой орнаментаціей. На сѣверной лѣстницѣ въ потолкѣ въ медальонныхъ плетеніяхъ представлены грифонъ, сражающійся со змѣемъ - мотивъ обыкновенный въ рукописяхъ византійскихъ, славянскихъ, въ росписи плафоновъ Палатинской капеллы и др. Въ другомъ кругѣ представлено фантастическое двухголовое чудовище съ лицомъ человѣка сбоку, держащее въ одной лапѣ мечъ и др.

Растительныя формы орнаментики нашего Со-

2/ „Аще добръ сынъ у отца, яко ястребъ на руцѣ добръ, аще золъ сынъ, то аки ястребъ на руцѣ слѣпъ" /Архивъ Н. Калачева 1854 кн. II, ст. Буслаева о пословицахъ и поговоркахъ стр. 67 и слѣд./.

бора, какъ въ мозаикахъ, такъ и во фрескахъ представляютъ обыкновенную для этого времени смѣсь орнаментальныхъ формъ классическаго и формъ восточнаго, напр. персидскаго искусства.

Изъ предыдущаго видно, что содержанiе росписи на лѣстницахъ Кiево-Софiйскаго собора, стиль этой живописи и характеръ орнаментацiи ставитъ ея византiйское происхожденiе внѣ всякаго сомнѣнiя. Отношенiе ея содержанiя къ русскому быту - лишь косвенное и легко объясняется какъ заимствованiемъ нашими предками культуры отъ Византiи, такъ и общимъ сродствомъ святочныхъ обрядовъ почти у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Охоты, веселье пѣсни и танцы были, однако излюбленными развлеченiями кiевскихъ князей. Владимiръ Мономахъ краснорѣчиво описываетъ свои охотничьи подвиги, часто угрожавшiе опасностью его жизни, а въ житiи Феодосiя Печерскаго описываются увеселенiя внутри княжескаго терема: "многiе играюще предъ княземъ, другiе же органные гласы поюще... и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся якоже обычай есть предъ княземъ."

Украшенiя лѣстницъ, такимъ образомъ представляютъ особый отдѣлъ свѣтской живописи, издавна существовавшiй въ Византiи. Присутствiе такой живописи на лѣстницахъ храма св. Софiи

можетъ быть объяснено тѣмъ что эти лѣстницы ранѣе сообщались съ княжескими полатами, изъ которыхъ великіе князья проходили по нимъ въ храмъ.

Византійскіе императоры украшали свои дворцы сценами развиихъ увеселеній, а иногда приказывали изображать на стѣнахъ свои военные подвиги и удачныя охоты, въ которыхъ участвовали лично. Такъ Никита Хоніатъ описываетъ въ загородномъ дворцѣ Андроника Комнена / 1183-1185 / фресковую и мозаическую живопись, содержавшую охоту съ собаками, ловлю птицъ охоту на зайцевъ, на зубра / ζούμπρος / котораго поражали копьемъ, на дикаго быка, а затѣмъ привалъ и пиръ охотниковъ, причемъ самъ Андроникъ былъ представленъ поливавшимъ убитую добычу, которая здѣсь жарилась надъ костромъ.

Повидимому, такой-же живописью приказалъ украсить свой дворецъ Борисъ царь Болгарскій, здѣсь были изображены сцены охоты, которыя затѣмъ послѣ проповѣди Меѳодія были очищены и замѣнены картиной Страшнаго суда /II/ Подоб-

---

I/ Nicetas Choniates, De Andronico Comneno. Ed. Bonn. c II p. 433-4.

II/ Patr. gr. T. I 109, Theophanes continuatus IV, p. 178.

нымъ же образомъ, т.е. сценами охотъ, изображеніями, звѣрей, деревьевъ, орнаментовъ украшена знаменитая комната короля Рожера. Мозаики украшающія эту комнату, примыкавшую ко храму, т.е. къ извѣстной Палатинской капеллѣ, до сихъ поръ частью сохранились. Неудивительно, если въ Кіевѣ, при церкви св. Софіи, встрѣчается подобная-же свѣтская роспись лѣстницъ.

Другія сооруженія Ярослава.

При Ярославѣ возникли также два монастыря. Мужской монастырь св. Георгія / патрона Ярослава/ и женскій монастырь св. Ирины неподалеко отъ него. Монастырь св. Георгія находился „предъ враты Святой Софіи", а потому ясно, что дѣятельность Ярослава направлена была по преимуществу къ украшенію Вышгорода, т.е. города Кія, верхняго города. Онъ окружилъ этотъ городъ стѣнами и украсилъ,какъ сказано было ранѣе Золотыми воротами. Оба монастыря погибли, а развалины Золотыхъ воротъ до сихъ поръ говорятъ о строительной дѣятельности Ярослава.

Кіевъ при наслѣдникахъ Ярослава.

При наслѣдникахъ Ярослава холмъ Кія и весь остальной городъ продолжали украшаться великолѣпными храмами и палатами. Великій князь Изяславъ /1054 - 1078/ въ крещеніи Димитрій, основалъ Дмитровскій монастырь

отличавшійся богатствомъ и роскошью украшеній. Его сынъ Ярославъ заложилъ въ этомъ монастырѣ церковь во имя св. Апостола Петра. Ни одинъ изъ этихъ храмовъ, однако, также не сохранился до нашего времени. Нѣкоторые изъ погибшихъ храмовъ /св. Ирины, св. Петра/, также были украшены мозаической живописью, на что указываютъ остатки мозаикъ, найденныхъ въ ихъ развалинахъ. Но наиболѣе важнымъ и знаменитымъ храмомъ, возникшимъ въ это время и имѣвшимъ огромное художественное значеніе для послѣдующаго русскаго искусства уже на Сѣверѣ был Печерскій храмъ.

Кіево - Печерскій храмъ.

Изъ текста Кіево-Печерскаго Патерика мы узнаемъ, что основаніе Печерскаго храма связано съ какими-то особенными обстоятельствами, теперь еще не совсѣмъ ясными, но крайне поучительными съ фактической стороны. Ближайшимъ образомъ основаніе этого храма восходитъ къ почину Цареградскаго Влахернскаго храма, но не его одного.

Три инициативы соединились въ одномъ стремленіи построить этотъ храмъ, на нѣсколько столѣтій ставшій особо чтимой святыней древней Руси: русская съ Антоніемъ и Өеодосіемъ, Ярославомъ и Святославомъ во главѣ, греческая при посредствѣ Влахернскаго храма и варяжская съ Шимономъ и его родомъ во главѣ. Сама Богородица Влахернская послала въ

Кіевъ мастеровъ, давъ имъ намѣстную икону, мощи святыхъ и золото. Она избавила отъ потопленія на морѣ варяга Шимона, она раньше потопившая варяжскія ладьи Аскольда и Дира. Она же избавила его отъ гибели на полѣ битвы съ тѣмъ, чтобы /по гласу отъ Распятія/ онъ шелъ въ Кіевъ и отнесъ вѣнецъ золотой и поясъ съ отцовскаго Распятія строющемуся храму Богородицы въ Кіевѣ. Антоній и Өеодосій встрѣчаютъ приходящихъ изъ Царьграда мастеровъ и варяга Шимона съ дарами. Самъ Святославъ копаетъ ровъ для фундаментовъ церкви, размѣры которой обозначены золотымъ поясомъ отъ Распятія, принесеннымъ Шимономъ. Сама Богородица даетъ названіе церкви: "Богородичина будетъ церковь" и желаетъ прійти на Русь, чтобы видѣть церковь: "въ ней же хощу жити". Несомнѣнно, въ этихъ показаніяхъ Патерика съ полной ясностью выступаетъ починъ Влахернскаго храма въ связи съ варяго-русскими отношеніями. Шимонъ и его родъ крестились и оставили "латинскую буесть".

Печерскій храмъ былъ посвященъ празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, между тѣмъ Влахернскій храмъ такого посвященія не имѣлъ. Однако въ немъ хранился гробъ Пресв. Богородицы, привезенный изъ Палестины Львомъ Великимъ /457-474/, вслѣдствіе чего церковь называлась "Святымъ Гробомъ". При томъ же Львѣ I изъ Палестины

была привезена риза Богородицы положенная въ этомъ храмѣ въ серебряномъ саркофагѣ. Все это близко напоминало объ Успенiи Богородицы, и я не могу найти иной причины посвященiя Печерскаго храма празднику успенiя Богородицы, кромѣ указанныхъ реликвiй Влахернскаго храма. Корсунскiй Влахернскiй храмъ также не называется Успенскимъ въ русскихъ источникахъ, а несомнѣнно Влахернскiй Успенскiй Печерскiй храмъ не называется Влахернскимъ. Однако, крайне поучителенъ фактъ, что въ Кiовѣ выходцемъ изъ Печерскаго храма Стефана былъ основанъ храмъ во имя Божiей Матери Влахернской.

Начиная съ эпохи Владимiра Святого на русской почвѣ начинаютъ пользоваться особеннымъ значенiемъ, именно, Успенскiе храмы Пресвятой Богородицы. Соборный Кiевскiй храмъ, знаменитая Десятинная церковь была посвящена Успенiю Богородицы и имѣла намѣстную икону Пресвятой Богородицы, какъ передаетъ Несторъ въ Житiи свв. Бориса и Глѣба: Глѣбъ передъ бѣгствомъ изъ Кiева идетъ въ Десятинную церковь "и ту падъ поклонися со слезами и цѣловавъ образъ святыя Богородицы, ти тако изыде изъ церкви". За Десятинною Успенской церковью послѣдовалъ Успенскiй Печерскiй храмъ, а за нимъ, и въ полной зависимости

отъ него, Успенскій храмъ въ Ростовѣ, выстроенный по мѣрѣ, подобію въ широту и долготу съ повтореніемъ всей росписи Печерскаго Успенскаго храма Владиміромъ Мономахомъ и подобный же храмъ въ Суздалѣ, выстроенный Георгіемъ, сыномъ Владиміра Мономаха. Во Владимірѣ и въ селѣ Боголюбовомъ возникаютъ два Успенскихъ храма Пресвятой Богородицы, выстроенные Андреемъ Боголюбскимъ, затѣмъ Успенскій храмъ въ Звенигородѣ и особенно въ Москвѣ /первый храмъ выстроенъ Іоанномъ Калитой/, какъ бы заканчиваютъ собою традицію главенства Успенскихъ Богородичныхъ храмовъ въ Великихъ княженіяхъ. Эта традиція восходитъ черезъ посредство Печерскаго Успенскаго храма къ почитанію знаменитаго цареградскаго Влахернскаго храма.

Не менѣе важно и то, что изъ школы тѣхъ греческихъ мастеровъ, которые были присланы въ Кіевъ отъ Влахернскаго храма, вышелъ русскій иконописецъ и мозаичистъ Алипій Печерскій.

Печерскій храмъ былъ основанъ, какъ сказано, Святославомъ Ярославовичемъ / 1073-89/ и былъ роскошно украшенъ. Церковь была "мусіею /т.е. мозаикой/ сложена не токмо по стѣнамъ, но и по землѣ." Часть этихъ роскошныхъ украшеній становится извѣстной изъ разсказа

Патерика, а часть видѣлъ еще упомянутый уже Павелъ Алепскій. Вотъ какъ разсказываетъ объ украшеніи церкви Кіево-Печерскій Патерикъ: "Преподобный же Алимпій преданъ бысть родителама своима на ученье иконьнаго писанія, егда бо гречестіи письци изъ Царяграда Божіимъ изволеніемъ и Пречистыя приведены быша нужею писати церькве Печерские, въ дьни благовѣрнаго князя Въсеволода Ярославича, при преподобьнемъ игуменѣ Никонѣ, яко о сихъ съказано есть въ посланіи Симоновѣ, еже показалъ еси Богъ исътвори чудо страшьно въ церкви своей. Мастеромъ бо олтарь кладущимъ и образъ Пречистей Владычицы нашей Богородицы и Присьнодѣвы Маріи самъ вообразися, въсѣмъ же симъ внутрь сущимъ алтаря, покладываху мусією, Алимпій-же бѣ помагая имъ и учася. И видѣвъше вьси дивное и страшьное чудо, зрящимъ имъ на образъ, се вънезапу просвѣтися образъ Владычица нашея Богородицы и Присьнодѣвы Маріи паче солньца; и, не могуще зрѣти, падоша ницъ ужасьни, и, мало возоникше, хотяху видѣти чудо. И се изъ устъ Пречистыя Богоматери изълетѣ голубь бѣлъ и летяше горѣ къ образу Съпасову и тамо скрыся. Сія же вьси смотряху, аще изъ церкове излетѣлъ есть; и въсѣмъ зрящимъ, и пакы голубь изълетѣ отъ устъ Съпасовыхъ и леташе по всей церкъви, и къ коемуждо святому прилѣтая овому на руцѣ

сѣдая. иному же на главѣ, сълетѣвъ же долу, сѣде за иконою чудною Богородичьною, намѣстною, Долу же стоящеи хотѣша яти голубь и стояху вьси зряще къ иконѣ и се паки предъ ними изълетѣ голубь изъ устъ богородиченъ и идяше на высоту къ образу Съпасову: и возопиша горѣ стоящимъ: " имѣте й" Они же простроша руки, хотяху яти его: голубь же паки вълетѣ въ уста Съпасова, отнюду же изыде: Съ ними же бѣ и сей блаженый Алимпій, видѣвъ дѣтѣль Святого Духа, прибывающу въ той, святой честьнѣй церкъви Печерской".

Текстъ Печерскаго Патерика даетъ возможность возстановить въ общемъ схему росписи храма Слѣдя за полетомъ голубя видимъ, что мастера изобразили въ куполѣ образъ Спасовъ, въ алтарѣ Богородицу, а на стѣнахъ"по всему храму" святыхъ. Можно возстановить и имена нѣкоторыхъ святыхъ, изображенныхъ мастерами. Это были Артемій Поліевктъ, Леонтій, Акакій, Ареоа, Іаковъ, Өедоръ, т. е тѣ святые мощи которыхъ перечисляются въ Патерикѣ и относительно которыхъ сказано, что онѣ были положены подо всѣми стѣнами храма " и мощи свв мучениkъ подо всѣми стѣнами положены быша идѣже и сами написаны суть надъ мощами по стѣнамъ" Мощи этихъ мученикъ были привезены изъ Влахернъ присланными

въ Кіевъ мастерами такимъ, въ этомъ - же храмѣ находилась намѣстная чудная икона богородичная стоявшая въ храмѣ довольно высоко отъ пола такъ какъ для того чтобы найти скрывшагося за нею голубя приставили лѣстницу " и не обрѣтеня ни за иконою, ни за завѣсою" Это изложеніе такъ интересно описывающее украшеніе храма Печерскаго мозаиками восходитъ къ болѣе раннему тексту упомянутому авторомъ, именно къ посланію Симона, но и само оно относится еще къ тому времени когда въ цѣлости были золотой поясъ варяга Шимона и золотая корона повѣшенные въ алтарѣ, какѣ его благочестивое приношеніе храму. онъ самъ, принявъ православіе, подъ именомъ Георгія былъ погребенъ въ Печерскомъ храмѣ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти вещи существовали въ цѣлости до нашествія Батия и къ этому времени доджно отнести сказаніе Печерскаго Патерика

Съ другой стороны указаніе лѣтописи, что церковь была украшена мозаикой не только по стѣнамъ, но и по землѣ, даетъ новое указаніе, что и полъ церкви былъ украшенъ мозаикой повидимому, на подобіе того, какъ въ Десятинной церкви и въ церкви св Софіи Значительно позднѣйшій источникъ, кіевскій Синопсисъ говоритъ: "помостъ церковний весь отъ различныхъ шаровъ /т. е красокъ/ каменіями и всякими узорами бысть насажденный, а крестъ надъ церковью "великія ваги отъ самаго злата сдѣланный[1/]

1/ Синопсисъ 2-е Кіевск изд стр I5

Тотъ-же Синопсисъ сообщаетъ, что татары въ 1240 году "верхъ алтаря великаго по перси иконы Пресвятыя Богородицы обили" [1] изъ чего слѣдуетъ заключить, что мозаическое алтарное изображеніе Богородицы было въ полный ростъ.

Изъ того - же Печерскаго Патерика мы почерпаемъ еще одно драгоцѣнное свѣдѣніе относительно росписи Печерской церкви. Этотъ храмъ прославился больше другихъ, и вотъ Владиміръ Мономахъ "письменемъ харатьи написавъ идѣже кійждо праздникъ въ коемъ мѣстѣ написанъ есть сія вся въ чинъ подобіе сотвори /въ Ростовѣ/ по образу великія тоя церкве богознаменанныя. Сынъ-же того князь Георгій, слышь отъ Владимера, еже о той церкъви сотворися и той въ княженіи своемъ созда церковь въ градѣ Суждалѣ въ ту-же мѣру". Изъ этого свидѣтельства явствуетъ, что Владиміръ Мономахъ и сынъ его Георгій выстроили въ своихъ удѣльныхъ княженіяхъ храмы во всемъ подобные Печерскому и даже на хартіяхъ отмѣтили гдѣ и въ какихъ мѣстахъ были изображены праздники. Они могли воспользоваться для своихъ цѣлей тѣми планами, которые мастера и художники оставили Печерскому храму: "суть - же и нынѣ свиты /нѣкоторые читаютъ „свитки"/ и книгы ихъ /т.е. греческихъ художниковъ/ греческіе на полатѣхъ /т.е. на хорахъ/ и блюдомы на память таковому чудеси".

Итакъ къ прежнимъ указанiямъ на роспись можно присоединить и еще одно, что въ храмѣ были также написаны двунадесятые праздники.

Михалонъ Литвинъ также указываетъ на богатство Печерскаго монастыря въ его время и въ общихъ выраженiяхъ говоритъ о разныхъ мраморахъ и инкрустацiяхъ кiевскихъ церквей, но Павелъ Алеппскiй передаетъ наиболѣе важныя свѣдѣнiя, дополняющiя вышеприведенныя. Онъ видѣлъ на западной стѣнѣ надъ главнымъ входомъ изображенiе праздника этого храма, т.е. Успенiя Богородицы, а справа и слѣва отъ него изображенiе двухъ князей, построившихъ эту церковь. Однако, неизвѣстно, были ли эти изображенiя написаны въ древности, или принадлежали времени Петра Могилы.

„Хоросъ, т.е. полъ на хорахъ, говоритъ онъ, вымощенъ твердыми красными плитами вродѣ порфира. Говорятъ этотъ камень добываютъ въ Днѣпрѣ. Таковъ же и полъ церкви, на которомъ доселѣ остаются слѣды удивительной древней многоцѣнной мозаики "

„Въ верху большого купола изображенъ Господь, да будетъ прославлено имя Его". „Алтарь очень высокъ и возносится вверхъ на большое пространство. Отъ верха его полукруглой арки до половины ея - изображены: Владычица, стоя благославляющая, съ платомъ у пояса, а ниже Ея Господь, окруженный апостолами, мозаикой съ золотомъ, какъ въ церкви св. Софiи и въ церкви Виѳлеема". „Полъ алтаря сдѣ-

ланъ изъ чудесной мелкой мозаики. По окружности алтаря идетъ каеедра /горнее мѣсто/ съ тремя ступенями; надъ нею на высоту роста тоже мозаика изъ превосходнаго мрамора."

Павелъ Алепскій видѣлъ, такимъ образомъ еще сохранившееся по поясъ изображеніе Богородицы оранты и композицію Евхаристіи въ алтарѣ, а въ самомъ храмѣ мозаическіе полы и инкрустаціи изъ мрамора. Теперь все это погибло и не осталось даже слѣдовъ мозаикъ или древней живописи. Роспись, покрывающая стѣны этого знаменитаго храма выполнена въ концѣ XIX столѣтія.

Златоверхо - Михайловскій монастырь.

Заложеніе церкви во имя св. Михаила, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, совершено въ 1108 году великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ. Церковь за свои позолоченные купола получила названіе "Златоверхой". По обычному плану древнихъ и русско-византійскихъ церквей, она имѣетъ три алтарныхъ абсиды: среднюю, или собственно алтарь, лѣвую - жертвенникъ, правую діаконикъ   Первоначальный планъ церкви измѣненъ различными пристройками, расширившими церковь, но затемнившими ее. Изъ семи куполовъ, имѣющихся нынѣ на церкви - лишь одинъ древній - средній. Благодаря различнымъ перестройкамъ,

различнымъ невзгодамъ, испытаннымъ церковью, она лишилась своихъ древнихъ драгоцѣнныхъ украшеній, которыми несомнѣнно была богата не менѣе св. Софіи. Она, на сколько можно судить по слабымъ остаткамъ этихъ украшеній въ видѣ мозаики абсиды алтаря - имѣла роспись, отчасти воспроизводившую ту, что находится въ св. Софіи - въ той-же части ея, т.е. алтарѣ. Это подтверждается свидѣтельствомъ Павла Алеппскаго, который въ половинѣ XYII вѣка посѣтилъ въ Кіевѣ церковь Михайловскаго монастыря и описалъ мозаичную живопись ея алтаря, которая въ то время была еще въ сохранности: "Великій алтарь /говоритъ онъ/ похожъ на алтарь св. Софіи и монастыря Печерскаго, съ тремя большими окнами. На передней /восточной/ его сторонѣ есть изображеніе Владычицы, стоящей, воздѣвъ свои руки съ открытыми дланями, - изъ позолоченной мозаики; также изображеніе Господа, который подаетъ своимъ ученикамъ, стоящимъ съ обѣихъ сторонъ, хлѣбъ и кровь божественные, подъ ними кругомъ изображенія архіереевъ - все изъ мозаики I/.

Ни образа Богородицы Оранты, ни изображеній святителей, кромѣ первомучениковъ Димитрія и Стефана, теперь не имѣется; сохранилось только изображеніе св. Евхаристіи въ литургическомъ

I/ Муркосъ, *ibid.*, 7

изводѣ. Но и эта мозаика сохранилась не вполнѣ: многія части представленнаго въ ней престола осыпались и подмалеваны красками. Изображеніе св. Евхаристіи въ мозаикѣ Михайловскаго монастыря /рис 67/ въ общихъ чертахъ сходно съ изображеніемъ въ мозаикѣ Софійскаго собора, но въ частностяхъ между ними разница. Въ Михайловской мозаикѣ надъ св. престоломъ нѣтъ киворія, но престолъ находится внутри канцеллъ или древняго иконостаса, алтарной преграды, поставленной на солеѣ изъ мраморовъ; Христосъ при раздаяніи хлѣба держитъ въ лѣвой рукѣ дискосъ; Ангелы держатъ подъ престоломъ рипиды скрещенными; на престолѣ одинъ только дискосъ. Болѣе существенная разница - въ самомъ исполненіи мозаики, ея техникѣ и стилѣ. "Общій характеръ стиля ниже Софійской мозаики; уже нѣтъ той цѣльности въ манерѣ представленія апостольскихъ группъ; пропорціи утрированы до крайности: несоразмѣрно малы головы , руки и ноги; драпировки спутаны, и подъ одеждами не чувствуется тѣла. Въ техническомъ отношеніи, мозаика отличается сѣрыми, безцвѣтными тонами; въ ней преобладаютъ кубики бѣлые и красные. Черного цвѣта надпись, /не греческая, какъ въ св. Софіи/ церковно-славянская, вышиною въ буквахъ около шести вершковъ, тянется поверхъ обѣихъ апостольскихъ группъ; слѣва читается: "пріимѣте и ядите се есть тѣло мое ломимое за

вы въ оставленіе грѣховъ;справа "піите отъ нея вси се есть кровь моя новаго завѣта і завѣта изливаемая за вы за... хотя надпись отличается ошибками, однако можетъ служить яснымъ доказательствомъ того,что если искусство и здѣсь, какъ въ св.Софіи, было византійское,то мастерство уже было русское,и самая мозаика должна была быть исполнена отчасти кіевскими учениками грековъ":безъ существованія мѣстныхъ мастерскихъ,какъ указывалось выше,не могли исполняться такія обширныя работы, какъ украшеніе стѣнъ мозаикой, отъ которой дошли до насъ лишь небольшіе,слабые остатки,но тѣмъ не менѣе весьма важные,дающіе цѣнный матеріалъ для нашего знакомства съ состояніемъ искусства въ Россіи въ XI-XII вѣкѣ,объ культурныхъ интересахъ нашихъ предковъ этого времени.

Фрески Кирилловскаго монастыря.

Кирилловскій монастырь находится на знаменитомъ,извѣстномъ въ лѣтописяхъ мѣстѣ "Дорожиче" /или Дорогожиче/,бывшемъ единственнымъ доступомъ въ древности къ городу Кіеву;всякій врагъ,наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этому мѣсту. На немъ одержали побѣду Ольговичъ Черниговскій,князь Всеволодъ II-й,послѣ чего овладѣлъ Кіевомъ и великокняжескимъ престоломъ въ 1140 году.На мѣстѣ своей побѣды онъ воздвигъ монастырь, сдѣлавшійся усыпальницею рода Ольговичей, во имя Кирилла, епископа Александрійскаго. Какъ и Софій -

17-й л. Ист.др. руск. иск. Д.В.Айналова.

Лит. Юделевича.

скій соборъ. Кирилловскій монастырь испыталъ въ теченіи многихъ вѣковъ множество невзгодъ, по-вреждéній, измѣненій. Въ 1787 г. монастырь былъ упраздненъ и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и нынѣ богоугодныя заведенія. Вѣроятно въ это время фрески, украшавшія церковь, и были закрыты. Въ 1860 г. при перетираніи штукатурки обнаружена была древняя живопись; но полное открытіе ея, почти всѣхъ древнихъ фресокъ, было сдѣлано лишь въ 1880 году профес. А.В. Праховымъ 1/.

Церковь имѣетъ три престола, какъ показываютъ изслѣдованія ея кладки, плана XII вѣка; къ тому же времени относятся украшавшія ея фрески, лишь часть изъ нихъ - XVII вѣка. Содержаніе росписи и самое распредѣленіе ея-обычно съ тѣмъ, какое извѣстно въ византійскихъ и русскихъ церквахъ того же времени.

На паперти, прямо противъ входа-остатки изображенія страшнаго суда: 12 апостоловъ, толпы праведниковъ, ангелъ "завивающій небо"; лоно Авраамово. Надъ главнымъ западнымъ входомъ, напротивъ изображенія суда - троны. Въ главномъ продольномъ

1/ Фрески эти, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ, за исключеніемъ трехъ изображеній, не изданы; краткое описаніе ихъ въ статьѣ проф. А.В. Прахова "Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства. Древн. Труды Московск. Арх. Общ. томъ XI, вып. 3-й стран. 19-24.

кораблѣ: между окнами-изображеніе четырехъ столпниковъ; на южной стѣнѣ-Рождество Христово, на сѣверной - Успеніе Божіей Матери. Первая сцена-въ сложномъ переводѣ-съ ангелами, волхвами, омовеніемъ младенца, во второй- группы ангеловъ, несущихъ на облакахъ апостоловъ апостолы у гроба. На сѣверной стѣнѣ жертвенника-интересный подборъ святыхъ Македонскихъ, Өессалоникіевъ: св. Константинъ, вѣроятно Кириллъ; свв. Климентъ /Болгарскій/, Іоаннъ Македонскій, Іосифъ Солунскій-далѣе: Евменъ, Анфимъ, Киріакъ.

На столпахъ царской арки - въ три яруса: Срѣтеніе, Ап. Петръ, Павелъ, Благовѣщеніе.

Сѣверный придѣлъ /Михайловскій/ весь украшенъ лицевыми изображеніями. Роспись главнаго алтаря повторяетъ то, что въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ Софійскомъ соборѣ и Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, тутъ: Богородица Оранта, св. таинство Евхаристіи, Святители.

Наиболѣе интересна по своему содержанію, и сохранности, роспись на стѣнѣ южной абсиды теперешняго Кирилловскаго придѣла. Какъ и во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, такъ и здѣсь всѣ изображенія поясняются соотвѣтствующими надписями на церковнославянскомъ языкѣ, весьма важными и для исторіи русскаго языка. Указанная роспись иллюстрируетъ главные моменты изъ житія св. Кирилла, епископа

Александрійскаго /+ 444/ Такимъ образомъ здѣсь видимъ: благословеніе Богородицею св Кирилла и св Афанасія, /трудившихся надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ/: исцѣленіе св. Кирилломъ бѣсноватыхъ: поученіе имъ народа; писаніе имъ заповѣдей Божіихъ /"Кюрилъ пишетъ заповѣдь Бжию"/: онъ сидитъ на креслѣ и пишетъ перомъ, держа книгу лѣвою рукой: передъ нимъ низкій письменный столъ со шкафомъ, около него ученики: поученіе св Кирилломъ царя Феодосія /Стый Кюриллъ оучитъ пр /: въ дѣйствительности св Кириллъ не былъ въ Константинополѣ, а только писалъ императору Феодосію поученія о вѣрѣ; въ любопытномъ и интересномъ костюмѣ изображенъ императоръ на головѣ у него стемма съ драгоцѣнными камнями, верхняя одежда малиновая парчевая оплечья ея съ камнями зеленые порты и красные вязанные жемчугомъ сафьяные сапоги надъ трономъ на которомъ сидитъ императоръ сѣнь по сторонам у дверей - св. Кириллъ и другой святитель /рис 68 Далѣе слѣдуютъ сцены изъ борьбы его противъ ученія Несторія, противника догмата почитанія Пресвятой Дѣвы, какъ Богородицы. святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфейкѣ сидитъ во главѣ другихъ св епископовъ, предсѣдательствуетъ на соборѣ /рис 69/ можно полагать, что здѣсь имѣется въ виду Александрійскій соборъ. Слѣдующее изображеніе поясненное въ надписи: "Стыи Кюрилъ оучитъ въ сборѣ очевидно, представляетъ третій вселенскій соборъ въ Эфе-

сѣ /рис. 70/. Посреди на тронѣ, богато украшенномъ, сидитъ императоръ; на головѣ у него царская корона въ видѣ обруча, съ матерчатою шапочкою внутри, съ камнями; на вискахъ жемчужные подвѣски /препендулы/; верхняя одежда-пурпурная далматика съ лорономъ, перекрещенномъ на груди; въ рукахъ императоръ держитъ большой свитокъ соборныхъ постановленій или грамоту: по сторонамъ сидя и стоя, окружаютъ императора отцы церкви; сзади стоятъ два тѣлохранителя въ азіатскихъ колпакахъ.

Далѣе заключительныя изображенія: св. Кириллъ проклинаетъ еретиковъ /несторіанцевъ/; погребеніе св. Кирилла: двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную, розовую раку; тутъ же ученики и кадящій священникъ.

Кромѣ указанныхъ изображеній, имѣются остатки древнихъ композицій и отдѣльныхъ изображеній святыхъ, и равно масса чисто орнаментальныхъ, дающихъ вмѣстѣ съ описанными - богатый матеріалъ для исторіи русскаго искусства, въ XII в., находившагося подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ византійскаго искусства, представители, мастера котораго, какъ указывалось и выше, могли работать въ Россіи сами непосредственно, при помощи учениковъ, открывавшихъ несомнѣнно свои самостоятельныя мастерскія.

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что въ

Кіевѣ въ эпоху до татарскаго нашествія было шесть большихъ и роскошныхъ храмовъ, украшенныхъ мозаической и фресковой живописью. Для выполненія мозаикъ и фресокъ необходимы были мастерскія и мастера. Сначала эти мастера были греки, а затѣмъ русскіе. Первымъ мозаичистомъ, русскимъ ученикомъ грековъ, былъ иконописецъ Алипій, а первая мозаика, выполненная русскими мастерами и снабженная славянскими надписями, была мозаика Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Такъ привились на Кіевской почвѣ церковное зодчество, роскошная живопись и иконопись, водворенныя здѣсь мастерами изъ Византіи и воспринятыя русскими. Формы византійскаго искусства, ставшія на мѣсто прежняго языческаго искусства, по существу общенароднаго и представлявшаго формы древне-языческаго быта, были вкраплены въ эту сложную среду народнаго искусства и медленно въ теченіи вѣковъ вліяли на ихъ измѣненіе. Такъ изъ борьбы вѣковыхъ формъ зодчества еще языческой поры съ новыми византійскими, выработалась русская деревянная храмовая архитектура.

МРАМОРЫ И ИНКРУСТАЦІИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА И ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ

Принципъ византійской архитектуры X-XI вѣ-

ковъ, унаслѣдованный ею еще отъ античной древности состоялъ въ томъ, что храмовое зданіе должно было соединять въ себѣ разнообразную многоцвѣтную живопись съ облицовками стѣнъ и половъ разнообразными мраморами и инкрустаціями, т.е. иначе сказать, храмъ, какъ и дворецъ, соединялъ двѣ отрасли украшеній: полихромію и полилитію. Понятно само по себѣ, что только изучая обѣ стороны украшеній храмовыхъ зданій, можно получить о нихъ надлежащее представленіе.

Какъ бы ни были ничтожны остатки древнѣйшей церкви Кіева Десятинной, хранящіеся въ шкафу слѣва отъ входа, однако, и они заслуживаютъ полнаго вниманія уже потому, что въ этихъ остаткахъ наблюдается искусство X вѣка на Руси, такъ какъ церковь заложена въ 989, а освящена въ 996 г.г. Фрагменты мозаикъ съ золотыми и синими кубиками, найденные въ развалинахъ этой церкви свидѣтельствуютъ, что храмъ былъ украшенъ настѣнной мозаикой. Нѣсколько порфировыхъ квадратиковъ, прекрасной шлифовки, тонкаго и точнаго разрѣза показываютъ, что стѣнныя икрустаціи Десятинной церкви были выполнены съ замѣчательнымъ мастерствомъ и совершенствомъ, неизвѣстными въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Остатокъ фрески представляющей часть головы какого-то святого, скопированный мною въ краскахъ, даетъ ясное представленіе

о достоинствахъ фресковой живописи X вѣка. Строгость византійскаго стиля сопровождается здѣсь широкими формами лица, большими выразительными глазами, тщательной отдѣлкой и даже тушовкой тѣней, красными контурами вѣкъ и блѣдно-розовымъ цвѣтомъ лица.

Обломки мраморныхъ и шиферныхъ /красныхъ/ плитъ не менѣе интересны. Онѣ доказываютъ, что храмъ въ X вѣкѣ имѣлъ такія же краснаго шифера облицовки хоровъ, какъ и Кіево-Софійскій соборъ, но имѣлъ также и рельефныя плиты бѣлаго проконисскаго мрамора, очень внимательнаго и художественнаго рѣзца. Нѣкоторые фрагменты бѣлыхъ мраморныхъ плитъ по тонкости рѣзьбы и извѣстной округлости рельефовъ, т.е. иначе ихъ пластичности, превосходятъ плоскую рѣзьбу рельефовъ Ярославской гробницы.

Полъ Десятинной церкви сохранилъ значительную часть своей древней настилки, состоящей изъ небольшихъ квадратныхъ плитъ бѣлаго мрамора и краснаго шифера, и представляетъ обширное пространство шахматнаго рисунка. Важнѣе, однако, то, что онъ сохранилъ довольно большую часть инкрустаціи ковроваго рисунка. Эта инкрустація выполнена разноцвѣтными мраморами, между которыми особенно интересны: лиловый порфиръ, зеленый или *verde antico*, бѣлый мраморъ съ прослойками, затѣмъ различные роды

пятнистаго мрамора. Продолговатый четыреугольный коверъ какъ бы лежитъ на полу, отороченный широкимъ бордюромъ порфира. Внутрь его вписанъ кругъ или омфалій, выложенный концентрическими полосами разноцвѣтнаго мрамора и мелкимъ узоромъ мозаической инкрустаціи. Внутри омфалія, въ центрѣ его заключенъ кружокъ порфира. По четыремъ угламъ - повторены по четверти центральнаго омфалія и того же рисунка. По сторонамъ четыреугольника идутъ двѣ дорожки, выложенныя изъ шестиугольныхъ продолговатыхъ плитокъ бѣлыхъ и красныхъ вперемежку. Далѣе, также повторены четыреугольники, но болѣе простой кладки. Этотъ единственный мозаическій полъ, сохранившійся въ Кіевѣ отъ древности, заслуживаетъ точнаго воспроизведенія въ краскахъ и изданія въ свѣтъ. Я не рѣшаюсь издать свой карандашный рисунокъ. Рисунокъ этой ковровой мозаики еще не имѣетъ примѣсей арабскихъ завитковъ и напоминаетъ простоту античной геометрической орнаментики.

Въ верхъ восточной стѣны теперешняго храма вдѣланы части надписи красивымъ уставомъ. Историческій Музей владѣетъ отличной гипсовой копіей съ фрагментомъ этой надписи, и въ виду того, что надпись эта до настоящаго времени еще не прочитана правильно, она здѣсь не приводится. Надпись состоитъ изъ нѣсколькихъ фрагментовъ, составленныхъ вмѣстѣ въ рядъ, перепутанныхъ и не

дающихъ понятныхъ отдѣльныхъ словъ. Обычное чтеніе этой надписи /ὁ Θεὸς ἐν μέσῳ αὐτῆς и т.д./ не можетъ быть принято уже по той причинѣ, что отдѣльныя части словъ η : ο и φ με, не встрѣчаются въ вышеприведенномъ текстѣ, находящемся, какъ извѣстно, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ по бордюру алтарной арки и, какъ передаютъ византійскіе авторы, находившемся на черепицахъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ въ такомъ видѣ: Ὁ Θεὸς ἐθεμελίωσεν αὐτήν, καὶ οὐ σαλευθήσεται· βοηθήσει αὐτῇ ὁ Θεὸς τὸ πρὸς πρωΐ πρωΐ I/.

Кіево-Софійскій Соборъ. Относительно мраморовъ и инкрустацій Кіево-Софійскаго собора историческія данныя изобилуютъ въ такомъ количествѣ, что возстановляется въ значительной степени картина былаго величія и красоты этого храма, подобнаго которому, по выраженію митрополита Илларіона, "не обрящется во всемъ полунощіи земнѣмъ". Данныя вещественныя позволяютъ придать этой картинѣ характеръ достовѣрности.

Писатели XIУ и послѣдующихъ вѣковъ упоминаютъ объ украшеніяхъ храма, состоявшихъ изъ мрамора и мозаическихъ инкрустацій, а Гейденштейнъ, секретарь короля Сигизмунда /въ 1596 г./ видѣлъ въ цѣлости притворъ, колонны изъ порфира,

---

I/ Banduri Antiquitates Constantinop. lib. IУ,63.

мрамора и алавастра [2]. Въ этихъ извѣстіяхъ важно то, что наружный видъ Кіево - Софійскаго собора, равно какъ и внутреннее убранство его рисуются въ иномъ видѣ, чѣмъ тотъ, который храмъ представляетъ въ настоящее время. Мраморные остатки, хранящіеся въ бывшей крещальнѣ собора, для возстановленія указаннаго притвора представляютъ особенную важность. Измѣреніе этихъ фрагментовъ и опредѣленіе ихъ первоначальнаго назначенія приводятъ къ важнымъ результатамъ.

Мраморные фрагменты разбиваются на двѣ группы. Къ первой группѣ должны быть отнесены капители, остатки отъ облицовки арки, дверные пилястры и антаблементъ съ арочками. Всѣ эти фрагменты сработаны въ размѣрахъ однородныхъ, не представляютъ массивовъ, и по техникѣ, болѣе изысканной и тонкой еще болѣе объединяются въ одну группу.

Вторая группа представляетъ рядъ большихъ и массивныхъ блоковъ, въ связи съ которыми должны стоять и сохранившіяся колонны и база. Указанныя ранѣе капители могли украшать, какъ замѣчено, колонны не шире 5, 6½ вершковъ въ діаметрѣ. Капителей, украшавшихъ сохранившіяся колонны, не сохранилось.

---

[2] Ср. Н.И. Петровъ. Историко-типографическіе очерки древняго Кіева; стр. 139-40.

Извѣстія о существованіи портика западнаго входа вполнѣ подтверждаются на мой взглядъ второй группой фрагментовъ. Колонны, база принадлежали этому входному портику, и теперешняя высота его вполнѣ совпадаетъ съ высотой его въ древности. Гейнденштейнъ видѣлъ не только мраморныя колонны, но порфировыя и алебастровыя. Эти колонны были, очевидно, похищены изъ храма въ періодъ уніатскаго владычества, и ихъ должно искать въ католическихъ костелахъ юго-западнаго края, а быть можетъ и Кіева. Среди различныхъ безформенныхъ обломковъ мраморовъ, нашелся лишь одинъ ничтожный кусокъ порфира, отшлифованнаго гладко съ одной стороны, но не принадлежащій колоннѣ.

Дверные стояки, косяки и карнизъ съ крестами представляютъ остатки облицовокъ по меньшей мѣрѣ двухъ дверныхъ входовъ въ храмъ, а существованіе фрагментовъ дозволяетъ предположить, что всѣ три двери, ведшія въ храмъ съ западной стороны, были облицованы мраморомъ по обычаю византійской архитектуры, и что теперешніе входы въ видѣ арочныхъ пролетовъ представляютъ позднѣйшія передѣлки. Такимъ образомъ, западный фасадъ храма св. Софіи долженъ быть возстановленъ по обычному плану византійскихъ храмовъ, имѣвшихъ колончатый притворъ, изъ котораго во внутрь храма вели три массивныя мраморомъ обли-

цованныя двери.

Извѣстіе католическаго бискупа Верещинскаго /1595 года/ относительно внѣшняго вида храма заставляетъ предполагать, что и стѣны съ внѣшней стороны были облицованы какимъ-то камнемъ. Онъ передаетъ, что весь храмъ былъ возведенъ "изъ камня похожаго на халцедонъ, а это данное указываетъ, что онъ видѣлъ какую-то облицовку стѣнъ. Дѣйствительно, сказавши о внѣшности храма, онъ продолжаетъ: " но и внутри вмѣсто живописи онъ былъ украшенъ изображеніями свв. лицъ изъ золотыхъ и эмалированныхъ камешковъ"... Присутствіе на внѣшнихъ стѣнахъ храма широкихъ краснаго шифера карнизовъ указываетъ на то, что онѣ должны были играть служебную роль и служили для поддержки облицовокъ. Извѣстно, что въ эпоху уніатскаго владычества многіе мраморы и облицовки были сорваны со своихъ мѣстъ и послужили для украшеній уніатскихъ церквей.

Такимъ образомъ, внѣшность храма должно представлять себѣ не въ теперешнемъ видѣ со стѣнами, имѣющими неровныя и шероховатыя поверхности, а въ такомъ же видѣ какъ и внѣшность богатыхъ византійскихъ храмовъ, т.е. съ красивыми линіями профилей и угловъ, съ ровными полированными облицованными мраморомъ стѣнами, чему примѣромъ можетъ служить церковь св. Марка въ Венеціи.

Изъ всего богатства инкрустацій и мозаичныхъ половъ, которыя существовали еще во времена Павла Алеппскаго, теперь сохранились ничтожные остатки на нижнихъ частяхъ алтарной абсиды и на древнемъ митропольичемъ сѣдалищѣ. "Когда входишь въ храмъ через западныя двери", говоритъ этотъ крайне внимательный очевидецъ, "то глазамъ твоимъ открывается полъ хороса /т.е. самой церкви/, сдѣланный изъ удивительной многоцѣнной мозаики, съ разнообразными тонкостями искусства."Такой-же полъ онъ видѣлъ внутри алтаря и удивлялся красотѣ инкрустацій на стѣнахъ алтарной абсиды въ перемежку съ мраморными плитами. Полы церкви и алтаря теперь чугунные.

Инкрустаціи на стѣнѣ алтарной абсиды сохранились лишь во фрагментахъ. Онѣ представляютъ длинныя полосы шашечнаго рисунка, набраннаго изъ синихъ и бѣлыхъ треугольниковъ или квадратовъ. По концамъ абсиды справа и слѣва находились выложенные инкрустаціей кресты съ двумя свѣчами внутри ниши. Подобная композиція сохранилась лишь слѣва отъ зрителя.

Митрополичье сѣдалище представляетъ драгоцѣнный древній памятникъ, сохранившійся до нашего времени еще довольно хорошо. Онъ состоитъ изъ трехъ мраморныхъ плитъ бѣлыхъ, но окрашенныхъ теперь въ коричневую краску, изъ

которыхъ одна примыкаетъ къ стѣнѣ образуя спинку, а двѣ другія выступаютъ впередъ на подобіе перилъ косо срѣзанными верхними краями. Какъ спинка, такъ и перила инкрустированы вглубь разноцвѣтными камешками. Верхъ спинки въ видѣ полукруга потерялъ всѣ свои украшенія, но поле спинки сохранило завитки орнамента и лишь круглые довольно крупные вставленные внутрь завитковъ умбоны были выдернуты въ неизвѣстное время.

Говоря о мраморахъ и икрустаціяхъ Кіево-Софійскаго храма нельзя обойти молчаніемъ главнѣйшаго памятника относящагося къ роду описываемыхъ древностей, Ярославской гробницы. Онъ украшенъ рельефными крестами, кругами, рыбами, птицами сидящими на деревьяхъ и четыреугольными отверстіями вродѣ бассейновъ. Неизданный до сихъ поръ въ ясныхъ и точныхъ фотографіяхъ, и извѣстный въ рисункахъ академика Солнцева, по преимуществу, этотъ памятникъ до сихъ поръ описывается не точно и остался необслѣдованнымъ съ противоположной стороны, примыкающей къ южной стѣнѣ, у которой онъ стоитъ. Птицы на деревьяхъ сидятъ касаясь вѣтвей, а не линій четыреугольниковъ, которые принято считать за бассейны. Онѣ обращаютъ клювы къ птенцамъ си-

дящимъ въ гнѣздахъ на вершинахъ деревьевъ. Птенцы и гнѣзда отсутствуютъ на рисункѣ Солнцева. Кромѣ того, отъ четыреугольноковъ, считаемыхъ за бассейны, только на лѣвой сторонѣ идетъ одна полоса внизъ отъ праваго угла четыреугольника. На рисункѣ Солнцева четыреугольники имѣютъ видъ верхнихъ частей какихъ-то поставцевъ довольно высокихъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Задняя поверхность выравнена, но не сглажена и шероховата, и представляетъ приготовленную для рѣщика площадь, на которой онъ успѣлъ уже провести вглубь контуры квадратовъ того рисунка, который намѣревался рѣзать и въ углахъ прошелъ своимъ долбиломъ вглубь на полсантиметра по указаннымъ линіямъ. Работа осталась неоконченной, очевидно, по той причинѣ, что имено, этой стороной саркофагъ долженъ былъ быть поставленнымъ къ стѣнѣ.

Извѣстно, затѣмъ, что въ Десятинной церкви была похоронена Владиміромъ св. Ольга въ особенномъ каменномъ гробѣ. Объ этой гробницѣ имѣемъ слѣдующія указанія въ „Памяти и похвалѣ св. Владиміру"и въ минейномъ житіи св. Ольги: „Во гробѣ идѣ же лежитъ блаженное и честное тѣло блаженныя и честныя княгини Ольги, гробъ каменъ милъ

въ церкви св. Богородица,... и на верху гроба оконце сотворено, и ту видѣти тѣло блаженныя княгини Ольги лежаще цѣло".

Въ 1011 году была похоронена въ этой же Десятинной церкви жена Владиміра царица Анна, а въ 1015 году здѣсь же положенъ былъ въ „корсту мраморяну", т.е. въ мраморную гробницу Владиміръ и похороненъ съ плачемъ великимъ. Дитмаръ Мерзебургскій подтверждаетъ, какъ очевидецъ, что Владиміръ и Анна лежали въ мраморныхъ гробницахъ, посреди церкви (in duobus marmoriis sarcophagis)

Въ 1078 году Изяслава Ярославича „вложивше въ раку мраморяну" похоронили въ той-же Десятинной церкви, а Ярополка Ярославовича „съ честью положиша въ рацѣ мраморянѣ въ церкви св. Апостола Петра, юже бѣ создалъ самъ". Свв. Бориса и Глѣба положили въ раку каменную, какъ и св. Ольгу. Можно думать, что указанныя мраморныя гробницы привозились въ готовомъ видѣ изъ Византіи, но все же и на Руси несомнѣнно могли приготовляться такія гробницы уже потому, что русскіе мастера были освоены съ обработкой мрамора и камня еще въ языческое время при изготовленіи или ваяніи языческихъ идоловъ, а во вторыхъ потому, что пришедшіе при Владимірѣ вмѣстѣ со „здателями палатъ

каменныхъ" „каменосѣчцы", могли обучить своему мастерству русскихъ мастеровъ. Прямое указанiе на изготовленiе русскими мастерами каменной гробницы для князя имѣется въ „Словѣ о перенесенiи мощей свв. Бориса и Глѣба": „Пѣвшу же епископу надъ княземъ Давидомъ Святославичемъ (÷ 1123 г.)гробъ не докончанъ бысть", поэтому удлинили службу „дондеже камень сравняше и князя вложиша въ гробъ". Гробницъ изъ краснаго шифера найдено значительное количество въ древнихъ храмахъ Кiева, Чернигова, Переяслава и др. Въ прежнее время полагали, что этотъ красный шиферъ также привозился изъ чужихъ земель, но теперь, послѣ изслѣдованiй инженера Оссовскаго, открывшаго залежи этого камня въ Овручѣ и указанiй Павла Алеппскаго о добыванiи этого прекраснаго камня въ Днѣпрѣ, стало яснымъ, что всѣ издѣлiя изъ краснаго шифера должны по преимуществу принадлежать русскимъ мастерамъ. Такова, напримѣръ, отличная гробница украшенная рельефными крестами въ арочкахъ, открытая въ развалинахъ Десятинной церкви и тѣ рѣзныя изъ краснаго шифера рельефныя доски,которыя открыты въ тѣхъ же развалинахъ и которыя принадлежали самой церкви и представляли доски для перилъ, подобныя находящимся на хорахъ Софiйскаго собора.

Слѣдуетъ замѣтить, что „мрамори", „мраморяный", „камень", „брагiй камень"- термины хорошо извѣст-

ные нашимъ древнимъ лѣтописямъ и другимъ источникамъ. Мраморъ и дорогія породы камня шли на Русь обычнымъ путемъ изъ Варягъ въ Греки, по Днѣпру. Онъ могъ идти и въ глыбахъ и въ видѣ готовыхъ отдѣланныхъ колоннъ, капителей, гробницъ и т.п. Объ этомъ явственно говоритъ не разъ упоминавшійся уже Павелъ Алеппскій, прибавляя, что этотъ мраморъ шелъ изъ Царьграда, именно съ острова Мармара. Наши русскіе паломники также хорошо знали это мѣсто мраморныхъ ломокъ и одинъ изъ нихъ Зосима еще въ 1420 году писалъ: „И поидохъ въ корабли исъ Констянтина града и идохъ 100 милъ ускимъ моремъ и минухомъ островъ Мармаръ. Въ симъ островѣ царигралци колютъ мармаръ и мостятъ церкви и палаты".

Бросимъ взглядъ на все сказанное. При Ольгѣ и Владимірѣ начинаются такія сношенія Руси съ Византіей, которыя заканчиваются принятіемъ христіанства и насажденіемъ византійскаго искусства въ Кіевѣ. Городъ Кія и безъ того богатый по тогдашнему времени различными зданіями, украшенный на подобіе Царьграда статуями и роскошнымъ Десятиннымъ храмомъ, въ которомъ все, начиная съ его почвы, обагренной кровью мучениковъ, и кончая стѣнами, расписанными мозаической и фресковой живописью, все говорило о новыхъ формахъ искусства, не языческаго, а христіанскаго, при наслѣдникахъ

Владиміра пріобрѣтаетъ еще болѣе важный для исторіи русскаго искусства, характеръ и видъ. Св. Ольга и св. Владиміръ выступаютъ передъ нами, какъ первые насадители новаго христіанскаго искусства, т.е. европейскаго искусства тогдашняго времени. Первые ихъ шаги показываютъ, что у нихъ была мечта возвеличить Кіевъ, какъ Царьградъ. При Ярославѣ Мудромъ эта мечта принимаетъ вполнѣ ясныя и рѣзко выраженныя формы. Современники говорятъ намъ о богатствѣ и красотахъ Кіева и его зданій. Его жизнь и художественный бытъ, соединявшій древнія черты народнаго искусства съ новыми формами византійскаго искусства, восхищалъ современниковъ и казался „прелестью міра", т.е. чрезмѣрной и даже грѣховной роскошью: „Выехалъ князь Святоша, сынъ княжъ Мстислава, внукъ княжъ Юрьевъ Черниговскій изъ града Кіева, и обратився на градъ Кыевъ и рече болярамъ своимъ: воистину братіе суета свѣта сего и прелесть міра сего".

И намъ прійдется вслѣдъ за ними направиться въ другой древній русскій городъ Черниговъ и изучить его памятники.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

